ДЕМ МИХАЙЛОВ
ЗАПЕРТЫЙ II
МИР НИЗШЕГО

SHOUT
IT
SHARE

Annotation

Сурвер - звучит гордо!
Это продолжение истории о сурвере Амосе, рожденном и выросшем в подземном убежище Хуракан.
***
Полностью

- Дем Михайлов
  - ***
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Послесловие @BooksFine

Дем Михайлов
Запертый 2

***

Примечания автора:

Сурвер - звучит гордо!
Это продолжение истории о сурвере Амосе, рожденном и выросшем в подземном убежище Хуракан.

Страница книги

Файл скачан программой телеграмм канала @BooksFine (https://t.me/BooksFine). Узнать о программе вы можете на канале

Глава 1

Дем Михайлов.
Запертый-2.
Глава первая.

После того как сдохла напавшая на меня с битой рослая сука из Шестицветиков прошло три полных дня, полных напряженной мыслительной работы и со столь же полным отсутствием любой физической нагрузки.

Ребра. Мои ребра…

Когда я уклонился от ее размашистого удара там на Манеже, то скользил по беговой дорожке до тех пор, пока ее голени тараном не врезались мне в ребра. До этого она бежала, а я несся ей навстречу, так что наши скорости можно смело складывать и вот он результат – торс с одного бока почернел, вспухшая кожа отзывалась тупой болью при малейшем касании, не позволяя нормально заснуть, а про ребра и думать не хотелось. Обследовать я не стал, тугую повязку накладывать тоже не захотел и решил просто отсидеться в своей берлоге, где и так почти безвылазно провел немало дней.

К концу первых суток я изнемогал от боли. К концу второго дня мне стало значительно легче. К исходу третьего двадцатичетырехчасового отрезка боль еще мучила, но стало настолько терпимой, что я с трудом удержал себя от выхода на беговую дорожку. Чуть больше здравомыслия, сурвер, чуть больше здравомыслия.

Но хотя в очередное раз поврежденное тело отдыхало от нагрузки, мозг я не щадил, «впихнув» в него огромное количество истории Хуракана – от экрана сурвпада я отлипал только на время сна.

Убежище Хуракан строилось тремя подрядчиками - СурвМаунтинс, Алый Юкатан и Россогор – о них я прочитал все, что имелось в памяти устройства. Но читал я только факты, смело пропуская целые страницы со слюнявыми восхвалениями этих гигантов далекого прошлого. Они построили убежище и исчезли – а мы выжили. Убежище выжило – и мне было жутко интересно узнать о том, как это происходило. К сожалению, действительно полезной информации было относительно немного, к тому же было видно, что из текста кем-то изъято немало блоков – порой повествование резко прерывалось на одной ноте, чтобы продолжить на совсем другой.

Следом я переключился на чтение кратких биографий всех наших лидеров – главных смотрителей убежища и на Великие

Роды Хуракана. Я проглатывал описание их решений и достижений, изредка делая отметки и замечая, как с каждым новым десятилетием сурверы становились действительно экономными и учились обходиться самым малом. Из нашего обихода быстро исчезало сложное и хрупкое, а взамен приходило простое и почти вечное. Лифты были разобраны и все стали использовать лестницы, в кафе и дома начали использовать пластиковую и железную посуду вместо стеклянной, огромное количество важных механизмов стремительно упрощалось, не теряя при этом функциональности, культивировались все менее прихотливые овощные, фруктовые, злаковые и прочие культуры. Нашими предками была проделана действительно потрясающая по своим масштабам работа, включающая в себя и массовое воспитание потомков, что уже с материнским молоком впитывали в себя сурверские обычаи и кодексы.

За эти дни ко мне трижды наведывалась Охранка.

Сначала от них прибыл парнишка курьер с рекрутскими нашивками Охраны на воротнике выглаженного бежевого комбинезона, желтым галстуком на шее и до блеска начищенным значком «Чистая Аура» на левой стороне груди. Помимо этих, сильней всего бросающихся в глаза атрибутов, еще имелся ремень с украшенной звездой Россогора пряжкой и три дополнительных значка размером поменьше, но не менее важных. Нельзя было не заметить и полосатые черно-алые шнурки в черной обуви. Просто обалдеть – ко мне в дверь постучался ИДЕАЛ из идеалов. Мне даже почудилось, что от старательно улыбающегося парнишки исходит слепящее сияние. Но потом я понял, что это просто рябь усталости в перенапряженных от экрана сурвпада глазах. Паренька я разглядывал долго, медленно скользя взглядом по его регалиям, а он, явно привыкнув к подобному вниманию и гордясь произведенным эффектом, радостно замер и молчал, давая мне время.

Ну да… тут было чем восхититься. Да еще лет пятнадцать назад для меня было бы честью разговаривать с этим совершенством. Нам с детства прививали уважение ко всему этому – и стремление достичь тех же высот.

Значок Чистой Ауры означал кристально чистую биографию носителя. Никаких правонарушений. Ни малейших официально зарегистрированных нареканий. Аура ангельской чистоты. А рекрутские нашивки Охраны на воротнике комбинезона подтверждали это и одновременно говорили о том, что их носитель решил служить в этой важной организации, чтобы остаток жизни посвятить поддержанию порядка на улицах Хуракана. Сейчас он уже нарабатывал репутацию, в свободное от

учебы время выполняя мелкие поручения Охраны. Например, функции курьера.

Желтый галстук, пояс с красной звездой и рабочие ботинки с полосатыми шнурками – три важных символа, относящихся к тем самым гигантам прошлого, о которых я все это время читал. СурвМаунтинс, Россогор и Алый Юкатан. Наличие любого из этих символов в твоей одежде означает выражение глубокого уважения к предкам – и парнишка постарался не обойти вниманием каждого из них.

В его одежде вообще было еще много чего «напихано», но это уже мелочи, а из последнего крупного и самого, пожалуй, яркого и важного в его облике, были три значка выполненных в виде разноцветных капель – кипельно белая, ярко зеленая с тремя белыми плюсами и скромная коричневая с золотой каемкой. Обалдеть просто. Я знал значение этих значков – как и почти каждый сурвер Хуракана. Белая капля – парень девственник и не скрывает, а подчеркивает это. Правление убежища опасается случайных связей между молодыми сурверами, могущими вылиться в нежелательную беременность и тут дело не в превышении квоты рождаемости. Зеленая капля – юноша ярый общественник, активно участвующий в социальной жизни Хуракана, помогающий пожилым, вызывающийся на неоплачиваемые полезные работы и так далее. Зеленая капля с тремя белыми плюсами – это высший уровень данной награды. И она у него есть. Коричневая с золотой каемкой – еще одна высшая награда, но полученная уже от Культа Экспульсо. Явившийся ко мне курьер успевает не только старичкам продукты приносить, но и по поручениям Культа бегать – забирать ящички с экскрементами, участвовать в ритуалах в качестве служки, изучать постулаты веры и все такое прочее.

Интересно, а у него личная жизнь имеется с такой загруженностью? Хотя, о чем это я – белая капля говорит сама за себя. А вместе со значком «Чистой Ауры» его награды характеризуют его как действительно идеального молодого сурвера.

Ко мне в дверь постучалась истинная гордость Хуракана. А я встретил его опухшей рожей, почерневшим с одного бока торсом и просторными старыми шортами, сползшими неприлично низко, потому что я заткнул за резинку сзади большую тяжелую отвертку – на всякий случай. Еще я небритый, а на щетинистом подбородке засохли остатки овощного рагу. На пороге встретились две противоположности. Проблемный Амос лицом к лицу с господином Юная Лучезарность.

- Здравствуйте, сурвер Амадей Амос! – паренька ничуть не

смутила мой внешний вид или же он умело скрыл это – У меня сообщение от Охраны шестого этажа! Вас просят незамедлительно явиться в участок номер…

- Я никуда не пойду – прервал я его и, еще раз лениво осмотрел уникального юношу с ног до головы, спросил – Тебе лет сколько?

- Почти семнадцать!

- И ни разу не встречался с девушкой, сурвер?

- Романтика – не главное! Хуракан нуждается в молодых надежных специалистах, думающих о благе убежища, но никак не о собственных низменных желаниях!

Я медленно кивнул:

- Обалдеть… ну ладно… хорошего дня.

- Постойте! Вас вызывает на беседу Охрана в участок…

- Я же сказал – не пойду. Не видишь в каком я состоянии? – я взглядом указал на почерневший бок, выглядящий действительно страшно.

Ему пришлось признать очевидное и кивнуть. Но выглядел он при это настолько растерянным, что мне пришлось помочь пареньку:

- Сообщи, что сурвер Амос Амадей не в состоянии наносить визиты.

Лицо гордости Хуракана тут же просветлело, на губы вернулась ясная улыбка идеального сурвера.

- Спасибо! Так и передам! Хорошего дня, сурвер Амос Амадей! Хуракан благодарен вас за проявленный героизм! Позвольте пожать вам руку!

Поморщившись от его резких и громких нескончаемых восклицаний, я вытер руку о шорты, сжал его крепкие пальцы и поспешно захлопнул дверь, чтобы не ослепнуть. Глазам сразу стало легче, а вот память продолжала страдать, и чтобы помочь ей, пришлось прочесть пять страниц с перечислением имен всех сурверов, кто принимал участие в большом субботнике сто двадцать два года назад – я ткнул в список файлов наугад и попалось именно это. Голове полегчало. Заодно узнал, кто больше столетия назад мыл пол, а кто драил общественные туалеты шестого уровня, после чего вернулся к записям куда более интересного содержания.

Про Охранку я не вспоминал до тех пор, пока они сами не явились в тот же день позднее, а затем еще раз спустя сутки. Диалог с ними был максимально скучным, меня попросили еще раз проверить мои и свидетельские показания, после чего заверили, что расследование идет. В последний их визит усталый и безразличный сержант с уже седыми висками и солидным

брюшком сообщил, что пока что они не нашли свидетельств сговора и коллективного злого умысла против моей персоны, поэтому дело рассматривается как единичный инцидент, чьей первопричиной столь же возможно является конфликт личного характера между мной и погибшей. Ну да… А я так хотел быстрее отделаться от нежеланных гостей, что предпочел молча выслушать, после чего проводил их и запер дверь.

Шестицветики сумели соскочить с крючка – во всяком случае пока что.

Я вернулся к чтению и продолжил жадно глотать страница за страницей, забывая о времени и еде. Я бы жил в таком режиме и дальше, но уже привыкший к регулярным пробежкам организм потребовал нагрузки, и я с неохотой пошел ему навстречу. Надо разогнать застоявшуюся кровь, а во время бега обдумать более насущные дела – например, где и как заработать некоторое количество денег.

Размявшись, натянув майку и обувь для бега, я забросил в карман пару монет и вышел, не забыв запереть за собой дверь. Начав осторожную разминку все еще ноющего, но удивительно быстро заживающего бока, невольно вспомнил того парнишку курьера версии «идеальный сурвер». Чего не имелось во всех висюльках, шевронах и пряжках на его одежде, так это намека на принадлежность к какому-нибудь из великих родов. А так поступают все те, кто метит в большую политику в нашем тухлом озерце Хуракана – официально им очень желательно быть независимыми от влияния великих родов, чтобы выглядеть для общественности независимым кандидатом, ратующим лишь о благе убежища, но не о выгоде той или иной влиятельной общины. Но на самом деле все это полная херня – независимых не бывает. И раз парнишка трудится на шестом уровне в области, где так сильно влияние рода Якобс – значит, они ему и покровительствуют. Вполне вероятно, что лет через двадцать пять этот улыбчивый курьер-девственник с едва уловимым запашком говно-культа займет должность Смотрителя нашего этажа…

А я?

А я, если не сдохну раньше от слишком частых ударов по голове, и через двадцать пять лет буду вычищать плесень и грязь из самых темных уголков убежища. Ну или все же сумею изменить свою искореженную судьбу и тогда… тогда кто знает как оно все сложится и где я окажусь…

**

Пробежка выдалась отличной сразу по многим важным для меня показателям – скорость бега, общая дистанция и личные ощущения. Отдохнувшие ноги сами несли меня вперед, а где-то

на девятом километре ко мне снизошла полумифическая эйфория бегуна и я понесся вперед еще быстрее, без малейших усилий преодолев еще шесть километров и находясь при этом в состоянии абсолютного блаженства. Остановила меня не усталость, а остатки здравомыслия, напомнившие, что я и завтра хочу выйти на пробежку и поэтому сегодня не стоит заводить себя за грань разумного. До марафона я еще не дорос. А вот полумарафон… его, пожалуй, пробежать бы сумел хотя и не за призовое время.

Улыбаясь как сумасшедший, тяжело дыша, чувствуя, как дрожат мышцы ног и как приятно сводит мышцы пресса, я дошел до прилавка Канны. Уронил на прилавок мокрые от пота монеты, сгреб две бутылки и, опустившись на пол прямо здесь же, в несколько глотков выхлебал первую.

- Ты хорошо бежал, сурвер – заметила чернокожая владелица прилавка с водой – Даже отлично.

Кивком поблагодарив, я скрутил крышку со второй бутылки и удивленно моргнул, увидев протянутый мне бутерброд. Машинально потянулся к карману с последним динеро, но она коротко качнула головой:

- Подарок.

Задумчиво оглядев бесплатную еду, я задал резонный вопрос, не торопясь принимать протянутое:

- И чего я такого хорошего сделал?

Может она меня спутала с кем-то?

Но эту мысль я отмел сразу же – не первый раз у нее покупаю, а кто такой внезапно отрастивший яйца сурвер Амадей Амос, носитель великого имени и говночист, с недавних пор на нашем этаже знал каждый.

- На тебя дня три назад та безумная девка с утыканной гвоздями бейсбольной битой напала.

- Напала – подтвердил я.

- Я слышала она напоролась на собственную биту.

- Было дело.

- И несмотря на то, что она пыталась тебя убить, ты пытался спасти ей жизнь и просил вызвать врачей – так говорят.

Пожав плечами, я криво улыбнулся:

- Ну…

- Ты хороший сурвер, Амос – подытожила Канна и наклонилась, поднеся бутер почти вплотную к моему лицу – Возьми.

- Спасибо – приняв наконец угощение, я откусил большой кусок.

Ух ты…

Ржаной хлеб с отрубями, листовая зелень и солидный ломтик слабосоленой рыбы. Если и может быть более лучший перекус после долгой пробежки, то я такого не знаю. Благодарно замычав, я торопливо зажевал, запивая вкуснотищу еще прохладной водой.

- А эти… Шестицветики… - Канна недовольно поджала губы, сразу став старше лет на десять – Что они себе позволяют? Наглые, не чтящие традиций, а теперь еще и разгуливающие по улицам с холодным оружием? Это не дело! Это не по-сурверски! У меня младшая сестра на них заглядывалась, хотел стать одной из них, несмотря на мои уговоры. Но после случившегося здесь на Манеже – как отрезало у нее! Про все эти бредни Шестицветиков забыла, символику их со стены комнаты содрала, снова за книги умные взялась. А ведь почему?

Я продолжал молча жевать, ожидая продолжения гневной речи и Канна не заставила себя ждать:

- Да потому что видела она как та умирала считай у тебя на руках! Издалека – но видела. Нельзя такому радоваться, но как по мне, смерть этой безумной дуры с битой все же пошла многим на пользу! Увидели кровь на полу – и мозги на место встали!

Так вот почему я удостоился бесплатного бутерброда – пусть невольно, но я поспособствовал возвращению младшей сестры Канны на путь истинного сурвера – усердная учеба, получение правильной профессии и работа.

Что-то от того прежнего меня – робкого терпилы Ануса – вырвалось из темных глубин ушибленного мозга и заставило меня осторожно заметить:

- Ты как-то слишком громко и плохо о Шестицветиках говоришь. Могут ведь услышать – опомнившись и силой воли загнав долбанное сыкло обратно во тьму, я улыбнулся – Мне самому плевать на них, но тебе-то зачем лишние проблемы?

- Проблемы? – она расхохоталась и, задрав рукав серой футболки, показала мне левое плечо.

Я увидел на черной коже белый узор, складывающийся в изображение хищного создания, перечеркнутого двумя параллельными красными линиями. Я от неожиданности чуть водой не подавился:

- Белые Ягуары!

- Тише ты! Не надо старушек спортивных пугать! – шикнула она, опуская рукав и скрывая татуировку – Шестицветики устроят мне проблемы, говоришь? Ну пусть попробуют – и она снова расхохоталась.

Да уж… теперь я понимаю ее беззаботное веселье. Про спортивную команду Белых Ягуаров я слышал многое и знал, что она существует до сих пор, а базируется на пятом этаже.

Официально – да и не только – они являлись мультиспортивным клубом, включающим в себя десяток дисциплин – от единоборств до настольного тенниса. Регулярно выступали, брали награды, продвигали спорт в массы. Неофициально – полный аналог Шестицветиков, но раз так в десять круче и жестче, а покровительствовал им великий род Юрьевых.

Татуировка Канны перечеркнута двумя красными параллельными линиями – значит, она добровольно покинула свою группировку, что происходит довольно редко. Но даже в качестве экс-члена, она защищена – Ягуары все равно считают ее своей. Шанс, что Шестицветики попрут против Белых Ягуаров равен нулю, а весело скалящаяся Канна может и дальше кричать о них все, что ей только вздумается. Одно странно – что она вообще тогда забыла на нашем этаже? Но это уже не мое дело. Еще раз поблагодарив за бутерброд, я поднялся и шагнул к беговой дорожке. Раз в тело поступила энергия – надо ее сжечь. Только уже не на бегу, а во время размеренной ходьбы – мне как раз надо было многое обдумать.

- Удачи! – крикнула мне все еще смеющаяся Канна.

Махнув рукой, я пересек несколько дорожек и выбрал предназначенную для быстрых ходоков. Спустя пару сотен метров ноющие ноги снова разогрелись, и я зашагал бодрее, машинально перебрасывая из руки в руку полупустую бутылку с водой.

Размышлял я о своем будущем. А если конкретней, то о том, куда мне теперь податься, чтобы заработать на проживание и пропитание. Бытовые запросы у меня невелики, для спорта хватает бесплатного Манежа, для утоления мысленного голода хватит сурвпада и публичной библиотеки.

Но какие у меня варианты?

И чего я хочу?

На последний вопрос я мысленно ответил без малейшей заминки и мой ответ ничуть не изменился: меня тошнит от Хуракана, и я хочу покинуть его. Покинуть убежище.

Звучит круто, даже пафосно, а еще очень по-детски. Я ничего не знаю о том, что творится за стенами убежища. А еще меня никто не выпустит. Заявись я прямо сейчас к главному смотрителю и попроси его выпустить меня навсегда, он покрутит пальцем у виска и вызовет охрану, что препроводит меня на выход. Буду настаивать и орать как идиот – отправят к больничную палату с мягкими стенами, предварительно облачив в старомодно милую смирительную рубашку. Очень редко, но у сурверов все начинает подтекать котелок, и они рвутся наружу. Раньше случалось чаще, особенно с первыми поколениями, но теперь все реже и реже.

Законно покинуть убежище могут только члены внешней разведки. Но и они не уходят далеко. Попасть в ряды Внешки не так легко, но возможно – пишешь заявление, они рассматривают пару недель, а в случае положительного ответа являешься с вещами, тебя распределяют в один из их отрядов, после чего заселяешься в казарму и начинается обучение, завершают которое далеко не все. Из прочитанных материалов я знал, что послабления в дисциплине прощаются только ветеранам, а новичков там держат в ежовых рукавицах. Никакой свободы передвижения, четкий распорядок дня, мало личного времени, жесткая субординация. Если и есть в Хуракана организация максимально похожая на армию – так это Внешняя Разведка, тогда как Охранка выполняет функции полиции.

Готов ли я уже сейчас написать заявление, начать обучение и разом потерять свободу передвижения?

Нет, не готов. Поэтому Разведка отпадает – во всяком случае пока что. Значит, надо зарабатывать на жизнь как-то иначе.

Какие еще варианты?

Бригада чистильщиков Раджеша Паттари?

Ну… я не против вернуться в бригаду. Но очень сомневаюсь, что в ближайшее время меня позовут – последний разговор с бригадиром, мягко говоря, не задался. Буду надеяться, что их завалят заказами и от нехватки рабочих рук он, скрипя зубами, позовет и меня.

Но его бригада не единственная. Есть и другие спасители шестого этажа от плесени и нечистот – бригады Толстого Берна и фрау Вигбер. Не знаю, как они отнесутся к желанию проблемного Амоса влиться в их стройные ряды, прежде я бы еще долго мялся и не решался обратиться, а сейчас мне вообще плевать, что они там думают – просто дойду до каждого из бригадира и спрошу прямо.

Вот и решено?

Взяв паузу на следующие пятьсот метров, я медленно кивнул – ну да. Вот и решено. Отмоюсь от пота в банном комплексе Чистая Душа, переоденусь в рабочую робу, соберу на всякий случай все необходимое и сегодня же отправлюсь искать работу.

На этом мои варианты не заканчивались. Были неплохие шансы заполучить постоянную работу в рыбных садках рода Якобс. Но туда я не хотел по той же причине что и в казармы Разведки – у меня почти не останется личного времени. Рабочие смены у Якобс максимально долгие и ненормированные и кормят там же, чтобы не терять время на передвижение. Могут и койко-место в их общаге выделить – ну чтобы сразу как встал, так уже и на работе. Но мне это не подходит – я хочу сам выбирать, когда и

сколько я буду работать, хочу сам решать, пойду я сегодня на работу или останусь в своей норе, чтобы погрузиться в чтение… и чтобы побыть в одиночестве и не пытаться скрывать прущее изнутри глухое раздражение при виде чужих рож.

Дойдя круг, я неохотно замедлился на подходе к своему жилищу и… обреченно застонал, увидев стоящего у моей двери какого-то мужика в серо-синем комбинезоне. Кого еще принесло?! И почему вы от меня никак не отцепитесь?! Затылок укололо болью, и я немного замедлил шаг, борясь с желанием еще издали громогласно послать незнакомца куда подальше. Удивительно, но с каждой секундой желание заорать становилось все нестерпимей, чем-то напоминая засевшую под ногтем стальную занозу – а я таких поймал немало за время работы и ощущения от них адские. В затылке запульсировало сильнее, зрение на мгновение окрасилось красным и… я вспомнил недавно посетившую меня эйфорию бегуна и резко успокоился за несколько шагов до родной двери и стоящего рядом с ней незнакомца. Улыбаться я ему не стал, рожи кривить тоже не захотел и, коротко кивнув, потянулся рукой к дверной ручке, надеясь, что он поймет молчаливый посыл и ничего не станет говорить. И он, высокий, широкоплечий, улыбчивый, будто уловив мои мысли, отступил на пару шагов вдоль стены и произнес:

- Сурвер Амадей Амос. Еще один парень, чью судьбу прокляли великим именем, подвергнув насмешкам и буллингу…

Его уловка сработала и в удивлении я замешкался на пару секунд, дав ему шанс продолжить:

- И нет – это не издевка, а констатация факта. Как представитель своей партии я решительно выступаю за отмену великих имен и всего прочего «великого», что лишь усложняет нашу и без того нелегкую сурверскую жизнь.

Прекратив попытки скрыться, я повернулся и всмотрелся в лицо говорившего. Думаю, тут сработали даже не его совсем необычные слова и тема, а сам голос. А теперь и лицо добавило загадки – стоило увидеть и я понял, что уже где-то видел его раньше. Черноволосый, сероглазый, бровастый и горбоносый. Кожа смуглая от природы, в лице есть что-то азиатское. Да… я точно видел его лицо. Причем не один раз и даже не два. Такое впечатление, что в прошлом я так часто смотрел на его более юную версию, что она напрочь «замылилась» в голове и перестала быть узнаваемой. Кто он такой?

- Инверто Босуэлл – представился он, оставаясь на расстоянии нескольких метров – Уроженец шестого уровня. Закончил ту же…

- Золотой мальчик! – выпалил я и тут же смущенно

закашлялся, увидев, как болезненно исказилось на мгновение его лицо – Оу… сорри. Реально сорри. Представляю как тебя задолбали эти слова…

На его лицо вернулась улыбка:

- Другому бы не поверил, но ты… ты действительно представляешь – сделав шаг, он протянул руку для рукопожатия – Пожмешь лапу еще одному бедолаге с великим именем, который к тому же совершил еще одну непростительную ошибку…

- Я бегал. Потный.

- Плевать – отмахнулся он и требовательно встряхнул ладонью – Ну же. А то стою тут враскорячку – как голозадый дурак над священным приемником для фекалий…

Хмыкнув, я пожал ему руку. Пожал с большим уважением, с некоторым пониманием и с немалой завистью. Как оказалось около двери меня поджидала настоящая легенда с довольно бунтарским характером. Босуэлл – еще одно Великое имя Хуракана. Инверто – тоже имечко не из простых. Золотой мальчик – прозвище.

Он старше меня лет на пятнадцать. И действительно родился на шестом этаже Хуракана. Более того – он закончил ту же школу что и я. И не просто закончил, а с отличием и с лучшим результатом за все времена и поколения. Он не просто лучший ученик школы, а непревзойденный по сию пору. И именно поэтому его большое фото стояло в застекленном шкафу прямо за порогом главного школьного входа – и все годы обучения я видел это лицо каждый день. Только более молодую его версию, хотя несмотря на годы он изменился не так сильно и в лучшую сторону – исчезли прыщи, прическа стала стильной и с ранними седыми прядями, а на губах появилась улыбка успешного и уверенного в себе человека. Он моя полная противоположность. Я никогда не пытался оправдать высокое звание великого имени – а он будто жил этим, всегда занимая первые места в учебе и спорте. Достижения молодого Инверто Босуэлла ставили в пример каждому из учеников. Но как совершенно случайно я выяснил гораздо позднее, его биография не была кристальной чистой и подпортил он ее на выпускном балу. Четверо подвыпивших одноклассника из-за воздействия спирта и тасманки уже не могли сдерживать накопившуюся зависть и тупо ненависть к тому, чьим именем их тыкали каждый день. Они начали задираться, не преуспев, полезли в драку и… он жестко надрал задницы сначала им, потом полезшему в драку завучу и, опрокинув чашу с пуншем, гордо покинул мероприятие, держа под ручку королеву школы…

Да – он действительно полная моя противоположность.

Победитель по жизни. А я терпила и лох.

- Все про меня вспомнил? – усмехнулся он – Докуда добрался в пыльных воспоминаниях?

- До опрокидывания пунша и королевы выпускного бала…

- Лейси Аткинс – кивнул он – Ныне Лейси Босуэлл и гордая мать двоих юных сурверов. Моя супруга. Так что язык придержи, если вздумал спросить о том, чем мы занялись после того, как покинули ту клоаку…

- О… поздравляю.

- Спасибо – кивнул он и, неспешно вытирая испачканную мной ладонь серым платком, спросил – Ты после пробежки?

- Ну да.

- Много пробежал?

- Километров пятнадцать – ответил я – Для меня много.

- Устал, проголодался и в заднице свербит…

- Не без этого.

- Может на скорую руку сполоснешься у себя, а затем я угощу тебя сытным обедом и мы поговорим?

- Такими удобствами в комнате не располагаю – хмыкнул я.

- Любая кафешка подойдет.

- Я про душ.

- О… если я правильно помню, то тут неподалеку есть банный комплекс Чистый Дух?

- Чистая Душа – поправил я.

- Невелика разница. Так что?

- Поговорим о чем? – спросил я, чувствуя, как крепнет желание войти в комнату и закрыть дверь.

Пусть мне встретилась настоящая школьная легенда, но учитывая разницу, между нами, я не верю, что нам есть о чем разговаривать. И мне даже не хочется напрягать голову в попытке понять, что от меня хочет золотой мальчик.

- Говорить буду я – сказал он, снова безошибочно уловив мой настрой – И о чем бы я не говорил, это не будет напрямую касаться всего случившегося с тобой. Также мне глубоко плевать на всех, кому не повезло оказаться у тебя на пути – кроме тех, кто погиб в той поганой истории с тварью в технических проходах. А вот о твари, кстати, я бы поговорил более плотно – но опять же не собираюсь ничего расспрашивать. К тому же все, что ты мог рассказать, мне уже известно – данными поделился один знакомый тебе ветеран Красных Скаутов. Говоря вкратце – чего я, честно говоря, делать не умею – вербально шевелить ртом буду я, а ты угостишься за мой счет всем, чем пожелаешь.

- М-м-м… нет – я даже улыбнулся, пытаясь смягчить отказ.

Он говорил со мной вежливо и не пытался давить – а я это

ценю. Даже жаль отказывать, но сейчас я бы хотел отсидеться в своей норе, а если и выбираться куда, то не дальше магазинчика за съестным, на Манеж ради бега и в Чистую Душу ради помывки.

Удержав меня коротким жестом, он сделал еще одно предложение:

- И я оплачу твое время. Плачу двадцать динеро в час, Амос. И первую двадцатку готов вручить прямо сейчас – в доказательство своих слов он порылся в кармане идеально сидящего комбинезона, выудил горсть монет, пальцем раскидал их на ладони, выбрал нужное количество и, зажав их в щепоти, протянул мне – Держи. Все честно. Или ты не нуждаешься в деньгах, сурвер? Готов отказаться от честного заработка?

А вот это уже легкое давление, эта его фраза: «готов отказаться от честного заработка?». Настоящий сурвер не должен бездельничать и если предложили подзаработать, то ему следует согласиться. Бездельничать после смерти будем. Но на завуалированное давления я внимания не обратил – мне только что предложили и уже даже протянули двадцатку.

- Я буду слушать – предупредил я – А еще закажу много еды и прохладительных напитков. И все за твой счет.

- Да хоть спиртное – улыбнулся он.

- Спиртного не хочу – покачал я головой и протянул руку – Договорились.

Деньги упали на ладонь, и я сжал кулак.

- Хорошо… полчаса чтобы помыться – и я буду готов.

- Где тебя ждать?

- Знаешь кафе Лучик света?

- Знаю. Буду ждать тебя там, сурвер – кивнул он уже на ходу – И да – отсчет оплаченного времени начнется, когда сядешь за столик.

Я невольно рассмеялся – что для меня необычно:

- Договорились…

Глава 2

Глава вторая.

По пути к кафе во мне забродил коктейль из старой мнительности и забитости, почти заставив поверить, что все это было ошибкой достаточно знаменитого сурвера и он, прокляв свою поспешность, уже поторопился скрыться, не собираясь марать репутацию публичной встречей с таким как я. Развернись и иди домой, сурвер. Не страдай херней и просто вспомни старую истину, вбитую чужими ботинками в твою тупую голову – ты никому не нужен.

Но я ошибся. Инверто Босуэлл, Золотой Мальчик, муж королевы выпускного бала, никуда не делся и, заняв стоящий с краю столик, погрузился в чтение сурвпада, пока рядом с его рукой остывала чашка кофе. Заметив меня, он широко улыбнулся и, не вставая, указал рукой на стул напротив. Идя к столику мимо других посетителей кафе, я ощущал на себе их внимательные взгляды, но был даже рад этому – за время добровольного заключения в комнате отвык от внешнего давления и было неплохо вновь ощутить его. При этом некоторые из сидящих на меня не обратили никакого внимания. Что неудивительно. Я обычный чистильщик, меня и раньше никто не знал, но когда начал щеголять вечно разбитой в кровь головой, то поневоле притянул к себе внимание даже тех, кому плевать на низкопробные новости тухлого болота Хуракан.

Гребаный Хуракан…

Проходя мимо «старого» столика, где собиралась по утрам вся бригада, я не обнаружил ни одного из них. Но это и понятно – время рабочее и сейчас они в поте лиц вычищают очередной вентиляционный короб от плесени и грязи.

- О чем думаешь, сурвер? – спросил Инверто, отключая сурвпад и аккуратно закрывая защитный чехол – О прошлом? О будущем? Или о настоящем?

Бережливость у сурверов в крови. И я успел заметить, что он не читал, а играл в «Истинного сурвера» - популярную сетевую игрушку, придуманную больше двух столетий назад. Ее многократно дополняли и по слухам игровой мир настолько разросся, что требовалась реальная жизнь, чтобы везде побывать.

- О чем я думал? О настоящем – ответил я, усевшись и придвинув стул – О том, где сейчас копошится в грязи моя считай уже бывшая бригада и сколько динеро за сегодня заработают.

- Скучаешь по коллегам?

- Да не особо. Кстати – оплаченное время пошло – напомнил

я – И еще хочу предупредить, что посиделки со мной достаточно плохо отразятся на твоей репутации, Инверто. Или лучше обращаться по фамилии? Сурвер Босуэлл? Господин Босуэлл? Мистер? Сеньор?

- Да плевать мне на чужое мнение о моей репутации. А насчет того, как ко мне обращаться – да просто Инверто или сурвер. Вообще запутаешься с нашими обращениями и степенями вежливости, да? – он сверкнул зубами в улыбке – Наше убежище было построено пятью абсолютно разными компаниями с разным национальным составом, и их работники вместе с семьями оказались в нем заперты. Вот нам и аукается до сих пор…

- Пятью? – я удивленно заморгал – Я знаю только о трех подрядчиках.

- О трех главных подрядчиках – поправил меня он – Еще два участника тоже принимали участие, но их вклад не был столь значителен. Честно говоря, в строительстве Хуракана принимало участие куда больше различных солидных вкладчиков, но их имена и названия история не сохранила. Кстати, тема очень интересная! Ты любишь нашу историю?

- Да. Это, наверное, мой главный интерес.

- Отлично – кивнул он – Значит в своей школьной анкете ты не соврал, когда заявил, что хочешь стать хураканским историком.

Уже не удивляясь его осведомленности я просто кивнул, а он требовательно махнул стоящему за стойкой пареньку и продолжил:

- Но перед тем, как начать беседу, хочу задать тебе несколько интересных вопросов.

- Мое время оплачено. Смогу – отвечу.

- Уровень, этаж или писо?

- Уровень – ответил я, мгновенно поняв его задумку – Дальше можно не спрашивать. Мой ответ – Россогор.

Наше замкнутое сообщество варится в собственном подтухшем соусе уже не первое столетие. И все мы рады, что наше убежище было построено не одним, а несколькими максимально разными участниками с их порой удивительными национальными привычками, традициями, языками, кулинарией и всем тем прочим, добавляющим океан ярких красок в нашу серую подземную жизнь. И во главе всего этого всегда высились три титана – СурвМаунтинс, Алый Юкатан и Россогор. Именно они привнесли в нашу жизнь различные обращения к людям, приставки к именам и названия.

«Уровень, этаж или писо» - первый вопрос в придуманном подростками тесте, состоящим из пятидесяти с лишним вопросов.

Эти вопросы писались в тетрадках с многоразовой бумагой и передавались по партам, чтобы каждый ученик дал ответ. Мне отвечать никогда не предлагали, но некоторые вопросы оттуда я знал. Да мне и не требовались никакие опросы, чтобы определить свою приверженность. Я всю жизнь восхищался известными мне достижениями и несколько ледяной спокойной аурой Россогора, в детстве грезил его алыми звездами и увиденным на картинках снаряжением. Поэтому мой ответ был очевиден.

- Россогор – повторил Инверто и задумчиво хмыкнул – Так я и думал. Ну делай заказ, Амос, историк Хуракана и фанат Россогора. И в заказе не стесняйся.

- Не буду – пообещал я и начал перечислять подошедшему к столику работнику – Два сурвдога со всеми добавками и побольше горчицы. Яичницу из шести яиц. Двойной американо со сливками. Литр воды. Пока всё.

- Мне то же самое, но сурвдог только один – попросил Инверто – И американо без сливок.

Когда принявший заказ паренек ушел – все это время он изо всех сил пытался не пялиться на необычных посетителей, но получалось у него из рук вон плохо – Инверто наклонился вперед и постучал пальцами по потухшему экрану сурвпада:

- Играешь в «Истинного сурвера»?

- Только слышал.

- Сурвпад есть?

- Есть, но не слишком мощный. Да и времени маловато, чтобы тратить его на игры.

Настала его очередь удивляться, и он не пожалел усилий, чтобы поднять брови повыше и наморщить лоб:

- Мало времени? Ты ведь вроде нигде пока не трудоустроен, Амос.

- Читаю – пояснил я – Читаю взахлеб до тех пор, пока позволяют глаза и мозг.

- А когда уже не позволяют – бегаешь?

- Верно. Потом моюсь и снова читаю, одновременно что-нибудь жуя.

- А деньги?

- Запасы подходят к концу – признался я – Но благодаря тебе не только наемся на весь день вперед, но и денег подзаработаю. Это минимум еще три-четыре дня чтения, даже если за сегодня я заработаю только двадцатку.

- А потом? Когда и эти деньги кончатся.

- Не пропаду – коротко ответил я и невольно удивился своей уверенности и правдивости.

А ведь я не покривил душой. Я на самом деле был уверен, что

не подохну с голоду. Раньше меня порой посещал страх оказаться в нищете, но теперь я был уверен, что справлюсь в любой ситуации. А ушибленный мозг вдруг выдал сразу три возможных варианта для обустройства подпольного жилища, если меня попрут из арендуемой комнаты за неуплату.

- Хороший ответ – кивнул Инверто – Ответ уверенного в себе сурвера, привыкшего полагаться только на себя. И это не лесть, а банальная констатация факта. Но спрашивал я не просто так. Скажи, Амос – что ты думаешь о своем ближайшем будущем? Чем планируешь заниматься? Как будешь зарабатывать?

Прежде чем я успел задуматься стоит ли отвечать на столь бесцеремонные вопросы, он приподнял ладонь, останавливая меня и снова заговорил, одновременно критически оглядывая свои ухоженные ногти – под них вряд ли хоть раз попадала стальная шипастая заноза, пронзающая мякоть подложки и взрывающаяся ослепительной болью, отдающейся аж в копчике.

- Позволь я продолжу пока сам – попросил он – Я собрал некоторую информацию, ознакомился со всеми отчетами, получив к ним доступ по публичному праву партийного представителя, для чего мне пришлось солгать Охранке, сообщив им, что ты подал заявку на вступление в нашу партию – а в этом случае я имею официальное право узнать твою подноготную.

«Подноготную» - я снова невольно вспомнил о стальной занозе в мясной мякоти под ногтем и передернул плечами, после чего наконец спохватился:

- Заявку?! Я подал?!

Он успокаивающе улыбнулся и на стол легло еще три монеты. Две десятки и одна пятерка. Двадцать пять динеро.

- Солгал я лишь старичку, трудящемуся в главном архиве шестого этажа. И доплатил при этом. Пойми правильно – если ты совершил какую-нибудь мерзость, то я должен знать об этом, прежде чем приглашать тебя на эту беседу. Твоя вымышленная заявка нигде не зарегистрирована, единственную бумажную подделку я показал тому старичку, а когда отпала надобность – уничтожил. Ты чист. А спроси кто меня – я сделаю удивленные круглые глаза, намекая на старческую фантазию придумавшего не пойми что архивариуса.

Сделав глубокий вдох, я взял паузу на несколько секунд, оценил услышанное и… молча сгреб двадцать пять динеро.

- Даже не будешь ругаться? – спросил Инверто.

- По сравнению с тем сколько раз меня кидали и использовали бывшие приятели и знакомые… твоя уловка всего лишь мелочь – ответил я – Причем ты еще и заплатил за свою ложь – и заплатил мне.

- И чистосердечно в этой лжи признался – добавил собеседник и наставил на меня палец – Признался тебе.

- Нашел какую-нибудь мерзость обо мне в тех отчетах?

- Найди я что-нибудь мерзкое – и мы бы здесь не сидели – спокойно ответил он.

Я хотел спросить о том, что он понимает под понятием «мерзость», но тут принесли все нами заказанное, аромат еды шибанул в нос и я решил занять рот сытной едой, а не пустыми словами. Впившись зубами в горячий сурвдог, я кивнул, давая понять, что внимательно слушаю. Покосившись на свой нетронутый сурвдог, Инверто тяжело вздохнул и снова заговорил:

- Я оценил твое положение, Амос. И прикинул для себя варианты развития событий – так, будто я это ты. Ты еще достаточно молодой мужчина в самом расцвете сил, с официально полностью чистой биографией и незапятнанной аурой. Всю жизнь трудился, особых высот не достиг, но и трутнем не стал. Ты сурвер. Обычный работящий сурвер.

- Хм… чувствую подвох.

- Все вышесказанное – правда. Но это только на бумаге и в компьютерах. На самом деле каждый сурвер на этом уровне уже знает, что с тобой лучше не связываться – ты ходячая проблема, Амос. В последний месяц рядом с тобой постоянно случается что-то нехорошее. И наконец апофеоз – серия насильственных смертей. Убийства! И ты замешан в этом по уши, сурвер Амадей Амос.

- Стоп… - покосившись на сидящих поодаль немногочисленных посетителей, я чуть прожевал кусок сурвдога, облизал губы и нагло солгал – Я никого не убивал. А вот меня убить пытались.

Не знаю, насколько хорошо я умею лгать и насколько хорошо Инверто умеет считывать эмоции, поэтому говорил, чавкая и чуть невнятно, а лицо прикрыл истекающим горчицей сурвдогом.

- Я в курсе – без заминки ответил Золотой Мальчик, сумевший за прошедшие годы сохранить остатки юношеской привлекательности.

Сколько ему сейчас? Под сорок? Где-то так. И скорей всего он регулярно занимается активным спортом.

- Ты не убийца, Амос. Но ты стоишь посреди большой лужи крови – и неважно, что большую часть этой крови пролил позднее пойманный и убитый монстр, а остаток красной жижи долила сама себя зарезавшая дура из Шестицветиков.

- Проткнувшая – поправил я, вспомнив ее искаженное болью, страхом и ненавистью умирающее лицо – У нее в дубины были понатыканы длинные гвозди. Вот ими и…

- Я читал отчет Охранки. И просмотрел отчет патологоанатома – еще раз поглядев на сурвдог, Инверто взялся за кружку с американо – Я тебя ни в чем не обвиняю, сурвер. Я лишь описываю ситуацию – ты теперь для всех как минимум белая ворона.

- Я как кто? – я недоуменно на него уставился.

- Выражение такое – вздохнул тот – Древнее выражение, пришедшее к нам вместе с жаргоном Россогора. Выражаясь иначе – ты чужой среди своих, Амос. Во всяком случае временно. И зная это, я могу примерно представить твое будущее, как если бы я был тобой. Перечислять?

- А давайте – кивнул я, беря второй сурвдог.

- Факт первый: никто тебя с шестого уровня никуда не отпустит вот так просто. Здесь от тебя может и хотели бы избавиться как от бельма на глазу, но на других уровнях уже наслышаны и сделают все, чтобы проблемный сурвер к ним не попал. Тебя завернут назад под любым предлогом. Я прав?

- Не думал о переезде – признался я – Вот вообще не думал. Не потому, что не додумался, а потому что мне и здесь хорошо.

- Чем хорошо?

- Тут есть Манеж. Я бегаю. Здесь дешевая еда и у меня комната, за которую я могу в случае чего заплатить с опозданием.

- Род Якобс пусть в небольшом, но в долгу перед тобой – согласился Инверто и, прищурившись, спросил - А о чем ты думал? Если вкратце. А то может я зря тут из себя умника строю.

- Я думал о рекрутстве в Разведке, о возвращении к работе чистильщиком и о том, чтобы наняться в рыбные пруды Якобс. Все остальное для меня отпадает.

Помолчав, Золотой Мальчик с одобрением кивнул:

- Браво, Амос. Ты перечислил все доступные варианты. И что ты выбрал из них?

- Склоняюсь к мысли наняться к Якобсам, если примут – просто ответил я, не видя причины скрывать свои невеликие планы – И дело не в том, что они у меня в долгу. Просто уже не раз впахивал на их территории и доказал, что делаю свою работу хорошо. Ну а в свободное время, если понадобятся лишние деньги, постараюсь наняться разово в любую из готовых меня принять бригад чистильщиков.

- Я хотел перечислить то же самое. И я тоже сразу отбросил Стражу – это не вариант.

Отметив, что он предпочитает называть наши внешние воинские соединения Стражей – это пришло от СурвМаунтинс, тогда как россогорские величали ее Разведкой – я с интересом спросил:

- А ты почему отбросил? Я не готов кому-то слепо подчиняться и выполнять любые приказы – это моя причина.

- Это одна из двух причин. Но ты не озвучил вторую.

- Других резонов у меня нет – признался я, тянясь к тарелке с остывающей яичницей – Как дошел до первой – все сразу стало ясно. Стража мне не подходит. А есть и вторая причина не соваться в Стражу?

- Конечно. И она самая главная, Амос – думаю, тебя там просто прикончат – спокойно проговорил Инверто, отставляя опустевшую кружку и повторяя повелительный жест официанту.

- Убьют?

- Конечно же тебя убьют, Амос – он посмотрел на меня с удивлением и, пожалуй, с некоторым разочарованием – Или как минимум сделают инвалидом.

- Разведка?

- Причем тут разведка? – он снова подался ближе ко мне – Ты разве не знаешь, кто обычно идет в Стражу или Разведку как ты ее называешь? Хотя лучше называть ее Внешкой, чтобы нам не путаться.

- Кто туда идет? Ну… Смелые люди? Те, кто не боится покинуть Хуракан и окунуться во внешнюю радиацию, где бродят разные мутанты? – предположил я – Те, кто не склонен к обычной работе или скучной рутине патрулирования улиц в качестве рядового Охранки?

- В первую очередь туда идут те, кому надо смыть пятна с ауры, Амос – вздохнул Инверто – Так было и в древние времена. Так было и есть у нас. Внешка берет к себе всех. И спустя годы, отслужив достойно в ее рядах, побывав за пределами убежища, ты не только получаешь выслугу лет, достойную пенсию, неплохие денежные накопления и уважение окружающих, но и чистую как стекло ауру. Ты в буквальном смысле слова кровью и потом смываешь с себя прежние прегрешения, возвращаясь в общество уважаемым сурвером.

- Хм…

- Но перед тем, как стать членом Внешки, ты должен пройти достаточно долгое обучение среди тех, кому тоже есть что смывать со своей официальной биографии. И можешь мне поверить, сурвер – стоит тебе переступить порог казармы, и ты мгновенно окажешься в теплой компании дружков тех, кому ты успел подпортить жизнь или даже разбить рожу.

Я аж замер, забыв про кусок яичницы во рту и неотрывно глядя на Босуэлла.

- Теперь понял? – спросил Инверто, насладившись моим столбняком – Да, прямо вот убивать тебя вряд ли станут, тут я

немного сгустил красок, но поверь – они свое удовольствие получат. Они вдоволь позабавятся – и все за твой счет. Хотя могут и убить – если переборщат с издевательствами. А если ты покажешь свой резкий бесстрашный нрав – то уже сам станешь убийцей и в лучшем случае тебя будет ждать тюремное заключение.

«Или смертная казнь» - добавил я мысленно – «Или изгнание».

Оба способа практиковались крайне редко. Последний раз это случилось в те памятные времена, когда на пятом уровне Хуракана нашли черную плесень – и вот тогда головы полетели, а немало число сурверов было насильно отправлено в изгнание. Больше о них никогда не слышали.

«А может это и есть мой путь наружу?» - это была вторая быстрая, пугающая и одновременно шальная мысль.

Мне даже убивать никого не надо – хватит уже сделанного. Пойти в ближайший участок, признаться с убийстве наглой девки из Шестицветиков, оформить явку с повинной, что автоматом избавит меня от смертной казни. И попросить себе изгнание в качестве наказания. Уверен, что власти пойдут мне навстречу и с радостью выпнут Амадея Амоса за двери шлюза.

Может так и сделать?

Нет…

Я умру. И это было третьей отрезвляющей мыслью, мгновенно охладившей мой нездоровый пыл.

Я обычный чистильщик, не обладающий практическими навыками выживания и никогда не державший в руках оружия. Свои теоретические знания я пополнил за последние дни очень неплохо, но теорию никогда не сравнить с практикой. Так что изгнания я может и добьюсь, но только для того, чтобы сдохнуть у дверей Хуракана – на радость всем недругам.

Хер им! Если и уйду – то на собственных условиях и при полной готовности!

- Ты явно принял некое твердое решение, Амос – заметил Босуэлл после того, как сделал новый заказ кофе.

- Ага. Я снова решил не идти во Внешку.

- Разумеется. И самый оптимальный для тебя вариант – устроится разнорабочим на рыбные пруды рода Якобс, пройти там профильное обучение по повышению квалификации и делать потихоньку карьеру. Род Якобс тебя в обиду не даст, сурвер. А за верность щедро наградит.

- И ради этого ты меня сюда и позвал? – искренне удивился я такому давлению, должному направить меня куда нужно – Тогда ты зря потратил деньги – я так и думал поступить.

- И это будет правильным решением, сурвер Амадей. Но позвал я тебя не за этим – я хочу предложить тебе нечто вроде постоянной подработки, что к тому же со временем добавит тебе чутка бунтарской, но в целом положительной репутации. А тебе она не помешает. Не помешает тебе, и предлагаемая мной зарплата в обмен на право заявить твое имя в наших рядах. Что скажешь?

- Что скажу? Скажу, что я ничего не понимаю – ответил я – Наши ряды? Это кто вообще? И за что зарплата?

- Зарплата сдельная и с бонусами за усердную работу и деятельное участие. Плюс постоянная зарплата скажем в пятьдесят динеро в месяц и освобождение от ежемесячных взносов в обмен на право заявить твое имя в наших рядах.

- Так в чьих рядах-то?

- ВНЭКС – ответ прозвучал емко, лаконично и понятно.

Вот значит куда угодил Золотой Мальчик – и я этому ничуть не удивился. Действительно под стать его резкому и сильному характеру, если верить тому, как его описывают местные легенды.

ВНЭКС – это одна из политических партий Хуракана.

Расшифровывается просто – Внутренняя Экспансия.

Хотя есть еще неофициальная и горячо отрицаемая партией расшифровка – Внешняя Экспансия.

Партия ВНЭКС. Не самая многочисленная, совсем не консервативная, не слишком уважаемая, но при этом реальная партия с достаточно большим количеством членов, преимущественно состоящим из молодежи и людей среднего возраста.

ВНЭКС пришла к нам с верхних этажей. И узнали мы о ней благодаря значку на лацкане пиджака старшей помощницы нашего вялого Смотрящего шестого уровня, когда по всем еще действующим экранам шли предвыборные дебаты. Помощница «эльфийка», энергичная, улыбчивая и симпатичная Нэнси Клевер была членом ВНЭКС и занимала в партии достаточно высокое положение, судя по золотому цвету лацканного значка.

Как резко и мощно запахло политикой – столь же вонючей штукой, как и Культ Экспульсо.

Я перевел взгляд на собеседника и уставился ему на грудь. Правильно поняв мой интерес, он с улыбкой ответил:

- Цвет золотой. Обычно значок всегда при мне, но завтра важное собрание и я отдал костюм в чистку. Да и отдохнуть хотел от костюма с галстуком. Немного побыть в неформальной обстановке. Но могу показать партийное удостоверение, если не веришь на слово. Показывать?

- Да и так верю – ответил я – Верю…

- А чего вид такой задумчивый, Амос?

- Пытаюсь вспомнить чем вы там занимаетесь в вашей партии – ответил я, перекручивая в голове беспорядочную массу известной мне информации обо всех организациях убежища Хуракан – Вы же не из тех, кто требует запретить атеизм, а религию Экспульсо официально признать господствующей?

- Ну нахрен – просто ответил Инверто – Я в богов не верю, Амос. И тебе не советую. И дымом никаким дышать не надо – вредно это для головы и легких. У ВНЭКС схожие с моими убеждения – иначе бы я не состоял в ее рядах.

- Уже начинаю проникаться к ВНЭКС искренним уважением – вздохнул я и вернулся к остывшей яичнице – А можно мне еще еды заказать?

- Ты не наелся?

- Не наелся – с удивлением признался я, прислушиваясь к ощущениям тела – Хочу еще еды. А потом хочу пробежать еще десяток километров.

- Заказывай все, что хочешь. Но бегать только после нашего разговора, да?

- Конечно. Я тут порылся в голове и толком ничего о вас там не нашел. Можно чуть больше подробностей? Если судить по названию, то вы за внутреннее расширение, верно?

- Абсолютно точно. Главный постулат, главная догма и главная идея ВНЭКС состоит в том, что нашему виду хомо сапиенс категорически не свойственно сидеть запертыми в консервной банке столетиями. Мы не такие, Амос. Мы люди. А это значит, что мы те, кто всегда будет царапать стенки своей клетки.

- Клетки?

- А как еще? Хуракан спасает нас. Но он же и сдерживает нас. Мы пленники Хуракана. И из-за его неизменных размеров мы ограничены во всем – в производстве еды и сырья, в количестве жилых и рекреационных помещений, в исследовательских площадях, в нашей популяции. Вода либо течет, либо умирает – это один из наших девизов, Амос. В застойных местах нет будущего. И если не мы, то наши потомки обречены на вымирание. А я, как отец двоих детей, двух юных сурверов, более чем заинтересован в том, чтобы подарить им славное будущее. Нам нужны новые площади! Нам нужно больше пространства! – поняв, что говорит уже слишком громко, он вытер губы ладонью и улыбнулся – Извини. Я, как всегда, увлекся и превратил мирную беседу в агитационную проповедь. И это ведь только первый пункт в нашей партийной доктрине. Озвучить остальные?

- А можно не про доктрину, а про то, чем вы конкретно

занимаетесь – попросил я, глядя на возвращающегося официанта и думая над тем, что заказать из сладостей – Даже не вы, а то, чем буду заниматься я, если соглашусь.

- О! Тут все просто, Амос. Ты будешь исследователем – Инверто Босуэлл широко улыбнулся – Но главное – мы используем твое имя и недавние события в нашу пользу. Двойная выгода – и в выигрыше останутся все.

- Как именно вы используете мое имя? – я не стал улыбаться в ответ и сейчас жалел, что не прихватил с собой сурвпад – У тебя нет листа бумаги и чернильной ручки?

- Конечно есть – фыркнул он – Сурвер всегда должен иметь при себе блокнот – ведь важные для сообщества и экономии ресурсов идеи могут появиться в любой момент. Разве не этому нас учили в школе? Вот держи. Решил сделать заметки?

- Решил – кивнул я, принимая небольшой блокнот и толстую чернильную ручку.

Отвинтив колпачок старой красной ручки, я полюбовался серебристым титановым пером с вырезанной на нем звездой – эмблема Россогора – и тяжело вздохнул. Мне бы такую вещь!

- Лист вырвать можно будет?

Инверто махнул рукой:

- Забирай себе весь блокнот – мой дежурный дома вместе со значком. Но ручку не отдам, даже не надейся. Семейная реликвия, передаваемая из поколения в поколение. Россогорцы умели делать вечные вещи.

- Согласен – открыв блокнот, я вывел жирно «ВНЭКС» и написал ниже «новые территории», после чего сделал дополнительный заказ обрадованному таким объемом официанту, не забыв про кофе, а затем кивнул терпеливо ждущему Золотому Мальчику:

- Так чем обычный чистильщик может помочь такой крутой партии как ВНЭКС?

- А вот и сарказм с низов общества подоспел – рассмеявшись, он постучал пальцами по столу, собираясь с мыслями и наконец заговорил о конкретике – Для начала скажу о том, как мы планируем использовать твое имя. Тут все просто – я уже собрал в большую дурно пахнущую кучу все то, что с тобой произошло в последнее время, после чего с помощью ассистентов обработаю эту мешанину таким образом, чтобы получился громкий и ясный посыл всему Хуракану – наша молодежь загнивает на корню! Никого обвинять не собираюсь, а тебя я покажу не как проблемную личность, а как работящего паренька, столкнувшегося с ведущими совсем иной образ жизни ровесниками. Основной удар будет нанесен по Шестицветикам,

которые, как по мне, представляют собой олицетворение агрессивного радикального феминизма, да еще и пытающимися диктовать свои условия целому уровню! Ты испытываешь теплые чувства к Шестицветикам, Амос?

- Не испытываю – ответил я, делая в блокноте пометки.

- Если я правильно понимаю, ты решил постричься налысо как того требовали санитарные правила в связи с перхотной чесоткой. Ты поступил как правильный сурвер. Но Семицветики остались твоим поступком недовольны и попытались избить тебя – что им частично удалось. Разве подобное поведение нормально для истинных сурверов? Где здесь кредо сурверов? Ты улавливаешь мысль?

- Улавливаю…

Убедившись, что я внимательно слушаю, Инверто продолжил перечислять пункты и вскоре его замысел начал вырисовываться во всей красе.

Охренеть…

Я был нужен даже не как ключевая, а как узловая фигура серого и неудачливого, но законопослушного сурвера, что раз за разом поступал правильно, но вместо награды получал лишь побои и насмешки.

Сначала я подвергся вымогательству и избиению. Следом я, чтобы облегчить обработку ран на затылке и выполнить указание администрации уровня, на свою беду решил обрить голову, за что снова был избит радикальной женской полулегальной группировкой, а когда вернулся домой, то застал там пьяную разгульную компанию, раскуривающую тасманку и попытавшуюся выгнать меня из собственного жилища. Не остановившись на этом, Босуэлл потащил колючую нить повествования дальше, используя меня подобно связующей все воедино игле и пропихивая через начало каждого нового события, пока все не уперлось в лязг закрытой мной решетки и запертый замок, отрезавший путь твари. Финалом выступила смерть напавшей на меня девки с битой.

Закончив, Инверто припал к бокалу с остывшим кофе, выжидательно глядя на меня и ожидая, пока я разберусь со всей этой достаточно стройной конструкцией.

А что тут разбираться?

Серый мышонок сурвер, пугливый и забитый, в финале оказался настоящим героем, который к тому же изо всех сил пытался спасти несостоявшуюся убийцу, но не сумел этого сделать. Герой!

Герой ли Амос? Да, несомненно. Он герой!

Кто виноват в случившемся? Еще молодые, но уже сбившиеся

с пути ребята, прельстившиеся бездельем и раскуриванием тасманки? Разве не сами они виновны в том, что сбились с истинного сурверского пути? Но действительно ли они злодеи? Что-то не верится, что шестой уровень убежища Хуракан мог породить столько негодяев!

Может все же стоит копнуть глубже и добраться до истинных причин? Ведь на самом деле молодым и горячим сурверам просто нечем заняться в слишком консервативном и замшелом обществе! Куда им податься? В чем им преуспеть? Нет ни единого нового направления, чтобы молодежь могла приложить все силы и преуспеть!

Может нам всем пора спохватиться? Может нам пора вспомнить, что значит быть молодым и дать нашей молодежи возможность реализоваться? Дать им на выбор десяток новых путей – вперед! Дерзайте! Развивайтесь! Преуспевайте! Делайте ошибки и извлекайте уроки! И вот тогда у них действительно не будет хватать ни времени, ни сил на дурные поступки!

Прервавшись, Инверто смочил горло остатками кофе, промокнул губы платком и подытожил:

- Вот как-то так на текущий момент. Сырой вариант заготовленной пылкой речи. Я там еще добавлю чего-нибудь особо сочного, накину пару фактов из не связанных с тобой мелких преступлений, а затем отрепетирую и громогласно подам подогретое до идеальной температуры блюдо на общий суд. Что скажешь?

Я скривился, не в силах сдержать эмоций. Все это звучит как… как… нечто тухлое, но обильно посыпанное сахаром, в попытке сбыть это дерьмо покупателям. Если представить это сценарием фильма, то покажи его в кинотеатре – и люди согнутся в рвотных позывах задолго до середины этой мерзости.

- Так что скажешь, Амос?

- М-м-м…

- Говори, что думаешь. Не стесняйся.

Глянув на часы, я обнаружил, что оплаченное время подходило к концу. Понявший меня без слов Инверто выудил из карманы монеты, отсчитал двадцатку и пододвинул ко мне, проделав так деликатно, чтобы никто ничего не увидел. Став чуть богаче, я подумал над тем, чтобы соврать, но не выдержал и сказал начистоту:

- Дешево. Вонюче. Приторно до блевоты. И слишком много плаксивых соплей.

Босуэлл обрадованно улыбнулся:

- Отлично!

- Отлично? Я не хвалил, я…

- Ты ругал – кивнул Золотой Мальчик – Ну да. И ты прав – слишком приторно и вонюче. Но разве не это любимая еда большинства? Мы любим громкие истории, напичканные непроверенными фактами и обмазанные громкими обвинениями. А сухое и пресное неинтересно никому, кроме разве что историков – но и в этом случае не стоит забывать, что любимые ими полные пылью истории книги тоже писались людьми, охочими до ярких и сочных россказней.

- Красиво сказано – признал я – И все равно твоя речь полное фуфло. И звучит слишком громко… звучит так, будто на шестом уровне Хуракана творится полный беспредел, а власть смотрит на это дело сквозь пальцы.

- Супер! – похоже, что он обрадовался еще сильнее – То, что надо!

- Серьезно? – я искренне удивился – Не припомню, чтобы у нас кто-то раскачивал лодку. Мы ведь всегда стараемся сохранить баланс, придерживаемся умеренности в суждениях и обвинениях, всегда предпочитаем штиль бурному шторму и все такое…

- Так и есть. И в конечном случае так и будет, Амос – на этот раз его улыбка была довольно грустной – И можешь не волноваться о раскачивании лодки. Ты просто кое о чем забыл.

- О чем же? – подыграл я, запихивая литровую бутылку воды в набедренный карман старых штанов – А можно мне еще пару литров воды с собой? Или это уже совсем наглость будет?

- Наивный ты парень, Амос. Наивный и глупый – вздохнул Босуэлл – Ты даже не представляешь себе, что такое настоящая наглость. А представляй ты хоть немного – был бы сейчас намного богаче после всего, что с тобой случилось. Рискни кто сотворить такое со мной – избиение, глумление, попытка заткнуть рот, угрозы и клевета… да я бы выдавил из них и из их семей огромную сумму! А ты… ты стесняешься попросить лишнюю пару литров воды и практически в любой ситуации разыгрываешь карту не наглого парня, что в своем праве, а карту какого-то полоумного рыцаря нищеброда. Амос! Тебя головой о стену били! Ногами по голове пинали – и она снова билась о стену! Ты прошел по грани между жизнью и смертью – я вообще не понимаю, как ты сохранил разум и почему еще не превратился с слюнявого идиота. Но поверь – от кровоизлияния в мозг тебя спасло только чудо! И что ты с обидчиков поимел? Их лживые слова извинения? Да с них как с гуся вода! Уф… прости… накипело…

Ошарашенный, я просто кивнул.

- Но нам твоя порядочность только на пользу – добавляет ярких штрихов к светлому облику обыкновенного героя –

заулыбался Золотой Мальчик и, еще раз утерев губы платком, помахал официанту и со вздохом напомнил:

- Первые беспорядки Хуракана. Забастовка на фермах. Помнишь после чего все это началось? И что было потом? Читал об этом, историк Амос?

Голову напрягать не пришлось – я многократно читал об этом. Да и в старших школьных классах к нам раза три приходили маститые сурверы, чтобы прочитать скучную до зевоты речь.

- Двенадцатая поправка к девятой статье – произнес я вслух.

- И о чем гласит девятая статья, сурвер? Просвети меня – Инверто откровенно наслаждался нашим разговором.

- Там немало всякого. И в том числе о праве каждого сурвера на публичное высказывание. Двенадцатая поправка как раз относится к пункту статьи о публичных высказываниях – говоря, я одновременно вспоминал, но в памяти нашлось не много.

Политика – не мое. Даже в масштабах нашего крохотного хураканского мирка.

Так я и сказал, предварительно дождавшись пока он сделает заказ обрадованному такому количеству заказов парнишке, после чего добавил несколько пунктов от себя, пойдя на открытую наглость и заказав не только шесть литров воды, но еще пакет с бутербродами и аренду сетчатой сумки, именуемой у нас почему-то «авоськой», для переноски всего этого.

- Политика – не твое – повторил Босуэлл, когда едва не подпрыгивающий от радости официант удалился, успев получить от богатого сурвера десятку предварительных чаевых – Ну и зря, Амос, очень зря. Именно политики решают все в Хуракане. Они определяют наше будущее на поколения вперед. И именно их максимальный консерватизм вынудил мыслящих также, как и я предшественников создать партию ВНЭКС.

- Пусть так – ответил я – Но мне это никогда не было особо интересно.

- Я догадывался об этом – кивнул он – Впрочем, что тут догадываться? Твой выбор профессии, уж прости, но крайне банален и предсказуем. Только не обижайся!

- Да я и не думал – сказал я – Мне многие так говорили. Я ведь с детства мечтал стал историком.

- И в какой-то мере ты им стал – я о твоей работе чистильщика – он снова обезоруживающе улыбнулся, без слов прося не сердиться на эти слова.

- Не совсем понимаю… или вообще не понимаю, честно говоря. У меня не получилось стать историком.

- Почему же? Вполне себе получилось – возразил он – Кто

такие историки? Ответ прост – это те, кто копается в прошлом, а их ближайшие коллеги и чуть ли не родственники – археологи. И те и другие вскрывают пласты прошлого, чтобы выяснить, как и чем люди жили в незапамятные времена, кого убивали, кого защищали, кому молились, что ценили и чего боялись, как чумы. А ты в качестве чистильщика как раз и трудишься в сточных коллекторах над тем, что оставили после себя жители Хуракана – плесень, фекалии, мусор и все прочее. Ты тоже вскрываешь пласты и поневоле изучаешь их. Но это так… лирика слов… А правда жизни в том, что тот, кто живет будущим и жаждет влиять на него, пойдет в политику, а тот, кто дышит прошлым, предпочтет стать историком… или чистильщиком. Я не слишком туманно объясняю?

- Не слишком. Но я не согласен – буркнул я, впервые возразив столь решительно.

- Это почему же?

- Ну… не все люди одинаковые. Некоторые могут стать политиками – а некоторые нет. У всех разные способности и разные наклонности. И не все столь умны и одарены как ты.

- Пусть так – он медленно кивнул – Пусть так. Но к тебе то это как относится, Амос? Ты чем-то отличаешься от меня? Я талантами не блещу. Просто я умею говорить много и увлекательно, научился сверкать улыбкой и хмурить брови, когда надо, научился ярко и харизматично выступать на публике, а еще я всегда умел хорошо врать – но последним даром обладает каждый из нас, но в разной степени совершенства. Я политик, Амос. Не меньше и не больше этого. Захочешь стать таким же как я – станешь. Вот только ты не хочешь.

- Не хочу – признался я.

- И вряд ли тебя особо беспокоят нужды остального общества.

- Не особо – я снова кивнул, признавая его правоту.

- И скорей всего в последнее время ты думаешь исключительно о себе и больше ни о ком.

Подумав с полминуты – за это время нам принесли и выставили на стол все заказанное – я кивнул в третий раз:

- Да. Я думаю только о себе.

- А твой отец…

- О нем не думаю – я сцепил зубы и постарался сдержать полезшую на лицо гримасу ненависти – Вроде бы он еще жив.

- Вроде бы – хмыкнул Инверто – Не сердись, Амос. Я лишь развернуто ответил на твой вопрос о будущем и прошлом. Но мы отвлеклись. Вернемся к двенадцатой поправке – и должен заметить, что очень многие считают ее принятие шагом весьма своевременным, полагая, что без нее Хуракан давно бы уже был

уничтожен самым опасным из наших врагов.

- У нас есть враг? – я искренне удивился – Речь ведь не о монстрах снаружи, верно?

- Речь о нас, Амос – мягко ответил он и обвел рукой кафе и часть коридора – Главный враг любого замкнутого мирка вроде нашего – мы сами. Причем так было еще до запершего нас в Хуракане постапокалипсиса – еще в те дни, когда миром для человечества служила вся планета Земля, впоследствии уничтоженная нами. Сейчас там наверху почти безжизненные радиоактивные пустоши, бушующие пыльные ветра воют над песками – и это сделали мы. Люди. Человечество всегда было и есть главной опасностью для своего вида. Это не изменилось и после того, как мы ушли под землю и разработали свои сурверские законы. Даже у нас вспыхивали волнения, а бывали и забастовки, бунты, саботажи… всего и не перечислить! И с чего все начиналось, Амос?

- С непродуманных слов, сказанных в не том месте и не в то время – ответил я, вдруг вспомнив назидательные слова невероятно душного старичка, на два часа загрузившего головы школьной детворы в главном зале.

- Верно! Кто-то из-за личной обиды или попросту не подумав над тем, к чему могут привести его излишне горячие слова, взбирался в коридоре на табурет и начинал орать. Долго ли завести и заставить действовать скучающую детвору? Чем искреннее ты говоришь, чем яростнее обличаешь, тем больше огня ты источаешь, поджигая чувства слушающих. Словами ты высекаешь искры, а искры ведут к пожару! Искра, затем еще одна… и вот потянулся дымок… И вот уже кто-то кричит, что надо пойти и разобраться… Такое случалось в прошлом. Но двенадцатая поправка закрыла дыру в нашем законодательстве – если раньше кричащего нельзя было снять с табурета и заткнуть ему неразумный рот, то теперь это то, что будет сделано незамедлительно. Любой сурвер имеет право на публичное выступление – но сначала он должен подать заявку на оное, после чего произнести свою речь сначала перед опытными и мудрыми сурверами в отдельном помещении, а не перед публикой. И только если речь будет признана честной, не клеветнической, не разжигающей рознь и прочее – лишь тогда ее одобрят и назначат где и когда ты ее произнесешь. Это касается и партийных выступлений. Нельзя раскачивать лодку, Амос – потому что у нас только одна лодка и имя ей – Хуракан. Потонет он – потонем и мы.

— Значит эта твоя речь про Шестицветиков, про тасманку и разгул агрессивности…

- Раз мы договорились, то сегодня же вечером я подам заявку от лица ВНЭКС, а завтра к полудню уже зачитаю откорректированную и еще более зажигательную гневную речь перед десятком умудренных жизнью сурверов, среди которых наверняка будет и Смотрящий шестого уровня, раз уж выступать я решил именно здесь. Еще там будут представители Великих родов, может подтянется кто-то еще из Охранки и администрации.

- Они такую речь не разрешат – сказал я, осознав это, когда снова вспомнил все то, о чем он говорил мне в своем черновом обращении – Им такого не надо.

Только сейчас я понял, что будь подобная речь произнесена на улицах нашего уровня, она вызвала бы как минимум крайне острую критику вялого на действия Смотрящего и всей администрации, досталось бы нашей Охранке, а Шестицветиков потребовали бы упразднить ко всем чертям, а может и подвергнуть уголовной ответственности. То, с чем я столкнулся за последний месяц, обычно проходит мимо глаз, погруженных в рутину и работу обычных сурверов.

Но кто попадет под главный удар так это Охранка нашего уровня.

Куда смотрят патрульные?

Почему на улицах творится беззаконие?

Откуда столько тасманки и почему ее не боятся курить?

Биты с гвоздями? Летящие в голову тяжелые литые шары попрыгунчиков? Серьезно?!

- Их всех потребуют сместить со своих должностей – добавил я, думая при этом сразу про многих из наших старших и главных – Тебе не позволят произнести эту речь.

- Конечно не позволят – ответил Инверто и заулыбался, глядя на мое озадаченное лицо.

- Но тогда зачем это?

- Не понимаешь?

- Нет.

- Значит ты плохой историк – во всяком случае пока что – припечатал он – Ведь затея не новая. Все просто, Амос – моя речь пусть и опасна, но при этом она максимально правдива. Я не исказил ни единого факта, ничего не добавил и не приукрасил. В этом сила моих слов – и в этом их опасность. Мне не позволят выступить с этим спичем публично, но при этом по закону не имеют права и запретить. Могут лишь настоятельно рекомендовать резко смягчить риторику, чтобы не вызвать народного негодования. Это минимум их желания и тут они в своем праве. Народ волновать не надо. Ну а максимум их

желаний – лучше, чтобы речи подобной направленности вообще не прозвучало в переносящих гулкое эхо коридорах шестого уровня. И они постараются убедить меня в старой доброй истине, говорящей, что слово – серебро, а молчанье – золото. На нашем сленге это означает, что нас попытаются немного подкупить…

- И вы?

- И мы конечно же согласимся, но выторгуем еще немножко сверху. Это жизнь, Амос. И это политика. Они избавятся от опасных слов в обмен на небольшие уступки пришедшей на этот уровень ВНЭКС. Мы здесь условно новенькие, хоти переманить в свои ряды чужих членов и поэтому нам усиленно ставят палки в колеса – но теперь это прекратится. Благодаря тебе, сурвер Амадей Амос.

- Вы используете мою историю…

- Ну конечно же используем. Ты ведь не думал, что я выбрал тебя за твою внезапную решительность и героизм? – он удивленно поднял бровь.

Я отрицательно помотал головой:

- Ни о чем таком я не думал.

- Уже неплохо! И правильно не думал!

- Но я предположил, что мое знание всех уголков шестого уровня и…

- Нет. Нет, Амос. В данный момент я вообще не интересуюсь твоими умениями и талантами. О… вижу как в твоих глазах вспыхнула легкая обида…

- Ну… пусть так. Но что вы получите в обмен на молчание, если не секрет?

- Секрет, но тебе я его открою. Потому что ты не дурак, что я понял сразу. Ты наивен, неопытен, но не дурак и рано или поздно сам бы сложил два и два. А еще я рад чуть пошире открыть тебе глаза на этот темный мир. Все просто, Амос – в обмен на резкое смягчение моей речи и исключение из нее особо… опасных и неприглядных моментов, я потребую предоставить нам то, в чем нам прежде было отказано. Речь о помещениях под офис ВНЭКС. Наша штаб-квартира находится на третьем уровне рядом с лифтовой зоной – место козырное, считай Бродвей. И здесь мы хотим создать примерно то же самое. Мы нашли подходящие помещения, арендовали их, но открыть там офис нам не разрешили, заявив, что это якобы перегрузит и без того вечно занятый публикой перекресток – главный перекресток Шестого уровня. Вместо этого нам посоветовали забытый всеми тупик… этакая серая и идущая на понижение кишка с капающими потолками и лужами на полу. Что-то вроде гнойного аппендикса не просыхающего алкаша…

По его красочному описанию я сразу понял о каком месте идет речь – не раз бывал там в качестве чистильщика. Тут он прав – хрен туда кто пойдет по доброй воле.

- Но главная проблема – там нет туалетов.

- Туалетов? – я удивленно заморгал – А они тут причем…

- А гадить куда прикажешь, сурвер? Пришедшая со мной на этот этаж команда насчитывает двадцать два человека. У нас есть на окраине небольшой закуток в качестве офиса, основанного как филиал еще годы назад, но и там удобств не наблюдается. А посетители? Им что делать с накопившимися биологическими отходами?

- Без туалетов никак – признал я.

- Именно! И кто позволит нам провести трубы?

- Никто – уверенно произнес я.

Это огромная головная боль. Мы категорически против лишних вскрытий стен, долбления полов и потолков, протягивания дополнительных коммуникаций любого вида, включая не только трубы, но и провода. Любое дополнение несет на себе и дополнительную нагрузку по обслуживанию и ремонту, что нагружает уже наши и без того истощенные складские запасы. К тому же это означает врезку в уже существующую систему водопровода и канализации – и кто знает, как они себя поведут после возросшей нагрузки. Партия они или нет, ВНЭКС или нет, но им сухо и категорично предложат пользоваться общественными удобствами и не выделываться. Насколько я помню, от того тупика до ближайшего туалета метров двести. Там же можно набрать из крана и нефильтрованной воды, но я бы ее пить не стал…

- Ты уловил суть, Амос?

- Я уловил – кивнул я – Вы услышали о моей истории, сложили в кучу все происшествия, превратили это в зажигательную речь, после которой полетели бы многие головы, а затем поменяете ее на нужное вам пространство в козырном месте…

- И с туалетами, Амос! – он поднял палец вверх – С тремя туалетами! И один из унитазов будет в отдельном помещении в облюбованном мной кабинете – то есть в моем личном пользовании. Я уже называл тебя наивным и слишком добрым?

- Называл.

- Тогда наша беседа поможет окончательно разбить приклеенные к твоим глазам очки розовой наивности и спрятанное за ними пенсне туповатой рыцарственности. Хватит прощать людям, Амос!

- Да я не…

- Прощаешь! Если тебя били ногами в голову, а потом ты говоришь, что не имеешь претензий, то неважно насколько каменная и гневная у тебя рожа при этом – ты все равно прощаешь ублюдка, позволяя ему отделаться малой ценой. И в партию я позвал тебя не из-за твоих личных качеств или мечты стать историком. Нет! Мне нужна твоя громкая резонансная история и только! Да и то – я с радостью обменяю эту быстро теряющую дороговизну историю на три сортира, один из которых окажется в моем личном распоряжении! – он наклонился ближе и прошептал – Смекаешь, Амос? Благодаря тебе, мне не придется терпеть, когда приспичит отлить или сделать дело покрупнее.

- Я…

- Да я использую тебя, сурвер. Но использую не втемную. И говорю все как есть. Я покупаю тебя и твою историю, чтобы потом обменять ее на светлый офис и три сортира. Такова твоя текущая цена, Амадей Амос – три сортира – отодвинувшись, он сделал несколько больших глотков кофе, утер губы платком и всмотрелся в мои глаза – Обиделся?

Я промолчал.

- Не обижайся, Амос. Это ведет к бедности. Злись! Злость ведет к деньгам! Сам посуди – еще месяц назад ты и одного унитаза не стоил. А стоило тебе разозлиться и дать отпор, как твоя цена резко возросла! Так что не будь дешевой обиженкой, а продолжай становиться злее и умнее.

У меня невольно вырвалось:

- Зачем? Зачем становиться злее и умнее?

- Потому что это путь против течения. А раз идешь против – значит ты уже не говно. Ну и потому что в тебе что-то есть – а я редко ошибаюсь в людях. Опыт, знаешь ли. А теперь нам пора закругляться с беседой – время поджимает, а мне еще заявку подавать в комитет одобрения публичных выступлений. Знаю, что мы договорились…

- Договорились – кивнул я – Что я теряю? Ты покупаешь товар, который кроме тебя и не нужен никому.

- Вот и отлично.

- И что мне делать дальше?

- Дальше? Ты вечерами дома?

- Или дома или бегаю – но в любом случае пробегу мимо своей двери.

- К тебе зайдет курьер с заявкой на вступление, партийным билетом и деньгами. Твое неизбитое фото мы возьмем из общей базы данных. Еще чуть позже – скорей всего дня через два - тебе занесут приглашение на наше грандиозное открытие в новом офисе – приходи обязательно. Подойдет обычная чистая рубашка

и штаны. Там постараемся пересечься и перекинуться парой слов о твоей дальнейшей работе – ты ведь помнишь, что основная зарплата у тебя сдельная. А я редко разбрасываюсь динеро просто так. Запомнил?

- Запомнил – кивнул я, вставая из-за стола и цепляя ручки арендованной сумки – Мы договорились. И… и большое спасибо.

Снова вглядевшись мне в глаза, Инверто Босуэлл кивнул, поднялся и протянул руку:

- Молодец, Амос. Ты правильно понял мои слова. Но главное, чтобы понял кое-что другое, сурвер. Еще пару истин.

- И какие же это истины?

- Истина первая – да сегодня твоя цена равна условным трем сортирам – и это немало – но только от тебя зависит во сколько тебя оценят через пару месяцев или через полгода. Многие из твоих знакомых не стоят даже одного треснутого и напрочь засраного унитаза – и у них это на всю жизнь. Истина вторая – и ее ты начал понимать самостоятельно – чтобы с тобой считались, надо быть злым и опасным, а не добрым и милым. Ищи не любви, а уважения – и пойдешь правильной дорожкой. Те придурки, что вздумали надо мной посмеяться на школьном балу и были мной же избиты, до сих пор при встрече заискивающе улыбаются и первыми здороваются. Иди домой, Амос. Читай, бегай, ешь, сидя на горшке вспоминай о своей текущей цене и взрослей.

Постояв, я молча кивнул, еще раз пожал ему руку и зашагал по улице, закинув тяжелую сумку на плечо. Ноги ныли, живот переполнен, а в голове мерно пульсирует с такой силой, что кажется будто там в черепе сейчас лопнет сосуд и выгорающий мозг зальет горячей кровью. Шагая домой, я о необходимости поспать несколько часов, а затем вернуться на бесконечную беговую дорожку и продолжить наматывать километры, наполняющиеся все более стройными мыслями, и все более размеренными вдохами и выдохами.

А еще я думал о словах Босуэлла. Он посчитал, что я обиделся. И он ошибся. Мне почему-то было вообще плевать. Главное, что я узнал зачем я вообще им сдался – и резко успокоился. Если тут и есть интриги, то напрямую они меня не касаются, плюс не будет никакого ненужного сейчас шума. Для меня вообще ничего не изменится – разве что появится дополнительная подработка, а статус члена ВНЭКС может даже защитить по мелочи. И все же я был ему благодарен за такой прямой разговор – его циничная откровенность встряхнула меня, зажгла и заодно еще раз напомнила, что по большому счету всем посрать на сурвера Амадея Амоса. И это меня не угнетало, а наоборот - бодрило получше ледяного душа. А заодно это давало

мне безграничную свободу действий. Ведь если окружающему миру посрать на меня – то и я ему ничего не должен и ничем не обязан.

Глава 3

Глава третья.

По пути домой я решил закупиться, раз уж появились деньги. Сначала заглянул в магазинчик Галатеи, но там мне никто не открыл и пришлось вернуться шагов на семьсот назад к ближайшему перекрестку, где у доски объявлений, как всегда, стояла кучка сурверов. Они жадно изучали свежий выпуск одной из наших газет – большая часть периодических изданий, любительских и относительно профессиональных, выходила только в электронном виде и была доступна для загрузки на устройства в кафешках, библиотеках и прочих публичных местах. Но не все могли позволить себе иметь сурвпад и для таких как они печатались бумажные газеты, по старомодному методу прикрепляемые к информационным доскам. Подходи, читай, обдумывай и тут же на месте обсуждай и спорь – чем не клуб по интересам? Эти же доски использовались для коммерческих объявлений – что в принципе нарушало правила, но вышестоящие смотрели на эту мелочь сквозь пальцы.

Пока я изучал аккуратно налепленные столбиками крохотные послания потенциальным клиентам, трое сурверов яростно обсуждали компетентность старшего инженера Яковлева Андрэ, сделавшего ежемесячный доклад о состоянии оборудования нашего уровня. Пока они громогласно сомневались в его профессиональных умениях, еще один, небритый и одышливый, хрипло и часто повторял, что схожее звучание фамилий Яковлев и Якобс совсем не случайно и великий род потихоньку захватывает шестой этаж Хуракана, ставя везде своих людей. Очередная теория местечкового заговора…

Погрузившись в изучение объявлений, я не сразу заметил, что они вдруг резко замолчали. Покосившись, обнаружил, что стоящие у доски хоть и делают вид, будто продолжают чтение, но на самом деле искоса смотрят на меня.

Узнали…

Я удержался от короткого приветственного кивка. Молча дочитал второй столбик, нашел нужное упоминание и просто пошел прочь по направлению к Манежу, следуя негласному кодексу сурверов – шагай у стены, не размахивай руками и все такое. Но делал я это скорее по въевшейся привычке вечно забитого и боящегося поднять голову Амоса-Ануса. Выпрямиться бы… но зачем? Чтобы впечатлить сверлящих мне взглядами спину небритых стариков с неодобрительными лицами? Я для них явно не герой, что захлопнул решетку и запер замок. Я для них

проблемная личность. А еще я тот, про кого написали небольшую статью в их любимой газетенке – я успел краем глаза зацепиться за заголовок «Амадей Амос – поступок настоящего сурвера». Шрифт суровый и плотный – все как любят сурверы. Других новостей в нашем болоте не нашлось? Хотя глупо злиться на тех, кто радостно растит мою временную дешевую известность – именно благодаря ей Босуэлл и решил воспользоваться моей историей.

Обнаруженный благодаря объявлениям магазинчик оказался достаточно неплохим и находился на территории Манежа, недалеко от главного входа в рыбные пруды Якобс. Отдельно порадовала безразличность читающего какую-то книгу мужичка продавца, спрятавшегося за высоким и, что особенно удивительно, деревянным застекленным прилавком. Наверняка это семейная реликвия. Возможно, прилавок сколочен чуть ли не первым поколением и с тех пор многократно реставрировался с помощью сделанного из шеллака лаком – его производство давным-давно налажено в нескольких местах Хуракана и там же бережно и независимо сберегаются популяции лаковых червецов.

- Впечатляет, да? – с пониманием спросил мужичок, оторвавшись от старой книги.

- Да – кивнул я и, прекратив глазеть, шагнул к прилавку – Впечатляет…

Магазинчик я покинул через минут двадцать, потратив тридцать три динеро и на все деньги купив лишь один вид запасов – соленую рыбную соломку. Мне дали одну штучку попробовать, заверив, что все максимально свежее. Вкус впечатлил меня максимально. Помимо этого, мне буднично вручили длинный прямоугольник из зеленоватого водорослевого картона с четырьмя параллельными рядами из семи пустых квадратиков в каждом. В углу красовался гордый черный штамп «ЯКОБС», а в три пустых квадратика с помощью металлической печати продавец влепил по жирной зеленой галочке и под каждой расписался. После этих странных манипуляций он пояснил их суть: если приобрету за неделю семь порцию рыбной соломки, каждая из которых стоит одиннадцать динеро, то на седьмой день получаю свежую или копченую тиляпию средних размеров. Закрою так все четыре недели – получу здоровенную тиляпию и мелкий подарок от рода Якобс из имеющегося каталога полезных вещиц. Само собой, можно закрыть все квадратики досрочно. Работаешь в рыбных садках временно? Тебе скидка десять процентов на все время работы – главное покажи трудовую книжку. Работаешь постоянно? Тебе скидка пятнадцать процентов после предъявления того же документа.

Понятно тебе, сурвер?

Мне было все понятно, и я пошел домой, разминувшись с пятком смутно знакомых работяг, поприветствовавших меня довольно радостно – похоже, они из работающих на рыбных прудах. Дав стандартный ответ, я провожал их взглядом, пока они не скрылись за воротами – топают на долгую выматывающую смену. И мне бы не помешало быть в их числе. Но не сегодня.

«Завтра» - решил я, ускоряя шаг. Вплотную займусь поиском работы завтра. Безделье радует, как и возможность много читать и не видеть ничьих рож, но я сурвер, а настоящие сурверы не могут долго без работы.

Ты сурвер – и ты стараешься!

Оказавшись дома, я разложил покупки, некоторое время глядел на наспех выстиранные и отжатые шмотки для бега, прислушиваясь к тихому разумному голоску в голове, советующему на сегодня закончить с физкультурой. Я прислушивался к этому боязливому умному голоску всю свою жизнь – кроме последнего месяца. И возвращаться к послушанию не собирался. Натянув старые сухие штаны с рваными коленями, отыскал носки и майку, впихнул ноги в кеды и вышел за дверь, разом оказавшись на беговой дорожке.

В тот день я пробежал трусцой четыре километра, после чего перешел на шаг и в медленном размеренном темпе двигался еще два часа, не обращая внимания на встречных и догоняемых, но шустро проскакивая темные зевы боковых улочек. Все это время я упорно и даже упрямо думал над всем, что прочел и услышал за последние дни, делая акцент на практических сведениях и заодно прикидывая, где бы я мог испытать их в реальности. Помимо этого, у меня было достаточно времени, чтобы обдумать такую проблему как мой максимально низкий уровень доступа.

У нас в Хуракане информация официально доступна всем и каждому. Бери любую книгу – и читай! Обогащайся знаниями, сурвер! Знающий и умелый житель убежища – дополнительный шанс выживания всему убежищу!

В целом так оно и было, но при этом источники данных все же имели свои категории и доступ к ним определялся в некоторой степени твоей профессией, но в основном твоим образованием. В Хуракане имелось два образовательных учреждения выпускающих с высшим образованием. Имелось несколько узкоспециализированных учебных заведений со схемой автоматического трудоустройства по полученной специальности. И соответственно бумажный учебник или архив конспектов по гидропонике мне никто не выдаст – профессией и образованием я

не вышел.

Но мне плевать на все эти учебники и прочие профессиональные записи. Пусть в них копаются те, кто планирует посвятить этому жизнь, а мне ни к чему тонкости выращивания огурцов и помидоров. И устройства электромоторов я тоже знать не хочу. Даже не собираюсь ничего читать про полостную хирургию, хотя с удовольствием ознакомился бы с азами полевой медицины.

Что меня действительно интересовало, так это записи, сделанные первым поколением Хуракана – но лишь познавательного интереса ради - и особенно сильно мне был нужен массив данных, накопленный сотрудниками Разведки. Они все бывали за пределами убежища, имели реальный опыт, попадали под радиацию, сражались с тварями, а потом те, кто выжил, писали доклады и мемуары. И по еще одной долбанной поправке, введенной каким-то ублюдком двести одиннадцать лет тому назад, все вышедшее из-под пера бойцов Внешки получило особый гриф, ограничивший к ним доступ всем, кроме тех, кому эти данные требовались для выполнения профессиональных обязанностей.

Думаешь, у тебя есть право получить доступ к этим данным?

Что ж – иди и подавай заявку, сурвер. Ее рассмотрят в течении двух календарных месяцев и вынесут решение.

Учитывая мой статус безработного, я был уверен, что мне даже заявку подать не разрешат. И как я не напрягал голову, не нашел никаких законных способов получить доступ к заветным данным. Через какого-нибудь знакомого может и удалось бы заполучить что-нибудь интересное в электронном виде, но таких знакомых у меня не водилось.

Единственная надежда, что у меня оставалась – так это на грядущий статус некоего исследователя в одном из ведомств партии ВНЭКС. Боюсь только, что моя должность там полностью фиктивная, а исходя из циничных слов Инверто Босуэлла, она может заключаться в чистке его личного сортира. Правда жизни она такая – пахнет говном и чужой усмешкой.

Во время прогулки я окончательно прочистил голову, запретив сам себе даже думать о добровольном признании в убийстве той девки с битой и о том, чтобы напроситься на изгнание из Хуракана. Меня может и изгонят – вот только сурверы не настолько дураки, чтобы отправлять тебя восвояси с рюкзаком, набитым ценными вещами. Конфискация всего имущества! Все что ты нажил в убежище – тут и останется. С собой дадут немного еды, бутылку с водой, старый истертый нож и пылающий факел – подожгут, когда выведут наружу. Никакого

фонарика ты не получишь – может раньше так и было, но сейчас столь технологическое устройство не покинет пределов Хуракана.

И что я буду делать там с горящей деревяшкой в одной руке и дрожащим огрызком ножа в другой?

Я хочу покинуть убежище. Я сделаю все, чтобы его покинуть. Но на своих условиях… и со своими вещами.

**

После повторной помывки я потратил пару минут на общение с Андреем Румянцев – потерявшим брата парнишкой с нервным тиком и привычкой щипать себя за ноздрю. Я уже привык к его самоистязанию и, угостив Андрей порцией рыбной соломки – сам я сжевал уже два пакетика – расспросил о недавних событиях. Андрей, жуя угощение, старательно припоминал, но так и не вспомнил ничего существенного. Важные люди в банном комплексе в последние дни не появлялись, никто из Шестицветиков не заглядывал. Про меня никто не спрашивал. Было много вопросов о случае с тварью и еще больше ими же порожденных бредовых теорий. Чуть успокоенный, я попрощался с парнишкой и вышел, с трудом волоча донельзя уставшие ноги – все же с бегом и ходьбой я сегодня перебрал. Но настроение было пиковым – такое впечатление, что поймавшая меня эйфория бегуна так и не отпустила, продолжая злобно топить плавящийся мозг в эндорфинах.

Я честно хотел пойти домой и угомониться уже. Но вместо этого свернул в узкий боковой коридор, миновал десяток безликих дверей и такое же количество преимущественно пустых бетонных скамеек. Раньше тут находилось место для размещения участвующих в олимпиаде спортсменов – пятьдесят с лишним небольших однотипных комнатушек с выходами в узкий коридор, украшенный поныне существующими мозаичными панно, изображающими бегунов, метателей дисков, прыгунов с шестом и так прочих славных атлетов. Сейчас же в коридоре находилось общежитие для бессемейных работяг – большая их часть работала на род Якобс. И тут же, на месте прежнего спортивного бара, расположился ломбард ПостАп. Застекленная лакированная дверь была закрыта, а рядом с ней сидел тот, ради которого я сюда и пришел – охранник Бунд Фиккас, по прозвищу Фикус. Грузный мужик лет за сорок, в положенном по правилам сером комбинезоне с желтой нарукавной повязкой – в Хуракане довольно спокойно и охранник нужен по регламенту. Настоящая работа у таких как он бывает только в увеселительных заведениях, где может побуянить молодежь. Здесь же никогда ничего не случается и Бунд бездельничает с утра и до конца рабочей смены, сидя тут в буквальном смысле годами. Тут он

меня и зацепил как-то, идущего мимо и по дурости засветившего блеснувшими на запястья наручными часами. Бунд тут же подозвал меня, усадил рядом, уронил толстую ручищу на плечо, сжал и, оказав нехитрое давление на трусливого Амоса-Ануса, отжал у меня часы под предлогом поносить пару деньков. Я пришел за своим через три дня и на меня снова надавили – уже пожестче и с завуалированной угрозой. Больше я не приходил – до этого момента.

Остановившись у двери ломбарда, я дождался, когда сонный охранник сфокусирует на моем лице щелочки глаз и коротко произнес:

- Мои часы. Отдавай.

В коридоре имелось некоторое количество здешних усталых обитателей, но меня они не услышали – я говорил намеренно тихо и спокойно. Со стороны могло показаться, что мы с ним приятели, а я просто задержался перекинуться парой рутинных слов. Ну да… так же, наверное, казалось со стороны, когда он с добродушной усмешкой на небритой харе отжимал у меня часы, дыша перегаром и пережаренной в масле рыбой.

- Чё? – он несколько раз моргнул, следом в глазах засветилось узнавание, и он… поник, съежившись и сдувшись как проколотый рыбий пузырь – Амос.

- Амос – кивнул я, продолжая стоять в шаге от него и держать руки в карманах штанов. Я был удивительно расслаблен и спокоен, не было ни намека на мандраж или страх, зато имелась почти равнодушная готовность получить по лицу, а еще я знал, что буду бить в ответ и как бы не повернулась ситуация – пойду до конца.

И я только что понял нечто очень важное. Осознал истинную причину того, почему я спрашивал о Шестицветиках, почему резко сменил направление и пошел сюда. Нет, я не искал новых проблем, и я не горел желанием испытать боль от ударов и получить новые травмы. Я пришел сюда по другой причине – я боялся, что мое новое «Я», злое, мерзкое и добивающееся своего, возможно уже исчезло так же внезапно, как и появилось после того удара затылком о стену. А еще я недавно прочитал в одной попавшейся успокаивающей статье, что в человеке задерживаются лишь те эмоции, которые он подпитывает постоянными мыслями и делами. Что-то про двух или даже трех волков у каждого в голове – выживают лишь те, кого ты кормишь. Вот почему я стоял здесь и сверлил неподвижным взглядом очередного своего обидчика – я кормил злого голодного черного волка, не собираясь давать ему возможность уйти из моей ушибленной головы.

Так что? Оплывший охранник пошлет меня куда подальше?

Ударит?

- Я ведь ждал – он криво и как-то жалобно улыбнулся, доставая из кармана потрепанной куртки несколько монет – Смотри, Амос. Твои часы я заложил в ломбарде, а потом хозяин их продал – я уже давно это выяснил. И давно хотел тебе их вернуть…

- Давно? – я не удержался от столь же кривой, но не жалкой, а скорее грустной усмешки – После того как случилось несколько связанных со мной громких дел, да? Но не раньше… до этого тебе было плевать.

- Что ты, что ты – пробормотал он, старательно глядя мимо меня – Давно хотел вернуть. Я ведь правильный сурвер. Так вот – хозяин продал твои часы. Я заложил их ему за десятку, он продал за пятнашку. А я вот даю тебе тридцатку. Тридцать динеро, Амос. Ты берешь – и мы расходимся миром. И… извини меня в общем.

Неспешно обдумав предложение, я медленно кивнул и принял протянутые три монеты.

- Вопрос решен, Амос? – спросил охранник.

Спросил просто так – не под запись, без свидетелей.

- Вопрос решен – кивнул я, после чего развернулся и ушел.

**

ВНЭКС умела быть оперативной – или Босуэлл – когда это требовалось. Куй железо пока горячо – еще одна поговорка из наследия Россогора и партия ВНЭКС явно следовала ей буквально.

Курьер постучался в мою берлогу почти в полночь. Представился, дождался, когда я открою, вручил пакет из толстой зеленоватой бумаги с черными буквами ВНЭКС в верхнем левом углу, после чего раскрыл старую пластиковую папку, дал ознакомиться с заявкой на вступления и подал ручку, чтобы расписаться. При этом он улыбался той дежурной и вроде спокойной, но почему-то заставляющей поторапливаться улыбкой. Но я торопиться не стал. Раньше я бы просто поставил робкую мелкую закорючку подписи, а сейчас сначала прочитал отпечатанную на печатной машинке заявку, некоторые пункты просмотрел дважды, убедился, что нигде нет ничего мутного и только затем написал в нужном месте «сурвер Амадей Амос» и поставил подпись и дату. Отдав чернильную ручку – серый пластик и сталь, производство ВестПик, бюджетная женская модель – я кивнул курьеру и закрыл дверь. День подходил к финалу, на меня накатывали волны заслуженной усталости, ноги гудели и хотелось только спать, но я сумел преодолеть безразличие и открыл шуршащий пакет и выложил его содержимое на стол – рядом с аккуратно разложенным

имуществом. Налобный фонарь, отвертка, непромокаемая сумка с длинным ремнем, нож, пакеты с рыбной соломкой и все прочее, что я считал важным держать все время на виду – не считая лежащего на кровати сурвпада.

И что я получил?

Деньги в прозрачном пластиковом кисете. Монеты по десять динеро, всего пятьдесят. Выполненное в красно-серых тонах удостоверение – внутри обнаружилось мое фото, ФИО, дата вступления и жирный лиловый штамп о выплаченных за весь год партийных взносах. Какой я молодец… Захлопнув документ, полюбовался внешним исполнением – удостоверения такие как это и в других цветовых гаммах наштамповали тысячи еще в те времена, когда Хуракан обладал куда большими производственными мощностями и ресурсами. С тех пор многое мы уже произвести не можем, но «кормимся» с обширных складов, где хранятся практически вечные предметы. В том числе так хранятся бланки удостоверений на любые цели. Человек знающий поймет и правильно оценит кое-что еще – цветовое исполнение обложки. Все это делали заранее и руководил всем кто-то действительно умный.

У нас несколько разных партий и каждое десятилетие появляется одна-две новых, в то время как столько же партий разваливается и ликвидируется. Но есть и настоящие седые зубры – например, партия «Константа» с их широко известным и популярным девизом «Спокойствие в постоянстве». Членами этой партии является большинство Смотрящих Хуракана и тех, кто занимается действительно ответственные должности. Курс партии яро поддерживают все старики убежища. Еще бы им не поддерживать, ведь курс Константы очень прост: мы все должны оставаться в убежище до тех пор, пока это возможно и быть достаточно разумными, чтобы не привлечь к нам ненужное внешнее внимание. Учитывая весомость Константы, можно не сомневаться, что этим курсом мы и будем следовать ближайшие десятилетия. В недавнем заявлении, один из партийных седых бонз радостно заявил, что ближайшие лет сто мы можем вообще ни о чем не переживать – ресурсов хватит. Ну да… еще несколько поколений родится под землей и быть может там и помрет. Раньше я об этом вообще не думал – теперь думаю.

Так вот – партийные удостоверения модно и почетно демонстрировать, заодно сразу же выражая свои политические и социальные взгляды. Корочки «насаживают» на нагрудный карман, закрепляют, чтобы удостоверение не потерялось и так ходят, демонстрируя не только название партии, но и ее цвета. Поэтому мы с детства знаем кому какие цвета принадлежат и что

это значит. Чем спокойнее и тусклее цвет – тем консервативней партия. Цвета выдает совет Хуракана – после того как ознакомится с уставом регистрируемой партии и их заявлениями. Название партии печатается на корочках уже вручную.

Удостоверения Константы выполнены в мягких зеленых и синих цветах. Удостоверения ВНЭКС красные с серым, что сразу говорит о радикальных устремлениях партии.

Константа предпочитает оставаться в подземной коробке, ВНЭКС в принципе тоже, но последние настроены на исследования хотя бы ближайших пределов, за что сразу заработали красный радикальный окрас. И я теперь я пусть номинально, но один из них. Хорошо это или плохо? Скорее хорошо, если мне будут регулярно платить и давать возможность для той самой сдельной подработки.

Последним предметом был большой пластиковый конверт – в таких семьи хранили важные документы и фотографии. Открыв клапан, я вытащил сначала квадратик с рукописными словами. Записка от Инверто Босуэлла.

«Добро пожаловать в партию Внутренней Экспансии, Амос! Кстати, как мне тут подсказал бессменный секретарь и архивариус ВНЭКС на шестом уровне, ты сейчас идешь по стопам семьи, что когда-то сделала такой же выбор. Судьба? Предназначение? Кто знает… В любом случае ты сделал правильный выбор, сурвер. Скоро увидимся.
PS: Будь добр, веди себя в рамках приличий, Амос!».

О чем это он?

По чьим стопам я иду?

Перечитав записку, я все равно ничего не понял и решил проверить конверт. Мои пальцы наткнулись на плотный картон, я потянул и вытащил большую четкую черно-белую фотографию. Вгляделся, вздрогнул и зашарил по столу, нащупывая налобный фонарь. Включив, вывел яркость на максимум и направил луч на фото.

Группа разновозрастных людей. Одеты в комбинезоны разных фасонов, все в высоких непромокаемых сапогах, на лбах фонари, на макушках каски, на плечах лямки рюкзаков, а на поясах ножи, лопатки и гаечные ключи солидных размеров. Они стоят по щиколотку в воду, задним фоном служит мокрая бетонная стена какого-то коридора, с потолка свисают ржавые цепи мертвой лебедки. По низу идет белая надпись: Очередная исследовательская экспедиция ВНЭКС», там же проставлена дата, когда было сделано фото – почти двадцать семь лет тому назад. Я неотрывно смотрел на двух крайних людей слева. Парень и девушка. Оба весело улыбаются, она прижимается к нему, он

уронил руку ей на плечи. Совсем молодые и счастливые… мои родители.

- Какого хрена? – пробормотал я, проводя ладонью по снова начавшей отрастать жесткой щетке волос на макушке.

Мама…

Я вгляделся ей в лицо, осторожно коснулся навеки запечатленного на фото лица и отдернул руку.

Мама…

Я понятия не имел, что мои родители раньше состояли в членах ВНЭКС или какой-либо еще партии. Хотя вру – отец вроде состоит в какой-то партии. В нашу последнюю встречу я видел в его кармане удостоверение с тусклыми мирными цветами, даже отдаленно не пахнущими никакой радикальностью во взглядах. Кажется, это было удостоверение самой «тухлой» партии Хуракана – Эксистенсия. Партия с удостоверением густого зеленого цвета. Партия, чьи члены выступают за то, чтобы провести взаперти столько веков, сколько сможем, даже если жить придется впроголодь. Партия, чьи члены выступают за закрытие и консервацию всех шлюзов, всех дверей, а также за упразднение Разведки и ответное двойное усиление внутренней Охранки.

Почему отец выбрал членство в Эксистенции мне неудивительно – это одна из немногих партий, кто помогал продуктами и одеждой своим нуждающимся членам. Плохо что ли, если раз в месяц тебе подкинут что-то вроде пособия? Раньше я не задумывался, но теперь понял, что таким образом партия купили его сурверский голос – становящийся важным несколько раз в год, когда у нас проходили народные голосования по тому или иному вопросу. Эксистенция – не странно и не удивительно.

Но родители и ВНЭКС?

Вот это удивительно…

Я проверил конверт еще раз, но он был пуст. Погасив фонарь, я поставил фото на стол у стены. На миг возникло желание вырезать с фото лицо отца, но я удержался от этого тупого детского порыва и снова застыл, глядя на группу на фотографии в тусклом свете потолочного освещения. Когда очнулся от мыслей, понял, что успел сжевать две пачки рыбной соломки, а в теле и голове нет и намека не усталость. На улице хураканская ночь, а у меня сна ни в одном глазу. Что-то подрагивало внутри и требовало действий.

Снова выти на прогулку?

Нет… взглянув на стол с разложенными инструментами и снаряжением, я кивнул сам себе и начал собираться.

Не спится, сурвер? Ну так иди и поработай.

В рыбных садках рода Якобс всегда нуждаются в рабочих руках…

**

По старой намертво въевшейся привычки – и вряд ли я от нее когда-нибудь избавлюсь – я со сноровкой опытного чмошника мысленно готовил себя к неласковой холодной встрече, к резкому отказу и посылу нахер. В подобных случаях лучше всего сохранять максимально бесстрастный, но не вызывающий вид – чтобы не навлечь на себя агрессию. Просто кивнуть, развернуться и уйти – не бежать, но и не медлить, чтобы не поймать спиной еще парочку недобрых слов. Так не раз случалось со мной в прошлом, и я неплохо так навострился минимизировать ущерб для своей психики, а иногда и тела. Сейчас же, поймав себя на этих приготовлениях, я зарубил все на корню. Хрен им! Они не обязаны давать мне работу, но унижать себя я не позволю!

Но я ошибся. Вернее, оказался не готов. Вот к чему угодно, а к тому меня жизнь не готовила.

На территорию бывшего бассейного комплекса я прошел без проблем, сказав охраннику, что хочу наняться в ночную смену. Он смерил меня опытным взглядом, скользнул глазами по сумке и не горящему пока налобному фонарю, после чего кивнул и спросил знаю ли куда идти. Я знал и на этом разговор завершился. И когда я добрался до зоны, где в прошлый раз стояли столы с горячим питанием и напитками, меня заметил стоящий перед плотной группой смутно знакомый мужчина и тут же закричал:

- Амос! Сурвер! Это ведь ты?

Я кивнул.

- Как же я рад тебя видеть! – заявил он, маша рукой, чтобы я подошел.

Вот к этому я готов не был – к выражению радости при виде меня и столь же радостным словам.

- Не спится в ночь глухую, сурвер? Поработать хочешь? – глотая от спешки слова, спросил он и чуть нервозно задрал рукав грязного желтого комбинезона, глянув на механические часы на запястье.

- Хочу – подтвердил я и пожал его протянутую руку.

- Ну вообще отлично! – воскликнул он и свел ладони в резком хлопке, одновременно оторвав пятки сапог от пола и тут же с силой ударив ими о кафель. Поймав мой взгляд, он снова приподнялся и опустился, после чего пояснил – Венозные клапана встряхиваю. К черту застои крови, верно?

Я снова кивнул. А он снова хлопнул в ладони, чуть подпрыгнул и ткнул указательными пальцами в плотную или даже слишком плотную группу переминающихся сурверов. Я на

автомате пересчитал их. Семь человек. Четверо потрепанных мужчин, трое выглядящих куда более живо женщин. И у всех одинаковое выражение лиц – нескрываемый страх.

- Они не хотят спускаться туда! – его указательные пальцы сместились с группы на тускло освещенный коридор.

Я знал это проход. В его конце находится большой люк, через который мы тогда спускались, чтобы устранить последствия грязевого перелива. Опять случилось какое-то ЧП? Правильно поняв мою задумчивость, черноволосый парень в желтом комбезе с трудом удержался от очередного хлопка и пояснил:

- Обычная генеральная уборка. Все должно блестеть, сурверы! Сами понимаете – после случившегося комиссия за комиссией к нам идет. Сегодня было две – одна от Охранки и одна от Внешки. Завтра ждем комиссию во главе с самим Смотрящим Руем! А у нас там внизу что? Отвечаю за вас – там еще есть грязь! И грязюку эту надо собрать, погрузить в бадьи, а затем опорожнить в отстойники, где ей и место. Работы часов на шесть. А вы тут задницы мнете!

- Там такое произошло – глухо обронил небритый сурвер, чуть ли не до хруста сжимая в руках тряпку – Тварь эта…

- Этот сурвер был там! – пальцы парня указали на меня – Он все закрыл! Там теперь безопасно как здесь.

- А он с нами? – тихо спросила крайняя женщина в серой косынке и старом синем комбинезоне – Сурвер Амос с нами пойдет?

- Секунду! – воскликнул парень и шагнул ко мне – Спустишься часов на шесть? Ничего делать не надо – просто побудешь там, чтобы сурверы не нервничали – понизив голос, он добавил – Плачу десять динеро, плюс сытный перекус после смены.

- Десять динеро за шесть часов – ответил я – Если проторчу там больше – доплата. С собой сразу забираю пяток бутербродов с вон того стола. И я ничего не делаю – просто побуду там.

- Договорились! – просиял тот и картинно развернувшись на пятках, подпрыгнул, хлопнул в ладоши и громко оповестил – Вот и решено дело! Герой Амадей тоже идет и присмотрит, чтобы ни с кем ничего не случилось! И давайте уже быстрее, пока он не передумал – он человек занятой, про него газеты пишут, радио бормочет и старушки клекочут на углах. Так что живее, живее, трудяги, живее!...

Секунд пять-шесть группа смотрела на меня и не двигалась. Вздохнув, я первым зашагал в коридор, по привычке разминая плечи перед работой. Но тут вспомнил, что ничего не собирался там делать и разминаться прекратил, бросив все силы на

усмирение внутренних сурверских демонов, что сразу же принялись укоризненно шептать в мозгу: «Все будут работать – а ты отдыхать? Разве так поступает истинный сурвер?».

- Да буду отдыхать – едва слышно пробормотал я, останавливаясь у дышащего холодом решетчатого люка, запертого на цепь с замком.

Замок то был запер, но нарушая все правила, в его скважине торчал ключ с оранжевой пластиковой головкой. Похоже, тому парню в желтом комбинезоне почти удалось довести работяг до люка, он даже убедил их спуститься, но стоило ему начать отпирать замок и сурверы резко передумали, потянувшись обратно в зал. Присев на корточки, я щелкнул замком, рывком поднял тяжелую решетку, скривившись, когда заживающие ребра отдались болью, включил фонарь, вгляделся в затянутую льющей с края люка капелью холодную влажную темноту и опустил ногу на первую железную скобу.

- И ведь не боится – завороженно прошептал кто-то там за моей спиной – Настоящий сурвер как не погляди…

Я не отреагировал, предпочтя сосредоточиться на том, чтобы нога не соскользнула со скобы – падать тут высоковато…

**

Внутренних демонов я усмирил и палец о палец не ударил за все время смены – а она продлилась не шесть часов, а четыре. Боящиеся несмотря на мое присутствие работяги трудились изо всех сил, с решимостью смертников скребя стены, пол и потолок, сдирая с железобетона покрывающую его полупрозрачную чуть маслянистую и липкую пленку, предвестницу прочих наслоений, если не принять меры. Они работали, а я медленно ходил из одного конца коридора в другой – он тянулся на двадцать пять метров, так что слишком часто разворачиваться не пришлось. Каждый раз я доходил до одного из запертых на замок люков, убеждался, что он запер и шел обратно – до второго люка. А мы сюда попали через третий потолочный и находящийся по центру. И раз за разом я лишь вздыхал, замечая, что почти все из трудящихся сурверов нервно вздрагивают, когда я равняюсь с ведущими наверх скобами. Хотел объяснить, что никуда уходить не собираюсь, но что-то внутри остановило меня от траты слов и я просто продолжил свой безмолвный патруль.

Голова была занята мыслями о таких вот коротких и странных коридорах, расположенных друг на другом и уходящих вглубь неизвестно насколько – понятно, что кому-то это хорошо известно, но информация закрыта для общего доступа. Я лишь знал, что такие вот коридорные «отрезки» с решетчатыми люками являлись частью некой каскадной системы сброса воды и вряд ли

когда-либо применялись. В Хуракане планировалось куда больше, чем было реализовано – попросту не успели. Наступил ядерный апокалипсис, и все рванули задраивать двери…

Слоняться на ноющих ногах мне надоело часа через три с небольшим, когда работа уже подходила к концу. Вытащив отвертку, я из чистой скуки принялся за привычное дело – отвинчивание крепежных винтов в узких квадратных решетках высоко в стенах, для чего мне приходилось вставать на цыпочки. Держался я в стороне – за решетками располагались выходы сливных труб и в самом начале своей грязной карьеры я успел получить в лицо пару вонючих плюх чьим-то говном и один режущий удар, когда из трубы прилетело острое стекло, воткнувшееся в щеку. С тех пор я стал гораздо умнее и предпочитаю подставлять под удар противоположную стену, а не собственную харю.

Судя по влажным, но не мокрым сливным камерам за стенными решетками, где порой сходились непонятно откуда идущие две, а то и три трубы, ими не пользовались уже давно. Влага приходила извне. Тут было чисто и пусто, на бетоне и металле следы усердного скребка. Я проверил одну решетку, вторую, потом третью – и на ней «споткнулся», когда кое-что заметил и, ухватившись за кромку отверстия, приподнялся выше, заскреб кедами по стене, вызвав укоризненный возглас только что очистившего ее мужичка, посветил в горловину одной трубы, потом в другую и с плеском приземлился на пол. Вытянув руку, взял у горестно вздыхающего работяги щетку с жесткой металлической и содрал со стены следы своих отпечатков. Вернув инструмент, я оставил решетку открытой и продолжил ходить туда-сюда.

- Ты забыл закрутить винты – нервно заметил один из еще молодых мужчин где-то через четверть часа – А вдруг оттуда что-то… вылезет…

- Для того труба и сделана – буркнул я – И ничего я не забыл. Так надо.

Тот сник, но ему на помощь пришла высокая крепкая женщина и судя по лицам они были близкими родственниками. Брат и сестра?

- Может все же завинтить, а когда понадобится – открыть? Во всем должен быть порядок.

- Там трубы диаметром в десять сантиметров – вздохнул я и показал пальцами размер – Что оттуда вылезет?

- Ну мало ли…

- Вылезет откуда? – в покрывающую пол воду спрыгнул сначала парень в желтом комбинезоне, а следом за ним куда

медленнее спустился грузный мужчина в белом комбинезоне, желтых сапогах и старомодной строительной каске с фонарем. Его я знал по последнему разу, когда здесь все завертелось с той тварью. Вроде как он один из здешних дежурных бригадиров.

- Да вон открыл он решетку, а закрывать не хочет! – тут же заложил меня мужичок, смещаясь за плечо куда более высокой то ли сестры, то ли подруги – А ведь должен быть порядок!

- А открыл-то зачем? – окинув быстрым взглядом все стенные створы, бригадир взглянул на меня – взглянул без агрессии, но с молчаливым требованием ответа.

- От скуки – просто ответил я, даже не пытаясь скрыть, что не прикасался к скребкам, щеткам и швабрам.

- Ладно. Предположим. А не закрываешь почему?

- Плесень в трубе – коротко произнес я – Серо-желтая.

Мы чистильщики называли ее «желтянкой» и ничего особенного в ней не было. Наткнуться на такую в коробе или сливе – обычное дело. Легко поддается уборке, не жжет кожу, как некоторые виды.

- Быть не может! – отрезал подогнавший мне эту работу парень, глядя на меня с неодобрением – Тут недавно генералила весь коридор бригада моей тети, а она свое дело знает! Нет там плесени! Ты ошибся, сурвер!

В недавнем прошлом я бы уже стушевался под таким нажимом и, пожав плечами, побрел завинчивать решетку обратно, но сейчас остался к наезду почти равнодушен и лишь улыбнулся:

- Ты сказал – скоро проверка. Я нашел плесень в трубах. Тебе бы радоваться и благодарить меня. А ты наезжаешь.

- Так нету ее там!

- Есть – спокойно возразил я – И уже давно.

Серо-желтая плесень повсеместна. Борись с ней, не борись – она все равно рано или поздно появляется. Особенно часто появляется там, где подолгу никого нет и разрастается там целыми ворсистыми коврами. Здесь плесени всего ничего, но если сюда спустится высокая проверка и найдет этакое, то будут только рады щедрой рукой влепить роду Якобс штрафы и предупреждения. Бригадир в белом это понимал и зашагал к открытому створу. Парень в желтом все еще не сдавался:

- А я говорю - стоки проверены! Я сам с фонариком прошелся, когда работу принимал! Чисто там!

Дебил сам себе выписывает штраф к зарплате…

- И смотреть там нечего! – крикнул он вслед бригадиру.

Тот его словно и не услышал. Подошел, сделал фонарь на каске ярче, вывел на максимум светильник в руке, точно так же как и я, скрипнув сапогами, поднялся на носки, повел двойным

лучом, вглядываясь и тут же опустился в исходное положение. По тому как тяжело он зашагал обратно, демонстративно не глядя на парня в желтом, всем стало ясно, что плесень он нашел.

- Вычистить! Прямо сейчас! – прошипел старший бригадир, берясь за скобу лестницы – Проверить трижды! Бригадира той группы – утром ко мне!

Когда он поднялся, растерявший свою веселость парень, зло топнув ногой и хлопнув в ладоши, пытаясь не орать в голос, сдавленно спросил:

- А чисто мне ты это сказать не мог? Представление надо было устроить?

- А зачем ты старшего сюда спустил? – спросил я в ответ – Сам не мог спуститься?

- Холисурв! – рыкнул тот – Если он сам захотел сапоги испачкать – как я его остановлю?

- Просто исправь проблему. Тут работы на пару часов самое большее. Извинись перед старшим. Накажи виновную бригаду.

- Тетка там моя рулит… чтоб ее!

Пожав плечами, я потянулся к лестнице, и он тут же вцепился мне в рукав:

- Так помоги исправить. С меня десятка.

Я покачал головой:

- Не. Не спал почти сутки.

- Так заработай прямо сейчас пятнашку – и иди себе спать. Пятнадцать динеро за два часа. А ты может и раньше справишься.

- Мне нужен еще один человек минимум.

- Найдем! – он снова заулыбался – Ты просто ткни пальцем в любого из этих, а я помогу ему сделать правильный выбор. Только давай быстрей, сурвер – мне еще старшего догнать надо и хорошенько лизнуть ему промеж ты сам знаешь чего.

- Без разницы – ответил я, отпуская скобу и поворачиваясь к осточертевшему за эти часы коридору – Главное, чтобы таскал табуретку и подавал инструменты.

- Договорились! Ты уж выручи, а еще и сэндвичей добавлю!

- Три порции рыбной соломки – сказал я, натягивая перчатки – Вкусная она.

- Да без проблем – ты главное сделай все как надо…

В результате домой я попал уже утром и едва волочил ноги. Нападни сейчас на меня кто и я даже сопротивляться не стану. Голова легкая-легкая, почти невесомая, в ушах шумит фантомное море, на языке горечь, в глазах по ведру песка, а пятки залиты свинцом. Закрыв дверь, я кое-как разделся, дотащился до койки и упал на нее лицом вниз.

Надо отдохнуть…

Глава 4

Глава четвертая.

После тех долгих и денежных суток без сна и отдыха, я проспал меньше восьми часов и проснулся пусть и с серьезной болью в ногах, но зато бодрый и жаждущий еды, воды и чтения. Эти базовые человеческие потребности я и удовлетворял следующие полдня, а вечером вышел на беговую дорожку Манежа и несколько часов ходил по кругу, изредка перебрасываясь парой слов с бессменной чернокожей продавщицей воды и сэндвичей. В тот день на беговых дорожках было немало народу, некоторые пришли размяться целыми семьями. На самой «медленной» дорожке длинной цепочкой пыхтели гости из дома Вечной Заботы, как назывался наш дом престарелых для одиноких сурверов. Вообще надо признать, семьи у нас крепкие и просто так никто старика не прогонит. Но семьи сложились не у всех, а по статистике семейных с каждым годом все меньше, что позволяет остальным заводить не одного, а двух детей.

Следом за старательно бредущими старичками, на небольшом отдалении, двигалась пятерка удивительно жилистых стариков в черных шортах и белых майках – и двигались они на всех четверых конечностях, почти ползя по дорожке. Помнится мне название у этого упражнения какое-то рептильное и ведет свои корни от первого поколения. Мне вдруг сильно захотелось попробовать самому, но народу было слишком много, и я просто продолжил шагать, стараясь не привлекать к себе внимания.

Посетив общественную уборную – туда я зачастил – вернулся домой, обтерся намоченным полотенцем и опять провалился в чтение, грызя солидный и скучноватый мощный труд полузабытого сурверского автора, умершего лет двести назад. Устав, отключился на пятичасовой сон, проснувшись посреди ночи и сразу же отправившись на долгую изнурительную пробежку. Манеж был пуст. И радуясь этому, я то бежал изо всех сил, то переходил на трусцу или на шаг и так круг за кругом – а круги я не считал и на время не глядел. Я просто двигался до тех пор, пока мое тело подчинялось. А когда уже не смог сделать ни шагу, то упал и долго лежал, глядя в потолок, хватая пересохшим горлом воздух и колотя кулаком по сведенному судорогой левому бедру. Немного отойдя, с трудом поднялся и побрел в Чистую Душу, по пути заглянув в комнату и захватив чистый комплект одежды. Затем еда, несколько часов сна и снова чтение, пока в дверь не постучали…

Не став медлить, ВНЭКС снова показала всем бодрый темп

развития, прислав ко мне того же курьера через два дня после его последнего визита. На этот раз он доставил мне приглашение на сегодняшний вечер. А приглашали на то самое мероприятие по случаю открытия нового офиса партии ВНЭКС на козырном перекрестке шестого уровня. Инверто Босуэлл доказал не только словом, но и делом, что его планам свойственно реализоваться в назначенное время и указанным способом. Значит, ту речь обо мне, молодом честном сурвере, что никогда не будет произнесена публично, он уже озвучил, где надо и, как и ожидал, получил нужные ему уступки и поблажки. И теперь он громко праздновал победу…

Во мне сразу зашевелились всякие опасения и измышления, поднялось раздражение, захотелось избавиться от приглашения и забыть об этой ерунде. Я все же занялся подготовкой – времени было в обрез – но продолжал сопротивляться…

«Не пойду я туда» - это была первая и уже традиционная мысль, прозвучавшая в черепе глухим и слегка задушенным голосом.

«Еще как пойду!» - а это уже не мысль, а озвученное мной твердое мысленное решение, благо я уже подготовился на всякий случай – постирал и погладил относительно приличную одежду.

«Ну зачем мне туда идти? Он меня просто использовал. И там я буду как кукла тупая. Все станут глядеть, задавать гребаные вопросы… Зачем это все? Выгоды ноль» - я продолжал отчаянный самосаботаж, одновременно парируя самому себе холодными и спокойными аргументами:

«Выгода есть. Там наверняка будет еда. Вода. Напитки всякие. Обычно на таких встречах всегда раздают пакеты с подарками».

«Да я уже нормально заработал. А если что – рыбные садки всегда рядом и работа там не кончится никогда».

«Фото с родителями» - последний довод заткнул мой мысленный фонтан наглухо, а взгляд прилип к стоящей на столе старой фотографии.

Я пойду на эту встречу. Обязательно пойду. Но не стану отвечать на вопросы других – я сам буду задавать вопросы тем, кто знает ответы.

Некогда белая, а теперь скорее серая футболка, сверху ветхая, но неплохо выглядящая синяя рубашка, потертые чистые брюки, легкая небритость, стрижка налысо и едва заметный цитрусовый аромат одеколона «Праздничный сурвер» - у меня оставались остатки еще с тех времен, когда я наивный считал, что буду ходить на свидания с красивыми девушками. В таком вот виде, рассовав по карманам несколько монет и сурвпад, я отправился на мероприятие ВНЭКС. Уже выйдя и пройдя десяток шагов,

чертыхнулся и вернулся обратно – забыл партийный билет. Вдруг без него не выдают подарки и еду. Вешать его на нагрудный карман рубашки я не стал, не собираясь никому и ничего демонстрировать.

**

ВНЭКС заняло помещения, некогда принадлежащие небольшому залу детских развлечений «Лучик Веселья». Еще во времена моего детства тут стояли древние, но функционирующие игровые автоматы, батуты, стены скалолазов, а по углам валялись подушки с неистребимыми следами пролитых напитков, вытертых соплей и выкашлянной блевоты. Еще тут плавал запах хотдогов и газированной воды с сиропом. После того как зал прикрыли, тут пару раз что-то появлялось, но держалось недолго и двери снова закрывались. Мы, пожалуй – чистильщики – единственные, кто наведывался сюда регулярно, чтобы проверить вентиляцию и туалеты. И я даже знал, где находится личный сортир Босуэлла – он наверняка занял кабинет управляющего залом.

Двери были распахнуты, вокруг них изогнулась вырезанная из раскрашенной конвеерной ленты праздничная арка, изображающая красные и серые воздушные шары. По полу тянулась красная резиновая дорожка. После празднования, фальшивые воздушные шары и «ковровая дорожка» будут вымыты, сложены и убраны на склад, чтобы впоследствии служить еще много-много раз. Да выглядит дешево – но одновременно это прекрасная демонстрация сурверского духа, отрицающего потакание бездумной расточительности и ненужной роскоши. Мы сурверы. И мы прекрасно умеем играть в дешево, сердито и вечно. Это одна из наших любимых игр, что никогда не приедается.

Большой зал был полон празднично одетого народу. Раз уж бесплатно угощают – чего бы и не зайти, верно?

Это позволило мне остаться незамеченным среди колышущейся массы и спокойно войти внутри. Там я ненадолго растерялся, приткнувшись у стенки среди жующей массы и некоторое время оглядываясь. Определив источник съестных благ – три составленных стола в центре зала – добрался туда и ухватил пару завернутых в плотную шершавую бумагу рыбных бутербродов. Обертка служила и салфеткой, а после использования отправлялась в большой бак у входа – а оттуда на переработку. Бумагу мы производили сами и из производимого нами же сырья – чем патриархи безмерно гордились. Отходя от стола, я едва не столкнулся с Сержем Бугровым. Поспешно подавшись назад, он отвел взгляд и буркнул:

- Привет, Амос.

- Привет – кивнул я, в то время как в затылке снова запульсировала фантомная боль, породившая всплеск злобы и желание ударить.

Я шагнул прочь, считая диалог исчерпанным, но он, обогнув смеющуюся парочку в праздничных колпаках, догнал меня, потянулся рукой к плечу, но вовремя опомнился и, отдернув лапу, забубнил:

- Слушай, Амос… ты меня прости. Говорю же – я не такой. И вот, глянь сюда – он постучал себя по нагрудному карману зеленой рубашки, где помимо зеленой корочки партийного билета красовалась длинная красная полоса, обозначающая, что сурвер в чем-то сильно накосячил и сейчас находится на общественно полезных работах – Я отрабатываю! Тружусь в зооуголке каждый день – убираю за кошками и собаками, за канарейками и попугаями чищу, ежиков и дикобраза развлекаю. В общем… я не плохой человек, Амос. Просто в тот день так вот все воедино сошлось – проблемы в семье, на работе…

Я криво усмехнулся:

- И тут я навстречу…

- Да… ты просто попался под горячую руку, понимаешь.

Наклонившись к нему, я показал глазами на узнаваемого всеми одного из помощников Смотрящего, важного пузана с короткой стрижкой:

- А встреться тебе вот он в том коридоре и пошли тебя нахрен – ты бы пнул его в лицо, Серж?

Глянув на серьезного чиновника, Бугров опустил лицо и промолчал. Кивнув, я запихал бутерброд в рот целиком, пару раз жеванул и прочавкал, стараясь не терять вкусные крошки:

- Давай ты не знаешь меня, а я не знаю тебя?

- Давай – с облегчением вздохнул он и отступил, утонув в толкучке.

А я сцапал со стола еще один бутер и, обходя пахнущих алкогольным пуншем кучкующихся сурверов, дошел до почти пустого дальнего угла, где когда-то стояли автоматы с древними, но такими интересными компьютерными играми, приткнулся на выдающемся из стены кубе, что уже лет так триста успешно играл роль барного стула. Здесь я и просидел с перерывами больше двух часов, делая регулярные вылазки за бутербродами, водой и чаем со льдом. Четыре раза замученно улыбающиеся девушки с двуцветными лентами ВНЭКС на груди вручали мне пластиковые стаканы с пуншем и столько же раз я ставил их на первые попавшиеся уголки.

Вскоре я заполнился едой до краев и сидел на своем месте

удовлетворенный, слегка дремлющий и думающий о том, как бы поскорее и незаметнее отсюда свалить. Свое обещание я выполнил полностью – пришел, покрутился, исполнил минимальный долг члена партии. Никто не тыкал в меня пальцами, никто не требовал толкнуть какую-нибудь речь или просто поулыбаться на трибуне – а трибуна была и только что с нее слез долго и красиво говоривший Босуэлл, все это время ни раз ко мне не подошедший. В обиде я не был – с моего угла прекрасно было видно, как его буквально рвали на части группы собравшихся и как мастерски он всем уделял толику своего времени, делал по глотку из предложенных бокалов – не пластиковых, а хрустальных – и улыбался красиво одетым дамам. Последний факт меня удивил – никто, вот никто из уже неплохо так набравшихся алкогольного пуншей гостей не совал ему в руку стакан из толстого вечного пластика, никто не дергал его за руку, не орал в ухо, не шлепал ладонью по спине. С ним все вели себя максимально вежливо и уважительно. И вокруг него всегда оставалось достаточно большое пустое пространство, куда за все время пару раз вторгся лишь один человек – его ослепительно красивая и роскошно одетая супруга, бывшая королева школы, миссис Лейси Босуэлл, гордая мать двух юных сурверов и все такое прочее. В ее идеально уложенных волосах сверкали драгоценные украшения, на загорелой шее покачивалось белоснежное жемчужное колье, а ало-серое платье подчеркивало все достоинства подтянутой фигуры. В общем принцесса превратилась в королеву.

А я, глядя на то, как на ее темной загорелой коже резко выделяется белый жемчуг, думал о контрастах жизни. Еще позавчера я шлепал по лужам грязи в сточных коллекторах и вдыхал вонь гниения и плесени. А сейчас сижу тут на роскошном по моим меркам светском рауте и наблюдаю за важными фигурами, играющими не последнюю роль в нашем обществе. Жизнь удивительна, не так ли, сурвер?

Может и удивительна. А мне, пожалуй, пора топать домой – исходя из увиденного, здесь все затянется надолго, вскоре люди напьются и тогда скорее всего на моей шее попытается повиснуть кто-нибудь пьяный и наглый. Например, Серж Бугров, последние минут двадцать крутящийся вокруг и тайком поглядывающий на меня, а за ним хвостом мотается смутно знакомый мне парень. Вместе и подойдут. А попытаюсь уйти – начнут удерживать, возможно схватят за плечо. И вот тут я ударю – я осознал это, едва подумав о самой возможности конфликта или принуждения к беседе. Я ударю. И хорошо, что я не взял с собой отвертку – а я воспользуюсь ей без малейших колебаний, если моей головой

снова попытаются сыграть в футбол со стеной.

Надо уходить…

В этом я, чмошная крыса Амос, никогда не ошибался, всегда точно угадывая момент наилучшего отбытия.

Сползя с куба, я оставил стакан на его углу, зная, что персонал заберет и понес ком салфеток к баку, умело делая вид, что всего лишь хочу избавиться от мусора.

- Амадей Амос? – невысокая шатенка в слишком коротком платье серого цвета приветливо улыбнулась – Вечер добрый.

- Вечер…

- Добро пожаловать в ряды ВНЭКС.

- А-ага…

- Мистер Босуэлл приглашает вас в свой кабинет на пару слов. Конечно, если вы не заняты…

Оглянувшись, я понял, что Босуэлла нет в зале. Мне даже не пришлось искать его глазами, чтобы понять это – достаточно было взглянуть на потерявшую центр магнитного притяжения толпу, уже не притягиваемую к его источаемой силу фигуре. Волны движения почти исчезли, улыбки подувяли, люди обмякли и покачивались туда-сюда как говно в засорившемся коллекторе…

- Я не занят – ответил я.

Кивнув, она повела меня в нужном направлении, и я буквально затылком чувствовал какое количество взглядов нас сейчас провожает. Само собой все знали куда отлучился Инверто Босуэлл. И теперь видели, как туда ведут какого-то кое-как одетого сурвера. Думаю, многие бы хотели сейчас оказаться на моем месте.

Неожиданный и не слишком приятный сюрприз ожидал меня в узком коридорчике за закрывшимися дверями – повернувшись ко мне, переставшая столь уж приятно улыбаться невысокая шатенка мягким, но решительным голосом заявила:

- С собой никаких записывающих устройств. Есть сурвпад, диктофон или еще что?

Я чуть оторопело подтвердил:

- Сурвпад. Но я не собирался…

- Никто не собирается – отрезала она – И мне придется обыскать тебя.

- Да не проблема, но… - я не успел договорить, а я ее руки с удивительной умелостью уже обшаривали мои карманы, задирали футболку, ощупывали шею и поясницу. Она не забыла осмотреть штанины и проверить лодыжки, попросила разуться, осмотрела обувь и вернула. Все это время я беззвучно благодарил себя сразу за многое, как оказалось так вовремя сделанное: я был

чисто вымыт, подмышки пахли дешевым одеколоном, за поясом не торчала рукоять отвертки, а рот и ноги не воняли. Закончив, она отступила, а я дернулся следом и потянулся к зажатым в ее руках моим вещам:

- Не отдам.

- Все будет храниться у тебя на виду – там особый ящик у двери – пояснила она и уже чуть мягче добавила – Тут не на что сердиться, сурвер. Мистер Босуэлл человек важный.

- В первый раз мы с ним разговаривали без личного обыска и изъятий.

- Потому что разговор был для тебя сюрпризом, и ты не мог подготовиться. А позже ты всегда держал руки на виду. К тому же это штатная процедура для всех, кто проходит к нему в кабинет для деловых бесед. Может уже прекратишь быть обиженным ребенком, сурвер?

- Постараюсь – буркнул я и она открыла мне элегантную и явно только что поставленную светлую дверь с серебристой табличкой «Инверто Босуэлл».

Когда я вошел, то первое, что увидел, так это сверкающий лаком массивный деревянный стол и стоящие перед ним четыре удобные на вид деревянные же стулья. Сам хозяин кабинета сидел на точно таком же стуле за столом, откинувшись на спинку и расстегнув воротник рубашки. Галстук в красно-серую полоску скомканной лентой лежал у его левой руки, а в пальцах правой он покручивал полный до краев чем-то бесцветным большой стакан. За моей спиной звякнуло, лязгнуло, следом мягко стукнула дверь, и мы остались в его кабинете вдвоем.

- Как дела, Амос? – оторвав глаза от стакана, он с щелчком поставил его на полированную столешницу и ткнул пальцем так сильно, что полная до краев посудина опасно закачалась из стороны в сторону – Присаживайся, где тебе удобно. Выпьешь что-нибудь?

- Наелся и напился – ответил я – Спасибо. Я нужен для какой-то работы, мистер Босуэлл? Ты говорил о сдельно оплачиваемой подработке.

- А ты все о делах да о делах, сурвер – он хмыкнул и снова толкнул литровый стакан – Похвально. Но нет, пока что я позвал тебя не за этим.

- А зачем тогда?

- А вот как раз за этим – чтобы пообщаться с тем, кто вообще не желает находиться в моей компании. Ты, наверное, единственный сурвер среди всей пьющей там пунш толпы, кто не желал бы сейчас здесь находиться.

- Вы человек важный…

Он медленно кивнул, ведя пальцем по мокрой поверхности стакана сверху-вниз, пока не дошел до перечеркивающей бокал красной линии, где остановился.

- Стал важным – подтвердил Инверто без всякой рисовки и снова улыбнулся – Пытаешься понять, насколько я пьян? И хватит уже подбирать слова, сурвер. Будь собой. Мы ведь общались в ином ключе.

- Пытаюсь понять, насколько ты пьян – признался я, усаживаясь на стоящий ближе ко мне стул и только сейчас замечая, что пол устлан плотными плетенными циновками – Но пытаюсь чисто из интереса.

- Вот теперь молодец, Амос. А насчет пьян я или нет – нечто среднее. Политики никогда не бывают трезвыми и никогда не бывают пьяными. Всегда нечто среднее. И настоящие политики всегда отдают себе отчет в действиях, всегда осторожны и всегда знают ту границу эмоций, дойдя до которой им следует отступить и побыть наедине с собой – его палец снова дошел до красной линии на старом пластиковом стакане и снова не пересек ее – Понимаешь о чем я?

- Ну… ты исчез с мероприятия сделав это довольно незаметно. Что-то случилось?

- Нет – он покачал головой – Это выработанная годами практики привычка. А полезными привычками пренебрегать нельзя. Есть неписанные правила поведения на таких вот тусовках. Правила для тех, кто хочет стать кем-то весомым. Ну а те, кто просто пришел нажраться, напиться и потанцевать… тех эти правила не касаются.

- И что это за правила?

- О, они простые. Если вдруг почувствовал себя перепившим – сразу уходи, не позволяй себя задержать, после чего вычисти желудок с помощью засунутых в глотку трех пальцев – он взглянул на узкую дверь в стене и тихо рассмеялся – Помнишь про личный сортир?

Я подтвердил кивком:

- Цена моей истории.

- Верно. Вычисти желудок, выпей воды и подожди, пока не начнешь стопроцентно себя контролировать и только затем возвращайся к публике, где ты должен быть всегда весел, радушен и вежлив.

- А если я не пью алкоголь?

- Ты не можешь не пить в политике. Но правила универсальны. Предположим, ты проводишь время на тусовке, не пьешь спиртное ведь тебе и так хорошо и вдруг почувствовал себя на вершине, тебя переполняет удовольствие от общения и

веселья… в этот момент ты должен попрощаться и уйти. Даже если не хочешь – ты должен себя заставить и уйти. Это же правило касается и негативных эмоций. В исключения попадают лишь собственная свадьба или чьи-то похороны – там придется остаться до конца.

- А кого-то может переполнять счастье и радость на похоронах?

Он снова тихо рассмеялся и удивленно покачал головой:

- Мальчишка… без обид, Амос. Но ты просто начитанный мальчишка…

- К-хм… Про негатив еще понятно, а причем тут удовольствие? Ради него ведь на тусовки и ходят.

- Обычные люди – да. Политики – никогда. Любое мероприятие может оказаться губительным для репутации, если что-то пойдет не так. Поэтому нельзя забывать правила и нельзя никуда ходить без верных помощников, способных уберечь тебя и твою репутацию.

- Или помощниц – я кивнул на входную дверь.

Словам Босуэлла я не удивлялся. Не знаю как там в старом умершем мире, но в Хуракане твоя репутация – главный твой капитал. Именно от нее будет зависеть твой конечный успех, твоя карьера – особенно, если решил развиваться в социальных кластерах. В нашем замкнутом мелком мирке никогда не забудут ни об одном твоем проступке – даже самом ничтожном. Мы знакомимся с понятием «Аура» еще в раннем детстве, лет с четырех, и учимся жить так, чтобы не посадить на нее ни пятнышка. Мне как чистильщику в целом плевать на свою репутацию, контракт на грязную работу я получу так и так, а вот такие люди как Босуэлл… для них репутация является критично важным активом.

Одно не пойму – зачем он мне это рассказывает. Мне интересно, люблю познавать и слишком долго был лишен радости бескрайнего познания, поэтому сейчас и наверстываю безлимитным чтением, но в чем подвох этой беседы?

Я спросил прямо. И получил простой ответ:

- Нет никакого подвоха. Просто хотел поговорить с тобой.

- Почему именно со мной?

- Потому что ты – незнакомец, Амос. И уже это достаточно удивительно. Видишь шкаф за моей спиной – он указал большим пальцем через плечо.

- Вижу – я взглянул на старомодный шкаф для бумаг. Дверцы закрыты, висит кодовый замок.

- Там моя личная картотека. Я годами знакомился с людьми, интересовался их жизнью, их семьями, а потом выписывал все на

бумажные карточки и сортировал. И нет, не для шантажа – в моих бумагах нет ничего постыдного. Просто политик работает с людьми, а значит, должен знать о них как можно больше.

- Там есть и моя карточка? – я спросил с искренним интересом.

- Теперь есть. Но появилась она там совсем недавно – после всего случившегося с тобой и череды громких инцидентов. Хотя ты немного не понял – у меня нет карточки на каждого сурвера Хуракана. Во всяком случае пока. И слышал я не о каждом, однако тех, кого не знаю я лично, знает мое окружение. О тебе оно не подозревало…

- Я тихий сурвер.

- Это уж точно… Знаешь, в чем беда? У нас нет незнакомцев. Вообще нет. Даже не зная его лично, ты почти наверняка видел его раз сто за свою жизнь, а может даже слышал его имя и пару грустных или скабрезных историй о нем или его семье. Но ты, Амос… ты для меня оказался незнакомцем. Не сработало даже культивируемое мной правило двух рукопожатий – в нашем крохотном мирке это тот минимум, что позволит политику удержаться на плаву в сложные времена. Но тебя не знал никто… Кого не спроси, все начинали недоуменно морщить лоб – Амос? Какой еще Амадей Амос?

- Я этому только рад – признался я.

- А я не рад. Я люблю знать тех, с кем имею дело. Поэтому я тебя и позвал, Амос. Пока я медленно отхожу от красной черты опьянения и удовольствия – его указательным палец с идеальным маникюром снова пополз вниз по стакану – Мы пообщаемся, узнаем друг друга получше. Потом ты наверняка у меня что-то попросишь – не смущайся, так все делают – а я постараюсь помочь.

- Да я не собирался ничего про… - тут я осекся, поняв, что все же собирался.

Мне нужно получить информацию о том фото и о своих родителях. У меня был еще один способ узнать нужное, но встречаться с отцом лично я пока желанием не горел. А может трусил…

Пожав плечами, я спросил первое, что пришло в голову:

- Можно взглянуть на мою карточку в твоей картотеке?

- Конечно же нельзя – он откровенно наслаждался отказом.

- Там ведь нет ничего криминального.

- Зато там есть мои мысли о тебе, как и о каждом на кого имеется карточка.

- А зачем ты рассказываешь всем о картотеке?

- Потому что стоит им узнать – и они тут же начинают вести

себя куда сдержаннее и приятней, что всегда облегчает ведение моих дел. Полагаю, они начинают считать мою картотеку неким аналогом Ауры и не хотят ее пачкать.

- И вот мы тут беседуем, потом я уйду, и ты сразу же достанешь мою карточку и сделаешь на ней пару новых пометок?

- Если узнал что-то важное – да, конечно. И перед тем, как начать беседу я обязательно пробегусь глазами по его карточке. К слову – сегодня я уже читал свои записи о тебе. И подготовился, зная, что кое-что ты у меня обязательно попросишь – наклонившись, он громыхнул ящиком стала, вытащил пухлую картонную папку, опустил на столешницу и с силой толкнул ко мне лови – Ты ведь хотел узнать о прошлом твоих родителей, когда они состояли во ВНЭКС?

Папку я поймал, с силой прижал к столу и только потом медленно кивнул. Тут он полностью предугадал мой запрос – впрочем, вряд ли это было сложно после того, как он сам и послал мне фото. Прищурившись, оценив выражение моего лица, Инверто усмехнулся и кивнул:

- Ловля на живца. Я был уверен, что ты придешь.

Опустив глаза, я взглянул на обложку.

«Архив ВНЭКС. Шестой уровень. Подразделение Фольк. Том I».

- И это будет твой первой оплачиваемой работой, Амос. Забери эту папку, а моя помощница даст тебе рюкзак с еще тремя и допотопным, на работающим портативным сканером. Оцифруй данные и перенеси в накопители своего сурвпада, после чего доставь моему секретарю вместе с оригиналами. Я не люблю бардака, а здешний архив… это нечто кошмарное. Чулан с гниющей макулатурой. Пусть подразделения Фольк больше не существует, но так оставлять это нельзя. Займись этой порцией, а как прожуешь – приходи за следующей.

- Спасибо – произнес я, бережно держа папку.

- Тебе придется подписать соглашение о неразглашении. Данные не секретные, но это внутренние документы ВНЭКС и обращаться с ними ты должен соответственно.

- Их не увидит никто кроме меня. Почему подразделение Фольк перестало существовать?

- Оно было расформировано после того, как там что-то произошло. Деталей я не знаю – но надеюсь, что ты прольешь свет на архивы.

- Я пролью – пообещал я, вставая – Спасибо за доверие, мистер Босуэлл.

- За разумную дозу доверия – поправил он меня и снова постучал по литровому пластиковому стакану – Видишь эту

красную черту, отмерившую нижнюю четверть?

- Вижу.

- Знаешь что это?

- Стакан – наследие прежних времен. А красная черта – разумная мера сурвера. Черту провели уже мы – сурверы Хуракана.

- Верно – он удовлетворенно откинулся на спинку стула – Значит, знаешь историю этих стаканов и слышал о кампании, призывающих их уничтожить? История смешная, мелкая, но поучительная.

- Не слышал о такой истории.

- Эти литровые многоразовые бадьи попали к нам в последний день перед закрытием Хуракана. Кто-то из тех, кто до последнего момента стаскивал к шлюзам все, что попадалось под руку, перехватил беспилотный грузовик и пригнал его сюда. Изначально грузовик направлялся от склада автоматической гига-фабрики ВестПик в заказавшую стаканы забегаловку быстрого питания в городке рядом с главным входом в Хуракан. Вместе со стаканами там были и отпечатанные пластиковые меню – список блюд надо сказать простенький, все же самый конец так называемой Эры Заката. У меня есть одно такое меню. Коллекционный предмет. И там указано, что литр переслащенной шипучки стоил в четыре раза дешевле, чем поллитра питьевой воды, а если ты заказывал детское комбо, то получал такую бадью бесплатно. Представляешь? – он удивленно покачал головой – Это уже не изобилие… В любом случае сурверы были рады получить больше тысячи крепких пластиковых посудин. Одна проблема – те, кто начинал из них пить, с каждым разом наливали все больше и больше. Больше чая или кофе, больше воды, больше алкогольного пунша – риска поднималась и поднималась, сурверы пили все больше и больше. Их тянуло наполнять до самых краев, что превращало их в людей старого мира – в тех, кто не знал меры ни в чем, кто вечно брал больше, чем мог потребить. А это недопустимо. Вот тогда и было принято решение напомнить сурверам о том, что всегда должна существовать разумная мера – он постучал пальцем по опоясывающей низ стакана красной линии – Вот это напоминание. Разумная мера во всем – кредо сурвера. Вечеринки, пьянки, удовольствие, ненависть, сладкая шипучка, закадычная беседа или алкогольный пунш – во всем должна быть разумная мера, сурвер. В том числе и в доверии. Понимаешь?

- Понимаю.

- И по этой же причине не на публике я пью из потасканного жизнью исцарапанного пластикового стакана с красной линией.

Ты понял для чего?

- Чтобы напоминать себе о разумной мере в питье?

- И в доверии. Красная линия, сурвер, красная линия, которую никогда и ни в чем нельзя переступать.

- Я понял – повторил я.

- Ну теперь твоя очередь.

- Очередь в чем?

- Должен же я узнать тебя получше, сурвер. Что нового в жизни?

Я пожал плечами и снова опустился на стул:

- Да ничего. Пробежка, сон, работа.

- Работа?

- Отпахал ночь в рыбных садках Якобс. Вряд ли это интересно…

- Почему же? Расскажи, как прошла твоя смена, Амос. Только рассказывай, как есть. Сколько заплатили? Кем работал? Был там кто-нибудь из рода Якобс?

Удивленно хмыкнув, я старательно вспомнил все, что происходило той ночью на территории Якобс – а не происходило ничего – и рассказал, как есть, добавив подробностей, описав тех, с кем работал и с кем возник небольшой конфликт. Дождавшись, когда я закончу, Инверто Босуэлл поморщился и покачал головой:

- Это ты зря, Амос.

- Зря указал на плесень в трубе?

- Тут ты поступил правильно. Я говорю о твоей оплате.

- Мне заплатили очень неплохо, а я при этом палец о палец не ударил.

- Речь не о количестве динеро. Ты согласился на оплату сэндвичами – вот в чем проблема. Так низко себя ценишь?

- Заплатили мне в динеро. А сэндвичи шли бонусом.

- Если дают бонус – то в следующий раз пусть он тоже будет деньгами – сказал Босуэлл – Причем всегда. Скажи, Амос, а если работяги после смены, получив уговоренную оплату, по пути на выход цепляют несколько сэндвичей с того стола – на них наорут? Еду заберут? Еще и по шее дадут?

- Нет, конечно. Род Якобс всегда старается накормить работяг – машинально ответил я и тут наконец-то понял…

- Тебя пусть не купили, но дожали и так уже твоими сэндвичами, Амос – рассмеялся Босуэлл – Всегда бери деньгами! А если берешь вещью – то только той, что тебе действительно нужна и которую не сможешь получить иным способом. Если захочешь сэндвичей – иди купи на заработанные деньги и съешь все сидя в красивом кафе, а не над ямой с рыбьим дерьмом. Сначала тебя покупают деньгами и сэндвичами, потом

предлагают меньше денег, но больше дешевой жратвы, а потом уже предлагают поработать только за еду и глоток спиртного. А почему так происходит?

- Ну…

- Потому что ты позволяешь им изменить свое мышление. А еще даешь им подправить к худшему свою самооценку, сурвер – рассмеялся Босуэлл – Всегда бери деньгами. А дальше уже сам решишь, как с ними поступить. Кстати, по моим расчетам у нас останется куча еды и литров сорок пунша – могу я заплатить ими тебе за работу по оцифровке данных?

- Смешно…

- Так я могу?

- Возьму деньгами – буркнул я – По стандартной ставке, если такая есть.

- Есть – кивнул Инверто – Молодец, Амос. Схватываешь на лету. А мне уже пора - потянувшись, он схватил галстук и легко поднялся – Пора проведать как там наша праздничная вечеринка. Скоро увидимся, сурвер?

- Скоро увидимся – кивнул я, пожимая протянутую ладонь – И еще раз спасибо.

Глава 5

Глава пятая.

Почти не помню, как я добрался до дома, но это заняло вдвое меньше времени, чем обычно. Войдя, я разложил папки на столе, аккуратно разместил у стены дорогой сканер, выглядящий тонким длинным бруском с желтой надписью «СМ Спарта-1» - производство СурвМаунтинс, а эта корпорация всегда отличалась склонностью давать броские громкие названия. Оценив запасы воды и еды, я наведался в тот солидный магазинчик, где приобрел рыбной соломки, сразу же заработав первый бонус, а заодно купил сухарей, воды и подсоленные водорослевые крекеры. Заперев дверь, я переоделся в домашнюю рванину, уселся за стол и пододвинул к себе папку с заголовком «Архив ВНЭКС. Шестой уровень. Подразделение Фольк. Том I». Папка была завязана на веревочные тесемки и вдобавок опечатана наклеенной и подписанной полоской бумаги. Развязав первое и разрезав второе, я откинул крышку папки, раскрыл боковины и погрузился в чтение верхнего документа. К сканеру я даже не прикоснулся – сейчас мне плевать на цифровизацию и порученную работу.

Я читал без остановки больше часа, после чего двадцать минут сканировал страницы, быстро разобравшись с устройством. Потом еще два часа увлеченного чтения, работа со сканером, укладка документов обратно, быстрое переодевание и вот я уже шагаю по одной из беговых дорожек Манежа, ускоряясь с каждым шагом. Вскоре я уже бежал и довольно быстро, обгоняя редких полуночных гуляк и не реагируя, если меня пьяно окликали и предлагали хлебнуть. Изредка я пробегал через зыбкие облачка дыма запретной тасманки, тянущиеся из боковых темных коридоров. Еще в одном месте ноздри уловили запах сжигаемого дерьма, а в ушах зазвучали заунывные скорбные голоса – значит, кто-то из живущих рядом скончался и по нему проходит полуночный погребальный ритуал с песнями и воскуриванием экскрементов умершего. Задержав дыхание, я сместился на другую дорожку и побежал дальше, продолжая думать о своем. Устав, приобрел воды и пару бутеров, после чего вернулся и как был потный и грязный снова занялся перелистыванием страниц и машинальным пережевыванием пищи. Потихоньку история оживала…

ВНЭКС уже приходил на наш уровень и пытался здесь обосноваться. Учитывая свою немалую по нашим меркам радикальность, партия делала упор на всегда готовую принять

участие в чем угодно еще не набравшуюся мудрости молодежь и на недовольное внутренней политикой убежища поколение постарше. Такие всегда найдутся. Это не я додумал – это написано на первой же подшитой странице в выданной мне папке. Что-то вроде неофициальной рекомендательной записки от руководства партии к тем, кто должен был набирать рекрутов на нашем этаже. Там же, отдельным абзацем, предлагалось навестить библиотеки, наладить плотные дружественные связи с их работниками и через них получить сведения о читателях, предпочитающих условно бунтарскую литературу – книги о путешествиях по древнему миру, романы о мятежах, о войнах, о жажде свободы и в том числе о тех, кто спрашивает запрещенные книги. Надо же – я и предположить не мог, что в Хуракане есть списки запрещенной литературы… Зато теперь мне ясно почему от меня потребовали расписку о неразглашении.

И еще я понял, что эта работа что-то вроде небольшого теста – Босуэлл хочет посмотреть, как я поступлю.

Или я надумываю и всем плевать на содержимое этого пыльного бумажного кирпича, давно просящегося на переработку…

Кто бы не вел архивы – он свое дело знал. В папку была подшита каждая бумажка, каждая писулька и даже крохотные квадратики заметок, пронумерованные и сложенные в бумажный конвертик с поясняющим перечнем. Поэтому вся картина была цельной, можно было проследить за делами ВНЭКС буквально по неделям. Сначала к ним присоединились всего три сурвера, внесших членскую плату и вписавших свои имена и возраст в приемном списке. Старик семидесяти двух лет, и две девушки одногодки – им было по девятнадцать лет. Одной из них была моя мама и из второго пухлого конверта, среди прочих, выпал квадратик ее фотографии – склонившая голову набок, смущенно улыбающаяся, очень красивая. Фото я забрал и возвращать не собирался. Среди этих конфетти с лицами я отыскал фото отца – серьезный, лобастый как я, с мрачным взглядом, едва заметно улыбающийся. Раньше я так не считал, но теперь понял, что внешне мы очень похожи. На фото он совсем не был похож на того будущего изверга, что превратил нашу жизнь в ад…

Так вот страница за страницей передо мной раскрывалась история действий ВНЭКС на шестом уровне. Первая половина папки была посвящена зубодробительно скучной рутине – сходки, обсуждения, общий просмотр фильмов, клуб чтения и список одобренных для него книг, их обсуждение, раздача мелких призов – мама трижды заняла первое место в соревновании по лучшему эссе. Пришли новенькие, несколько старичков ушли,

разочаровавшись во все же достаточно сдержанной политике партии. Не будь я лично заинтересован – не сумел бы продраться сквозь эту пресную и сухую муть отчетности. А так читал с интересом, а затем наконец-то началось самое интересное – на общем голосовании, двадцатью голосами за и семью против, было создано подразделение Фольк.

Возглавил его пятидесяти трехлетний сурвер Гилдерой Уэйч. Главная причина создания подразделения была описаны точно и ёмко: проверка собранных отовсюду сведений, касающихся законсервированных или только возможно существующих помещений и коридоров на территории шестого уровня убежища Хуракан, равно как и физический поиск оных. Это была причина и одновременно задача номер один. Дальше следовали уточнения, что все должно быть в рамках наших правил и законов, с предварительным уведомлением и получением разрешения от профильных служб. Все члены подразделения должны были быть абсолютно здоровы – с предъявлением медицинских справок. И главное, они все должны были соответствовать норме физической подготовки С1, минимум пятеро из них обязаны были соответствовать норме С2 и еще трое назначались спасателями и следовательно их минимум это С3. Дальше шел список членов подразделения и, само собой, помимо его главы Гилдероя Уэйча, я нашел там имена своих будущих родителей, а в скобках было отмечено их соответствие нормам. У мамы была скромная С1. У отца… нихрена себе… С3.

«С» - это сурверская. А цифры означали ее уровень – чем выше, тем круче, но соответственно и сложнее. Эти нормы в Хуракан ввел Россогор, но в его время они назывались иначе – ГТО. Она влияла раньше и влияют сейчас на карьеру жителей убежища – мы все же сурверы, а значит мы сильные, быстрые и умелые. Однако со временем норма изменилась под наши специфические условия жизни, можно сказать мутировала, чтобы полностью отвечать реалиям и нуждам бытия. Экзамен на нормы физподготовки сдавался раз в три месяца на каждом из уровней отдельно, после чего соискатель получал значок, крепкое рукопожатие, отметку в личном деле, небольшой подарок, ну и почет среди друзей. Девушки интересовались этим далеко не так часто, как парни, но на некоторые службы нельзя было поступить без успешной сдачи экзамена, что вполне логично. Те же самые патрульные из Охранки в случае ЧП обязаны спасать обычных жителей, что потребует немало физических усилий. Без соответствия норме С2 и ее регулярного подтверждения раз в год в Охранке делать нечего.

Не считая бега, я никогда не был фанатом упражнений, но в

школе везде висели плакаты, а более сильные сверстники только об этом и говорили. Чтобы получить значок С1, соискатель должен выполнить одно за другим ряд упражнений и заданий, причем почти без отдыха между ними. Насколько я помню надо присесть пятьдесят раз, потом подтягивания, затем отжимания от пола, после чего надо проползти сто метров, таща с собой сумку с инструментами. Следом трехсотметровый бег по коридору и нажатие кнопки объявления пожарной тревоги. Тут ты наконец получаешь пару минут, чтобы перевести дыхание для второго раунда. Как только звучит сигнал действовать, сурвер хватает разводной ключ и в темпе откручивает гайки на тренировочной заблокированной переборке. Открыв ее, он прыгает в узкий двадцатиметровый бассейн и преодолевает его вплавь. Выбравшись, хватает тяжелые мешки с песком и тащит их к месту, где следует выстроить баррикаду, чтобы блокировать разлив воды. Потом снова разводной ключ – все это время он у тебя за поясом и не вздумай потерять - но на этот раз гайки надо закручивать, предварительно наложив на дыру с хлещущей водой ремонтный хомут. Ну и в финале, держа на спине двадцатикилограммовый манекен спасаемого ребенка, сурвер должен подняться по лестнице на шесть пролетов. Все это надо сделать за определенное время – и это еще не все! Когда ты, едва дыша, выплевывая из себя легкие, едва стоишь, экзаменатор задаст тебе несколько вопросов, касающихся твоего этажа – где сигналка пожарной тревоги, где дублирующая лестница, кого ты должен спасать в первую очередь. Не уложился? Не ответил? Приходи через три месяца на следующую попытку.

И это только С1.

В С2 все гораздо сложнее, а про С3 и думать не хочется. Впрочем, я не в курсе про С3, но из вдруг появившегося спортивного интереса скоро все узнаю. Слышал, что главное фишкой С3 являются заплывы в реально затопленных коридорах и там чуть ли не лабиринт, в котором надо еще и задания выполнять.

Задания – самое важное. Настоящий сурвер стремится быть физически подготовленным не только ради здоровья и поддержания себя в форме. Для нас это вторично. Хочешь перед девочками на турнике красоваться – дело твое, но к нашим нормам подготовки это никакого отношения не имеет. Главное для нас – суметь действовать во время того или иного ЧП. Прорыв воды и затопление; обрушение потолка или стен; обесточивание со всем последующим кошмаром; пожар и задымление; проникновение радиации – при любой из этих ситуаций или их сочетания каждый сурвер должен незамедлительно действовать

ради спасения Хуракана. И это, кстати, единственно правильный ответ на вопрос экзаменатора о том, кого сурвер должен спасать в первую очередь.

Ответ – Хуракан.

Погибнет часть сурверов – это горько, страшно, но восполнимо. Не спасем убежище – нам всем конец. Все сдохнем в муках. И поэтому, если ты стоишь на развилке коридоров и в конце одного из них кнопка включения аварийных насосов, а в конце другого захлебывается в запертой комнате кто-то из родных… ты знаешь какой выбор является правильным, сурвер. Ты знаешь…

Прочитав список членов подразделения Фольк несколько раз, я отложил его в сторону и поднялся из-за стола – ноющие ноги и пульсирующий затылок снова требовали движения. Обувшись, я не забыл взять денег и спрятать за пояс штанов отвертку. И то и другое я взял чисто на всякий случай…

Отвертка мне не понадобилась - я проделал пешком три полных круга и за это время никого из знакомых или врагов. Не увидел я и бродящего навеселе молодняка, пахнущего алкоголем или тасманкой. Что, кстати, странно – пусть здесь не центральная улица, но Манеж всегда был популярен среди тех, кто ищет много свободного пространства и подальше от взглядов старших поколений. Эта странность зацепила меня, но долго думать над ней пришлось – едва зайдя в банный комплекс Чистая Душа, я наткнулся на доску объявлений, где центральное место занимал лист формата А4 с крупно набранным жирным шрифтом черного и кое-где в важных местах красным шрифтом. Стиль объявления, а вернее предупреждения, мне был хорошо знаком – его использовала лишь администрация шестого уровня. Совсем недавно точно такие же плакаты висели повсюду, требуя от населения постричься под ноль из-за распространяющейся по этажу перхотной чесотки. От нее я избавился после пары стрижки в парикмахерской у Бишо, а когда Серж Бугров меня едва не убил, рассеченную голову обработали такой мощной обеззараживающей химией, что от кожной заразы не осталось и следа. Новое объявление было не о чесотке и вообще не касалось болезней. Стоящие рядом два сурвера средних лет, не обративших на меня никакого внимания, удивленно и одобрительно обсуждали суть послания – давно мол пора было, а то цацкаются тут с ними. Прочитав, я ушел к стойке до того, как они переключатся на меня.

Как интересно…

Плакат извещал, что Охранка и социальные службы зафиксировали достаточно сильно возросшее, чтобы начать

тревожиться, число различных правонарушений, связанных с раскуриванием тасманки, распитием спиртного в неположенных местах, к которым добавились и личные конфликты, перерастающие в абсолютно неприемлемые общественностью драки. Помимо этого, было замечено, что многие спортивные группировки ведут себя нагло, бравируют вседозволенностью. В связи с этим уже предприняты жесткие меры для наведения порядка, усилено патрулирование, и администрация предупреждает, что к нарушителям порядка и спокойствия будут приняты более чем суровые способы вразумления.

Не в первый раз я читаю подобное, но раньше я бы даже не задумался, а теперь и думать не надо – я понимал, что все эти «жесткие меры по наведению порядка» введены после приватно прочитанной речи Инверто Босуэлла. Весомые люди послушали, посовещались и чуть сжали знаменитые «ежовые рукавицы». И на улицах сразу стало тише…

На размышление об этом я потратил секунды три, пока шел к стойке. А пока ждал незнакомого чернокожего дежурного, клюющего носом и едва шевелящегося, задумался уже о другом.

Бишо…

Стоило вспомнить о старике, и я понял, что у меня появились планы на завтрашнее утро.

Заплатив один динеро и получив серое полотенце, я двинулся в третью ванную комнату, уже предвкушая отмокание в горячей ванне. Еще успею постираться и прямо в отжатом, но еще мокром пошлепаю домой – сменной одежды я не захватил. И плевать мне на осуждение встречных с их рассуждением о том, что сурвер всегда должен быть опрятным…

**

Шагая по коридору, привычно почти касаясь плечом правой стены и в этом плане буквально следуя древнему совету вести скромно и давать дорогу другим, я был погружен в свои мысли, попутно борясь с желанием вернуться в комнату и продолжить чтение документов. По сторонам я посматривал, рукоять отвертки давила в поясницу справа, но удвоенное количество патрульных с повязками на рукавах гарантировали безопасность. При свидетелях ко мне никто не полезет. Не сказать, чтобы эта мысль расслабляла, зато я не зыркал по сторонам как полудурок, неплохо так сливаясь с редкой людской массой. Поэтому я и не обратил особого внимания на идущую навстречу старушку, что вдруг бодро пересекла широкий коридор по диагонали и встала передо мной. Я вынужденно остановился. Вопросительно взглянул, пытаясь ее узнать, но широкое и плоское лицо мне было незнакомо.

- Ты ведь сурвер Амадей Амос, верно? – спросила она, уперев руки в бока и мерно покачивая головой из стороны в сторону, выглядя морщинистой детской игрушкой.

Я ответил односложно:

- Да.

Обрадовавшись ответу, она всмотрелась в меня пристальней и со странной радостью воскликнула:

- У тебя такое безвольное лицо! Подбородок узким клинышком… тьфу! А вот мной внучек Масси куда как красивее. И повыше тебя будет! А уж силы в нем! Так и прет! Ты вот штангу сколько жмешь?

- Не жму.

Она вцепилась мне в левую руку, крепко сжала предплечье, затем бицепс и сморщилась еще сильнее.

- Тьфу! А мой Масси больше ста килограммов выжимает! И не один раз! Он у меня спортсмен и умница. Сдал норму С1 с первого раза! А поди и не пробовал?

- Не пробовал.

- Тьфу! Ну да – куда уж тебе хилому! – она смерила меня одновременно презрительным и сострадающим взглядом блеклых глазок и вдруг предложила – А хочешь отведу тебя в спортивный зал тут неподалеку? Мой Масси там сейчас занимается – познакомлю тебя с ним. Может даст тебе пару уроков. Про него вот в газетах не пишут – а ведь мой внучек стократ тебя лучше. Может разрешит тебе сфотографироваться с собой – он у меня добрый. Пойдем?

- Не. Не пойду.

- Тьфу! А гордости то сколько болезной! Ты ведь пузырь надутый! Ничего не добился! Мой Масси вон чего достиг – а про него в газетах ни словечка!

- Ты говорила.

- Еще и тыкает мне тут! Тьфу! Ты просто оказался в нужном месте и в нужное время, сурвер! Хотя какой ты сурвер! Из тебя сурвер как из глисты змея!

- Ну да – буркнул я и, обойдя старушку пошел дальше.

- Гордость он тут свою показывает! Да кому ты завтра нужен будешь, когда все про тебя забудут! А мой Масси всегда в почете у людей будет! Он у меня…

Дальше я слушать не стал. Чего она вообще хотела?

Резко свернув в удлиняющий путь коридор, я предпочел пройти им несмотря на то, что здесь всегда тяжело воняло экскрементами. И культ Экспульсо тут не замешан – за стенами находились наши главные очистные сооружения, работающие уже триста лет без перерыва. Имелась еще одна установка, но ее

правление бункера разумно держало в резерве. Пройдя переулком и вернувшись в главный коридор, я облегченно выдохнул и машинально отметил, что вонь стала сильнее. Может есть правда в словах стариков, талдычащих, что раньше вообще ничем не пахло – ни одна из систем не может без снижения качества работать несколько столетий подряд и без капитального ремонта. Род Якобс вроде как пытался перетащить ответственность за очистные сооружения на себя, но им не позволили.

Парикмахерская старого Бишо была открыта и как всегда пуста. Свет в небольшом зале погашен, горит только одинокая лампа в углу, где стоит накрытое пледом кресло. В нем и сидит улыбнувшийся мне Бишо, складывая газету.

- Зачастил ты стричься, Амос.

- Славного и доброго! – традиционно поприветствовал я старого служаку.

- Экодар грядет! – столь же традиционно ответил он, поднимаясь – Ого…

Увидев, что он смотрит на меня, я внимательно оглядел себя спереди и с боков. Не увидел ничего необычного. Изношенная футболка оверсайз только вчера выстирана, длинные и тоже слишком большие джинсовые шорты затянуты ремнем, на ногах кеды. Выгляжу, как всегда, вроде не испачкан ни в чем.

- Ты изменился, Амос – тихо сказал Бишо.

Скрипнув протезом, он остановился в шаге, вгляделся в глаза, покачал головой:

- Сильно изменился.

- Да вообще не изменился – рассмеялся я, разводя руками – Разве что похудел еще сильнее. Но это потому, что опять бегать начал – я уже рассказывал, когда последний раз стригся.

- Не бросил?

- Бег? Нет. Скорее наоборот – никак не могу наесться бегом и ходьбой – признался я – Словно за шкирку тащит меня кто на Манеж.

- Главное, что не к бутылке тащит – заметил старик и указал на кресло – Ты стричься? Зачастил что-то – хотя я только рад.

- Работы совсем мало? – я спросил с искренней участливостью.

К кому, к кому, а вот к старому Бишо я всегда относился с огромным уважением и состраданием, искренне восхищаясь его прошлым и о нем же скорбя. Бишо потерял на службе в Разведке обоих сыновей и сам вышел из своего последнего боя не целиком. А когда от горя умерла жена, он остался совсем сиротой. Хуракан платил ему двойную пенсию – как ветерану и покалеченному в бою – плюс он вроде как получал ежегодные начисления за

полученные на службе награды. Но как он однажды сказал, срезая мне прядь волос на макушке – на кой хер нужны деньги, если не на кого их тратить? Ему самому не требовалось ничего кроме скудного питания пару раз в день, чуток кофе и порой чуток алкоголя – много пить он себе не позволял. А от суицида его спасла работа в парикмахерской, где он сменил жену и разговоры с клиентами. Все это я знал из бесед с ним во время стрижки.

- Работы полным-полно! – он вдруг широко усмехнулся и кивнул на покинутое кресло – Это раньше я там от безделья газетки почитывал. А последние дни с утра до вечера на ногах. Все как один кинулись стричься! Мужики под ноль, а прекрасные дамы больше под гребенку. И всем вдруг стало плевать на угрозы Шестицветиков. Да и те явились одна за другой – и каждую я налысо отстриг, а они как овцы покорные сидели в кресле и слезки пускали по локонам отрезанным… Не твоя работа часом, парень?

- ВНЭКС – коротко и уверенно ответил я – Их работа. Я только краем замешан.

- Вот как! Это интересно! – он совсем оживился – Расскажешь? А то в газетах одна муть… Или торопишься?

- Честно говоря, я как раз и пришел, чтобы поговорить – признался я, с неумелым смущением вытаскивая из кармана шорт плоскую полулитровую бутылку – Тут водка. Вроде хорошая. Купил в новом магазинчике рядом с рыбными прудами Якобс. Говорят похмелья от нее почти нет. И закуски немного купил.

- Вот это да… юноша превратился во взрослого мужика с взрослыми предметами в руке… - Бишо изумленно хохотнул.

- Взрослый предмет? – я глянул на бутылку в руке – Водка что ли взрослый предмет?

- А ты думал – сиська? Это как раз для молодежи. – фыркнув, старик засуетился – Закроюсь ка я на сегодня. И жалюзи оконные опущу, чтобы любопытных не радовать. Садись, Амос. С тобой я всегда рад поговорить. Ты, кстати, не поверишь, но у меня есть целая вареная курица. Бройлер!

- Холисурв… - я чуть не захлебнулся набежавшей слюной – Ничего себе! Купили?

- Да не особо я курятину люблю. Как мне так нет ничего лучше рыбы и утятины. Но после того, как я чуть ли не половину уровня в рекордные сроки подстриг, правление решило мне бонус выдать за старание.

- Курицей вознаградило?

- Ей самой. Пришлось сварить. Курица почета, чтоб ее. Не нагрудная, но настольная. Сидел и думал с кем поделиться благодатью куриной, а тут вдруг ты… Судьба? Судьба! И зеленого

лука у меня еще немало осталось, пара не слишком черствых лепешек тоже найдется. Сейчас посидим как следует, Амос! Кусок курицы зеленым луком обмотать, в соль потыкать – и в рот! Вот еда мужика! Готовь жевательный аппарат…

Демонстративно щелкнув зубами, я поспешил помогать с раздвижкой стола и перетаскиванием еще одного кресла из дальнего угла. Вскоре мы уже сидели друг против друга, чуточку торжественно держа наполненные водкой стопки. Я продолжал чувствовать себя не в своей тарелке – лет мне уже достаточно много, а всех этих «взрослых» штук особо не знаю. Такое познается на практике, когда выпиваешь с друзьями. Вот только друзей у меня и не было…

- За тебя Амос. За то, что все обошлось и голова твоя вдруг посмелевшая уцелела и пока на месте – посерьезнев, произнес Бишо.

- Пока что на месте – хмыкнул я и мы выпили.

Чокаться не стали – у нас на шестом уровне это не особо прижилось. Еще у нас было принято пить столько, сколько хочешь и когда хочешь, тост произносился только первый раз и тогда же, обычно самый старший, торжественно наливал алкоголь каждому участнику пирушки. Ну а дальше каждый заботился о себе сам. Крайне дурным тоном считалось подливать спиртное в чужую рюмку или заставлять пить. Столь же плохо, если сам упивался в хлам. И снова я вспомнил недавние слова Босуэлла: разумная мера во всем – кредо сурвера.

Выпив, я, с трудом сдерживая странно сильный рвотный позыв, быстро запихнул в рот кусок курицы, следом отправил зеленый лук и старательно зажевал. Когда вкус водки исчез с языка и глотки, мне сильно полегчало, в желудке разгорался огненный ком, а я твердо решил, что выпью максимум еще одну стопку, да и ту будут цедить на протяжении всей беседы. Бишо же, выпив, с шумом выдохнув, похрустел шеей, неторопливо закинул в рот пару волоконец мяса и напомнил:

- ВНЭКС, говоришь? Они тут каким-то боком?

- Скорее не боком, а прямо разинутой пастью – хмыкнул я и рассказал старому Бишо то, что мог поведать, не подставив при этом Босуэлла. Закончив с этой историей, я отмотал чуть назад и мыслями вернулся в тот день, когда нас почтила визитом тварь людоед, на моих глазах прикончившая многих.

Потом, помолчав, отпив самую малость водки – к этому моменту я уничтожил полкурицы и жадно поглядывал на остатки, удивляясь своей прожорливости – я рассказал о том, что мои родители когда-то были членами ВНЭКС и состояли в ее внутреннем подразделении Фольк. Закончил я искренне

недоумевающей фразой:

- Оказалось, что отец в свое время сумел сдать норматив СЗ! Это ж обалдеть как трудно…

- И чего здесь удивительного? – спросил Бишо, выливая остатки водки себе в стопку.

- Ну… где он – и где спорт.

Я помнил отца таким, каким видел его в последнюю нашу случайную встречу. Тощий, устало сгорбленный, волочащий ноги, с недельной щетиной на впавших щеках… он был олицетворением книжной фразы «человек с потухшими глазами».

- Ты судишь по нему нынешнему. А ведь самый последний алкаш когда-то был кем-то совсем иным – заметил старик и ткнул себя пальцем в исковерканное шрамом лицо, потом указал на левую ступню – Я ведь тоже не таким уродился. Был крепким, спортивным, мог любому надрать задницу, а девки при виде меня аж пищали. Я никого не боялся и с юности знал, что пойду в Разведку. В Охрану Периметра. Буду биться с тварями, буду защищать наш Хуракан от любой внешней угрозы. Я грезил этим. И своего добился. Ну и вот он перед тобой результат моей мечты…

- Да уж – вздохнул я – Жестоко…

- Жестоко? Нет, Амос. Это нормально. За мечты надо платить и я заплатил сполна. А жестоко то, что я заразил своей мечтой обоих сыновей. Я им с детства талдычил что только разведчик может назвать себя настоящим сурвером. И они пошли по моим стопам. Прошли учебку, затем разведку, попали под мое начало и… погибли. А мне так не посчастливилось – я выжил. Потерял сознание, меня вытащили сетью уже частично обглоданного и пришел я в себя в больничке. Лежу значит весь в бинтах, а рядом с кроватью сидит серая полумертвая старуха – я не сразу узнал в ней свою жену, так она постарела за эти дни. И знаешь, что читалось в ее взгляде?

- Нет, конечно…

- Она никогда это не произнесла, но я отчетливо читал в ее глазах самый страшный вопрос для любого мужчины: почему ты выжил, а твои дети нет?

Покрутив в пальцах противно теплую стопку, я выдержал несколько секунд гнетущего молчания и признался:

- Я не знаю, что сказать, Бишо. Это… это правда очень страшно. То, что ты пережил…

- Я человек, что самолично обрубил свои корни – горько усмехнулся старик и глянул на стену, где висело фото его жены и сыновей. Она очень милая и молодо выглядящие, они высятся над ней молодыми и уверенными в себе медведями в парадной форме

Внешней Охраны. Разведчики… Самого Бишо на фото не было – но с края фото было кривовато обрезано и виднелась лежащая на плече крайнего парня крепкая мужская ладонь. Обрезал себя…

- Да уж – вздохнул я, медленно ставя стопку на стол – Ты извини, что я…

- Ты тут причем? – буркнул вставший Бишо – Сиди. А я принесу еще одну бутылочку.

- Да мне и этого вполне уже хватило…

- Так и не пей. А мне надо чем-то глотку смачивать. Ведь как я понял, ты пришел меня расспрашивать, а не слушать. Так ведь?

- Так – кивнул я.

- И о чем же ты хочешь знать, парень? – Бишо загремел чем-то под столом, следом зазвенело стекло.

- Обо всем, что за стенами – ответил я – Знаю, что разведчики бывшие и настоящие не любят рассказывать о своей службе. Но мне надо знать.

- А зачем тебе это? Обычно сурверы держатся подальше от всего, что связано с жизнью и смертью за пределами Хуракана.

- И я раньше знать не хотел. Боялся даже знать. Но после того, как столкнулся с тварью тут внутри… во мне проснулся интерес. Потом узнал, что родители были во ВНЭКС и мечтали о увеличении территорий Хуракана…

- Внэксовцы всегда удивляли своей упертостью – заметил вернувший Бишо, ставя на стол покрытую пылью бутылку – И этим мне нравились. Да и сейчас, пожалуй, все еще нравятся. Но для меня это нормально – я то вообще наружу рвался. А ты вроде всегда был тих и незаметен как серая плесень за… к-хм… под раковиной – не слишком складно закончил он свою фразу.

Рассмеявшись, я произнес это выражение правильно:

- Тих и незаметен как серая плесень за ободком унитаза. Ну да… одна из любимых сурверских поговорок.

- В этом выражении есть скрытое одобрение…

- Ну да… пусть серая плесень впитывает дерьмо и ссанину, но ведь она жива…

- Ты прав. Неудачное сравнение.

- Ну почему… - я улыбнулся – Это ведь правда – я действительно такой. Так ты расскажешь, Бишо? Или это прямо великий секрет?

- Не мастак я рассказывать. Но ради тебя – постараюсь, парень. Ты главное задай мне несколько вопросов поострее, чтобы я память старую расшевелил – а там уж оно само потечет как говно из дырявых труб.

- Хм… подходящие вопросы… ну, скажи свое мнение ветерана – какими умениями должен хорошо владеть выходящий

наружу сурвер, чтобы не сдохнуть.

- Там ты все равно рано или поздно сдохнешь, Амос – медленно ответил старик, столь же медленно наполняя свою стопку – Те, кто выживают, они или калеки вроде меня или те, кто вовремя спрыгнул с этой службы. В Разведку идут либо дебилы как я, либо те, кто хочет записать себе в Ауру пару лет геройской службы во Внешнке, чтобы затем было легче делать карьеру. И принцип у них один и тот же – спустя год или, скажем, три, они получают свои вторые лычки на воротник и сразу же бегут к купленному доктору, чтобы тот поставил им диагноз, при котором служить в разведке нельзя. Вот такие как они – выживают. А такие как я дохнут. И никакие умения тебя вечно спасать не будут, Амос. Дашь одну промашку – и сдохнешь. И зачем тебе вообще знать про Разведку? Ты не надумал часом туда податься?

- Я перебираю разные варианты – уклончиво ответил я – Но пока туда не рвусь.

- И правильно делаешь, что не рвешься! Сиди себе тут тихо, копи деньги. Слушай! А хочешь – я тебя к себе возьму? Учеником – загоревшись этой мыслью, Бишо опустошил стаканчик, тут же наполнил его снова и продолжил – А чего нет? Получишь еще одну профессию, познакомишься с разными людьми – тут, знаешь ли, интересные разговоры бывают.

На обдумывание мне хватило нескольких секунд, и я кивнул:

- С радостью. От таких предложений не отказываются.

- Если соглашаешься, чтобы меня не обидеть, то…

- Нет – отпив толику, я потянулся к остаткам курицы – Я правда с радостью поучусь у тебя. Если только ты сам завтра не передумаешь.

- Не передумаю. Я ведь не пьян, Амос. Так что приходи как надумаешь.

- Приду – пообещал я и напомнил о своем вопросе – И все же… что должен уметь сурвер, если не хочет сдохнуть там снаружи в первые же минуты.

- «Там» - понятие растяжимое, парень – вздохнув, Бишо поерзал, устраиваясь в кресле поудобней, почесал под бородкой и заговорил, начав рассказ о территории вокруг убежища Хуракан.

- Работяги мы – просто сказал он, задумчиво при этом глядя на свою руку и мерно сжимая и разжимая пальцы – Чернорабочие. Чистильщики - как и ты. Работники рыбных прудов – как и ты. Только ты чистишь всякое здесь – а мы там. Ты наматываешь километры тут – а мы там. Ты ходишь по щиколотку в дерьме тут – а мы по горло там. Ты барахтаешься по пояс в затопленных коридорах, а мы под водой проплываем десятки метров. Есть

конечно и среди разведчиков своя ленивая элита – те ничем таким не занимаются, а чаще всего сидят в надежно защищенных дзотах. В первую очередь это подразделение Эксоверы.

У меня вырвался вопрос:

- А Красные Скауты?

- Они вояки – старик уважительно кивнул – Именно они вытащили меня и еще троих из последней моей вылазки. И протащили еще пару километров до шестого буфера.

- Докуда?

- Просто слушай, парень. Слушай. Ты спрашивал про лучшие умения для хотящего выжить разведчика Хуракана. Опираясь на мой опыт, скажу так – ты должен уметь задерживать дыхание и плавать как юркая рыба, бегать как гепард, лазать по стенам как чертов гиббон и протискиваться сквозь узкие щели и карстовые воронки как скользкая змея. Ну а чтобы вытворять всё это без устали, ты должен быть выносливым как… даже не знаю как кто… как перелетная птица, которая начала махать крыльями в северном полушарии, а закончила на южном и только тогда сделала первый глоток гребаного мохито. Я, правда, сам мохито не пил, но говорят вещь вкусная. Ты услышал про умения.

- Услышал и запомнил – коротко ответил я.

- А сейчас я поясню, почему оно я так считаю. Слушай и понимай почему тебе никогда не стоит покидать пределы убежища. Тут безопасно – там смерть. И вот почему…

Хуракан представляет собой замкнутый подземный комплекс, расположенный в многослойном известняковом массиве, из которого вода тысячелетиями вымывала породу, образовав множество каверн и подземных рек. В свое время это доставило строителям немало хлопот, но благодаря технологиями они справились на отлично. Попутно инженеры исследовали подземную толщу вокруг, просканировали все, запустили умные автоматические буры, составили карту всех пустот и водных потоков, а во время строительства вмонтировали в стены убежища резервные малые люки. Первые поколения Хуракана начали ими пользоваться где-то спустя столетие или позже. Выйти через верхние шлюзы они побоялись, предполагая, что там смертоносный радиационный фон. Смельчаки вышли в глубинные пустоты, осмотрелись и поняли, что радиации нет, зато в карстовых пещерах огромное количество вполне чистой пресной воды и скорей всего запасы неисчерпаемы. Оставалось лишь установить там снаружи насос, подключить его к фильтрационной и обеззараживающей установке и готово дело. Отныне жители Хуракана могли перестать страшиться жажды – воды хватит на всех.

Это было первое открытие, но последующие не заставили себя ждать и течении дальнейших лет выходящие наружу исследователи обнаруживали все новые и новые живые и, что самое важное, полезные виды. Растения, животные, рептилии, монстры… там хватало всего. Случились и первые смерти, после чего экспедиции стали выходить наружу чуть реже. А затем смерти участились. Появились случаи, когда целые группы пропадали в полном составе, а следом исчезала и вышедшая за ними группа спасателей.

- Я своими глазами видели три двери смерти – хрипло сказал Бишо, отставляя еще полную стопку и наливая себе давно остывшую имитацию кофе. Добавив сахара, и перемешивая втрое сложенной стрелой зеленого лука, он задумчиво добавил – Первые две – только видел. Обе в северной стене Хуракана. А последняя в восточной – и за последней дверью навсегда остались мои сыновья. После того как нас там порвали в клочья, во второй южный буфер выходили еще раз пять, пока не произошла ситуация с массовой гибелью, в которой полегло два отряда спасателей. Никто из них так и не вернулся. После этого приказом Смотрящего люк запечатали. Еще один люк закрыт навсегда. Еще одна мембрана прорвана. Еще один буфер потерян.

Сгрызя лук, он запил его парой больших глотков кофе и взглянул на меня с поясняющей усмешкой:

- Мозги уже плавятся?

- Новых слов многовато – кивнул я – Мембрана?

- Важное понятие, сурвер. Мембраной мы называем две степени защиты буфера – активную и пассивную. Под пассивными имеются ввиду стальные сети в воде и решетки в дырах и проходах, например. Активная защита – это сами разведчики. Регулярные патрули, смена в дзотах, расставленные в воде и проходах капканы, мелкие мины и все прочее, что может сдержать тварей. Про них ты, кстати, еще не спрашивал – про наружных мутантов.

- Еще спрошу – пообещал я – А буфер это?

- Буферная зона. Понятие со старых времен, когда наружу выходили не простые сурверы вроде нас с тобой, а высоколобые ученые интеллектуалы. Или я зря тебя в простые сурверы записал, Амос?

- Я – проще некуда – заверил я.

- Вот и правильно! – он одобрительно хмыкнул и продолжил пояснять – Буфер – это огороженная и защищенная зона, что сразу за люком. Вышел наружу – и ты в буфере, сурвер.

- А вокруг него мембрана?

- На лету схватываешь. Молодец. Чтобы спокойно проводить

свои исследования, брать анализы воды и почвы, отлавливать всяких мелких тварей, ученые потребовали создать для них защитную мембрану. А знаешь почему назвали мембраной, а не просто стеной?

- Нет, конечно.

- А я знаю – из старого журнала что валялся в одном из наших укреплений. Это еще один термин. Дело вот в чем – мембрана проницаема, а стена – нет. Ученым очень не хотелось, чтобы их сожрали хищные мутанты…

- Кому бы хотелось…

- А вот чтобы внутрь буфера могли однажды заползти новые мелкие виды – этого им желалось. И поэтому они потребовали ради науки не отгораживаться наглухо с помощью каменной кладки, а поставить решетки с дверями, деревянные щиты с щелями, натянуть сетки с ячейками определенных размеров. То есть стена вокруг каждого буфера все же есть, но она проницаема для внешней жизни, хотя защищает от крупных тварей, хотя вполне может поймать их с помощью сетей и капканов.

- Мембрана – повторил я – Ясно.

- И как раз из-за мембраны буфер называется буфером, а не новым отсеком Хуракана. Будь он отгорожен сплошной стеной с вмонтированным в нее стальным люком – и это был бы уже не буфер, а новое помещение. То есть как раз то, о чем мечтает твоя партия ВНЭКС – расширение убежища.

- Это не моя партия – возразил я – Мне они нужны только ради денег. Да и речь сейчас не о них. Мы о мембранах…

- Мембраны мать их… - Бишо помрачнел – Они проницаемы.

- Ты говорил. Благодаря им внутрь буфера могут попасть еще неизученные виды с поверхности и все такое. Думаю это здравое решение…

- Здравое решение… - выхлебав кофе, он налил из чайника мне, потом себе – Та тварь вас внизу как нашла, Амос? Ту, которой ты не дал войти с помощью вовремя захлопнутой решетки.

- Точно не знаю, но вряд ли она нас увидела, если у нее вообще есть глаза. Думаю, сначала она нас учуяла или услышала. Куча вонючих мужиков соскребает лопатами и ведрами грязь…

- Именно. Она нашла вас по запаху, на слух, может и по вкусу, если кто-то поранился и кровь утекла в желоб. Есть твари, которым достаточно растворенной в воде капли крови, чтобы начать искать ее источник. И ты не поверишь мне, Амос, кто и что мне встречалось в огромных кавернах за стенами Хуракана. Если тут под землей, куда почти не пробилась радиация, обитают настолько жуткие монстры, то что же творится там наверху? –

глаза Бишо остекленели, когда он попытался представить эту картину – Там ядерная зима? Или уже кончилась? Но что-то из двух – либо вечная ночь и морозы, либо выжженная до хруста пустыня с редкими оазисами. Я разговаривал с парой старых сурверов – их нет уж в живых и я был один из немногих, кто их хоронил – и они уверены, что планета непригодна для жизни и мы как минимум еще столько же лет пробудем в безопасности Хуракана. По их словам, все выжившие твари земные это тоже понимают и поэтому скрылись в карстовых пещерах, постепенно мутировав под новые условия обитания.

Поглядев на пыльную бутылку, он скривился и отставил ее к краю стола и снова взялся за кофе, чтобы смочить горло. Я последовал его примеру, а он понизил голос почти до шепота и продолжил:

- Ты бывал в нашем музее уродцев?

- Много раз – ответил я, ставя пустой стакан на стол и вытирая губы – Музей Апокалиптики?

- Он самый.

- Туда пускают с четырнадцати лет и как только исполнится, я шастал туда после школы почти каждый день. То еще зрелище… перепонки… клыки как черные иглы… огромные глаза… серая и склизкая на вид кожа… Ужасные мутанты.

- Ужасные мутанты – повторил Бишо и тихо рассмеялся – Там в колбах плавают мутировавшие животные. А вокруг Хуракана обитают не только звери, Амос. Тут хватает тварей пострашнее и поразумней! Там живут те, чьи предки когда-то были людьми – как ты и я.

- Слышал об этом – я кивнул и глянул на закрытое жалюзи окно – Но никто не подтверждает. Просто по пьяни изредка болтают всякое.

- Потому что сверху давно уже утвердили директиву не пугать обычных сурверов. Знаешь почему?

- Нет.

- Потому что мы все знаем, что звери хоть и страшные, но тупые и в Хуракан им не попасть никогда. А вот мутировавшие люди, если сохранили разум, могут и отыскать способ проникнуть внутрь убежища и устроить здесь резню. Поэтому все разведчики и прочие посвященные подписывают подписку о неразглашении. И в целом решение здравое. Зачем зря пугать людей? Кто хочет жить и бояться, зная, что там за стенами кто-то умный и мерзкий строит планы по проникновению…

- Никому этого не надо – согласился я – Страшно. А страх – это плохо. Я по себе знаю, ведь боялся каждый день.

- Страх сегодняшнего дня – еще куда ни шло. А вот страх

перед днем завтрашним… люди перестанут работать на совесть и прекратят хорошо заботиться о важных системах Хуракана. Они перестанут создавать семьи и рожать детей – для чего? На корм мутантам? Учитывая постоянные страх и нервозность, люди постараются компенсировать это агрессивностью и в Хуракане начнутся стычки, прольется кровь. И это еще не все… я тебе не стану рассказывать о стрессовом расслоении общества, о почти гангренозном заражении теориями заговоров, о патологичном недоверии к нашим сми и еще много о чем не стану тебе нагружать голову, но поверь – не надо знать людям о том, что вокруг убежища бродят порой крайне опасные не когтями и клыками, а своей разумностью существа.

- Ого… - пробормотал я – Никогда о таком не задумывался… прямо вот никогда…

- Да и я не задумывался – признался Бишо – Все, что я тебе сейчас говорю, это пересказ полузабытого – из того, что нам вдалбливали в голову инструкторы перед первым выходом наружу. Мы получили больше десяти часов теории – и надо сказать они старались не запугать нас, а вдолбить в наши тупые головы истинные причины молчать. Тогда же мы расписались в неразглашении. И тогда же мы, молодые курсанты, поклялись нашими жизнями, что никогда не расскажем обычным жителям ни о чем из увиденного.

- А ты не нарушаешь сейчас клятву?

- Не нарушаю. Из тех десяти парней и девчат кто клялся стоя в круге в живых остался лишь я – Бишо горько усмехнулся и опять потянулся за чайником.

- Ох…

- Не надо меня жалеть, парень. Не дорос ты еще, чтобы меня утешать. Давай вернемся к нашим делам. Что еще спросишь?

- А можно пояснить про умения? – попросил я – Почему именно они важны? Бег, ныряние, плавание, скалолазание, скольжение сквозь щели и воронки. Тебя в учебке этому учили?

- Еще как учили! И не только этому, Амос. Ты пойми – все знания, чему учить разведчиков Хуракана, а чему нет, куплены кровью и жизнями. Помнишь про буферы?

- Конечно. Территория у наружной стены Хуракана, огороженная мембраной. А что внутри буфера и снаружи ты не рассказал.

- Многое ты и сам додумаешь и не ошибешься. Плавание? Ныряние? Скалолазание?

- Ты говорил о подземных реках.

- О сильных реках! Бурлящих! Буйных! Глубоких! – старик даже приподнялся в кресле – Там много воды. Мы находимся в

известняковом карсте, а он материал предательский. Настолько предательский, что никогда не почувствуешь себя в безопасности даже в старом буфере, укутанном не одной, а тремя или четырьмя мембранами. Ты можешь месяцами ходить в обходном патруле по одному и тому же месту, а на сотый раз он с треском проломится, ты пролетишь десяток метров, ударяясь об острые каменные шипы, после чего рухнешь в ледяную воду и тебя унесет хрен знает куда и хрен знает как глубоко. Если еще можешь соображать, то задержишь дыхание, закроешь башку руками, постараешься по инструкции плыть ногами вперед и начнешь молиться, что поток выбросит тебя в место, где можно сделать глоток воздуха. Повезет зацепиться за стену и вползти по ней повыше, начнется самое страшное – во-первых, ты поймешь, что скорей всего ты уже живой труп без надежды на спасение, просто пока этого не знаешь наверняка, а во-вторых, попытаешься сообразить, как же теперь вернуться назад, если ты понятия не имеешь где находишься и что ждет тебя вон в той черной воронке сверху. Но сначала надо осмотреть собственное тело и убедиться, что у тебя не переломаны ноги и ребра, а ты просто еще не сообразил и не почувствовал из-за дикого всплеска адреналина…

- Холисурв…

- Умение бегать тоже пригодится разведчику – как только затрещит под ногами этак по-особенному, даже и не описать, но ты сразу поймешь, что вот-вот под тобой обрушится вся галерея или на голову рухнет десяток тонн пропитанного водой известняка… вот тогда спасение только в быстроте ног, чтобы успеть пронестись парой низких и извилистых как кишка проходов. Поэтому и бегает разведчик как спринтер, а не как марафонец. Понимаешь?

- Понимаю – вздохнул я – Спасибо, Бишо. Я прямо загорелся вернуться на беговую дорожку и устроить себе серию спринтов.

- И устрой. Но я так и не понял зачем тебе это. Все же собрался в Разведку?

- Нет.

- Тогда зачем?

Ответил я просто и честно:

- Хочу уйти.

- Уйти куда?

- Не куда, а откуда – из Хуракана. Хочу уйти навсегда.

- Да нет… - медленно произнес Бишо – Я тебе вопрос поставил правильно – уйти куда? То, что из Хуракана, это понятно. Но куда ты пойдешь? Вокруг нас лишь смерть, парень.

Я улыбнулся:

- Может и так.

- Да нет никаких «может»! Я был там!

- Но не наверху – напомнил я.

- Там тоже самое! И это в лучшем случае! – Бишо снова поднялся из кресла, но тут же скривился от боли, схватился за правое бедро и опустился обратно – Уф… старые раны…

- Не хотел тебя так вот…

Старик отмахнулся:

- Прекрати. Но ты серьезно, Амос? Вот так вдруг решил уйти?

- Пока что это просто… мысль… или даже мечта – я осторожно подбирал слова – Дело не в обидах или конфликтах. Просто… неужели я вот так и проживу всю жизнь в бетонной коробке и никогда не увижу небо?

- Сходи в кино.

- Это не то…

- Да знаю, что не то. Но там наверху может и неба то больше нет – которое голубое и с белыми облаками как в фильмах.

- Все что я хочу сейчас, так это собрать максимум информации от знающих людей вроде тебя. И когда узнаю правду и пойму, что наверху жизни нет – само собой я останусь здесь и смирюсь с судьбой. Я же не самоубийца. И я просто хочу знать всю правду без остатка. А ты не хотел бы узнать как там оно снаружи на самом деле? Не хотел бы?

- Глупый вопрос! Конечно хотел бы! И хочу!

- Ну вот…

- Воткает он – проворчал старик – Уф… Устал я что-то.

- Пойду я.

- Сиди пока! – велел он и добавил – Сейчас отвечу еще на один вопрос. А как придешь помогать и учиться, то вечером еще поболтаем. Расскажу тебе все, что знаю. А к тебе только одна просьба, парень.

- Какая?

- Не торопись с расспросами! Думай кого спрашиваешь и о чем. Это у меня к тебе душа лежит, сам я старый калека, а после смерти семьи мне плевать на все подписки и на самое правление Хуракана. Мне терять нечего и я никого не боюсь. Лучше вообще не задавай никому свои опасные вопросы, если не хочешь оказаться на допросе у Охранки. Занимайся обычными делами, а в свободное время приходи сюда и мы продолжим наши беседы. Хорошо?

- Договорились – я обрадовано кивнул и крепко сжал протянутую руку – Спасибо, Бишо. Никого кроме тебя расспрашивать не буду. Обещаю.

- Вот и молодец, сурвер. А теперь давай на сегодня свой последний вопрос.

- Что вы делаете в этих буферах? Только исследования?

- Ха! Конечно нет, парень! У Разведки большой штат, а научников среди нас почти нет и с каждым годом все меньше. Буферные зоны — это ж чистое богатство! Там обнаружены водоросли, из которых создаются лекарства, там выращиваются в проточной воде моллюски с невероятным вкусом, там полно рыбы, что не прижилась у нас, но благоденствует в буферах. А мы в основном не исследуем, а чистим природные бассейны и реки, разгребаем свежие завалы, латаем дыры в мембранах и выполняем еще кучу работ. А размеры буферов… ты представил себе их размеры?

- М-м-м… метров сто на сто? Двести на двести?

- Обычный буфер в ширину метров триста, а вот в длину может достигать больше пятнадцати километров – ответил Бишо – И это еще не предел. И не забудь подумать и о глубине буфера, а не только о ширине и длине. И со всех сторон его окружает мембрана – в которой то и дело появляются дыры…

- Холисурв… - я попытался представить масштаб и не смог, особенно после того, как Бишо только что разрушил плавающую в моем мелком воображении представленную с его слов крохотную железную клетку с названием «буфер».

А это не просто клетка, а огромный кусок диких территорий, примыкающих к Хуракану.

- Сколько же там проходов? – спросил я, вспомнив рассказ старика про вымываемый известняк.

- Десятки! – буркнул Бишо – Но это уже лишний на сегодня вопрос. Время позднее, а мне еще прибраться бы надо.

Я поднялся, со странно глубоким удовлетворением ощутив, насколько тяжел мой плотно набитый желудок. Всю ночь переваривать буду…

- Помогу – пояснил я, берясь за тарелки.

- Посуду я и сам вымою, умник. Хочешь помочь – таскай мебель – проворчал Бишо – Ну а если уж тебя накрыла волна благодарности, то можешь еще пол подмести, но чтобы как следует.

- Сделаю.

- Щетка вон там в углу. Та, что с длинной серой ручкой. И совок там же. Но потихоньку подметай – чтобы не поднимать волосяной смерч и не дышать этим.

- Хорошо – кивнул я, берясь за кресло – Все сделаю аккуратно. Ого… кресло то тяжелое.

- Или ты слабоват – рассмеялся Бишо, опуская тарелки в крохотную раковину и берясь за старый стеклянный кувшин, чтобы налить воды в тазик – Представь, что ты там снаружи

висишь на краю какого-нибудь обрыва и тебе надо за секунды подтянуться и перевалиться через кромку, чтобы лезущая за тобой тварь не успела отожрать тебе жопу. Справишься?

- Я? – не выдержав, я громко рассмеялся – Да я подтянусь то от силы раза два! Куда уж там переваливаться… да еще с рюкзаком.

— Значит жопу тебе отожрут – не оборачиваясь, сказал старик, опуская в мыльную воду первую тарелку – Тут все просто, Амос. Проще некуда… Смекаешь? Либо ты подтянешься и через кромку перевалишься – либо станешь чьим-то ужином.

- Ага – ответил я, беря из угла щетку – Смекаю. Пора становиться спортсменом. Отжиматься, подтягиваться, крутить солнышко на турнике…

- Чушь! Нихрена ты не смекаешь. Многие спортсмены идут в Разведку. Я сам был неплохим атлетом. Но весь спорт вылетает из головы в учебке, а его остатки улетучиваются после первого долгого патруля. Совсем неважно какого размера у тебя бицепс или сколько килограммов ты жмешь от груди. А вот как долго ты сможешь идти, ползти и бегать по максимально пресеченной местности, таща за спиной тяжелый рюкзак, а в руках оружие – вот это важно. И в первую очередь важно для тебя самого, если хочешь выжить.

- А вот это все – бег, ползание, таскание тяжестей за спиной – это не спорт?

- Это не спорт! – отрезал старик – Спорт тут внутри – в Хуракане и в тепличных условиях. Ты сам прикинь и поймешь. Предположим на турнике поболтался пару минут – и сиди себе отдыхай. Поотжимался от пола – и снова отдыхай. Пробежал пару полных кругов, вспотел – и опять отдыхаешь. А в буферной зоне у тебя вот так не получится, Амос. Там ты сначала плывешь, потом бежишь, затем ползешь и все это без пауз и остановок. Замедлишься – и тебя сначала сожрут, а потом высрут в какую-нибудь лужу твои кости, но тебе уже будет все равно. Теперь смекаешь разницу между спортом и выживанием?

- Теперь точно смекаю – ответил я, сосредоточенно и медленно водя щеткой по полу – Спасибо, Бишо, спасибо…

Глава 6

Глава шестая.

Проспав достаточно долго, чтобы восстановить силы, я наспех перекусил и снова погрузился в чтение архивных документов. Я уже осилил больше половины папки, столько же оцифровал и понимал, что скоро мне опять идти в офис ВНЭКС в надежде получить следующий пыльный бумажный кирпич. К моему сожалению из последней трети немалая часть листов была посвящена закупкам и разбору монологов старенького мотивационного лектора, чьей задачей было вдохновить членов подразделения Фольк на мощные и непрестанные свершения. Вот только он скорее добился обратного эффекта – бубнивый старичок, а ему тогда было восемьдесят семь, вместо того чтобы еще сильнее разжечь пламя, наоборот притушил его унылыми и чрезмерно долгими речами, где каждое четвертое предложение повторялось. Я знал это благодаря подробным стенограммам, фиксировавшим не только выступление, но и возражения или аргументы слушателей. Как мотивационный оратор дедушка не годился, а как отупляющее снотворное так вполне ничего. В итоге, помимо усыпляющих лекций, у них имелось личное спортивное прошлое и семнадцать часов учений по слаженности действий.

И только заключительные десять страниц папки были посвящены главному – первой вылазке исследовательского подразделения в условно неизведанную территорию. С разрешения правления нашего уровня, они выдвинулись в коридор с длинным буквенно-цифровым названием, отперли решетку, разболтили дверь и вышли в недостроенные в свое время и частично затопленные помещения, связанные друг с другом коридорами с черновой отделкой и могущие похвастаться полным отсутствием освещения и отопления. Там было темно, холодно, мокро и страшно. Подразделение, стараясь действовать слажено как на учениях, смогло пройти несколькими коридорами, спустилось временными лестницами на десяток метров ниже и там уперлись в залитую водой бетонную шахту. Дальше они не прошли, так как требовалось погрузиться на глубину в пару метров, проплыть при свете фонарей по узкой кишке внутри почти необработанного пласта и выбраться в тупиковом помещении, где покоилась брошенная проходческая машина производства Сурвмаунтинс. Эта вылазка преследовала учебные цели и должна была стать испытанием духа. Но все закончилось у той шахты – две трети участников вылазки не

сумели заставить себя погрузиться в воду. Тогда же произошел инцидент с теми, кто все же нырнул – двое девушек под водой запаниковали, спутались веревкой и начали захлебываться. Их обоих вытащил из воды бесстрашный молодой спортсмен – мой будущий отец и семейный деспот. Имелась и четкая черно-белая фотография – мокрый отец смущенно улыбается во объектив, за его спиной щурятся от вспышки две закутанные в одеяла девушки. Одна из них моя мама, другую я не знаю.

На последней странице папки имелось краткое резюме этой вылазки, выдержанное в оптимистичных тонах: да мол не получилось достигнуть желаемое, испытание провалилось, но мы как никогда спаяны одной целью, наши узы сильны, и мы полны решимости повторить миссию в ближайшее время.

Подразделение Фольк не падает духом!

Конец первой папки.

С удивлением ощутив вспышку злости, я подавил желание отправиться в партийный офис немедленно, чтобы потребовать вторую папку. Пусть часть меня требовала незамедлительного продолжения читательского возлияния, но другая часть меня, более сдержанная и хитрая, прежде мне незнакомая, понимала, что в этом случае не следует демонстрировать излишней заинтересованности. Инверто Босуэлл ожидает моей реакции и не стоит спешить с демонстрацией его правоты. Меня сжигает нетерпение, но я выжду сутки, может даже сорок восемь часов, а если хватит силы воли, то явлюсь к нему с докладом не раньше, чем через семьдесят-восемьдесят часов.

И чем заняться в эти дни?

С ответом проблем не возникло. Чтение никуда не делось, у меня есть где наматывать бесконечные круги, меня привечают в парикмахерской Бишо, меня всегда ждут на изматывающие ночные смены в рыбных прудах Якобс, а еще я хотел добавить себе физической активности, но не бега, а несколько иного рода. Но и не обычных тренировок вроде тех, которые молодые сурверы выполняют в спортивных залах с их неубиваемыми полами и вечными штангами с металлическими блинами. Стоило подумать о том, чтобы начать отжиматься, качать бицепс гантелью или приседать с весом на плечах – и сразу к горлу подкатило отвращение. Поэтому я пойду путем несколько иным, но куда более подходящим под мои цели. Тем более у меня есть все необходимое и мне за это еще и заплатят.

Но сначала я все же вышел на пробежку, но на этот раз у меня за плечами висела та водонепроницаемая сумка с широким ремнем. И сумка не пустовала. В нее прекрасно поместились две литровые бутылки с водой, сменные футболка, трусы и носки,

сложенное полотенце, мой рабочий инструмент чистильщика, старые перчатки, два фонаря и… кирпич. Последний предмет я положил для дополнительного веса – в моей арендованной комнатушке имелось шесть кирпичей, лежащих стопками по три и выполняющих роль задних ножек для кровати. На каждом кирпиче имелось клеймо, и я давно уже выяснил, что четыре были произведены Алым Юкатаном, один СурвМаунтинс и один корпорацией Алоха Кеола.

В результате сумка стала довольно объемной, но мягкой, а ее примерный вес был в районе пяти-шести килограммов. Хотелось добавить еще пару кирпичей, но я сумел проявить сдержанность. Не забыв засунуть отвертку сбоку за пояс штанов, я вышел за дверь и побежал. Первые полкилометра я не ощущал от дополнительного веса за спиной никаких неудобств, кроме разве что непривычности ощущений. Но чем дальше я бежал, тем ощутимей становился раскачивающийся за спиной вес и все сильнее начинали болеть плечи. После четырех километров хотелось остановиться, но я заставил себя продолжать, хотя и замедлился немного. Что ж… такую пробежку вполне можно назвать дополнительной физической активностью… Чуть отдохнув, я резко ускорился и следующие сто метров бежал изо всех сил, не отрывая глаз от мелькающих полос отсечек. Десять метров позади… еще десять… и еще…

**

На своеобразную биржу труда в комнате ожидания сразу за входом в рыбные садки, я явился в привычном для себя виде опытного работяги, но на этот раз за спиной висела сумка со все тем же содержимым. Перед этим я немного поспал и почитал, плотно перекусил и чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы попытаться заработать хотя бы пять динеро. На большее я не рассчитывал, зная, что не возьмусь за смену длиннее пяти часов.

На длинной лавке у стены, несущей на себе еще не до конца стертые задницами работяг спортивные символы, рядком сидело трое воняющих застарелым потом и перегаром личностей неопределенного возраста. Оценив силу источаемой ими вони, я отошел на противоположный край лавки и сел в одиночестве, хотя пискучая и трусливая моя натура испуганным голоском шептала, что не надо было так демонстративно внюхиваться и отсаживаться – они же обидятся… и разозлятся. В этот раз трусливый внутренний голосок оказался прав – повернувшийся ко мне алкаш сипло спросил:

- Тебе что-то не нравится, парень? Че ты тут вынюхиваешь? Хочешь подойду и поговорим?

Внутри меня что-то дрогнуло, пискляво заголосило, в глотку

толкнулись слова «Да я ничего такого», а вслух я спокойно ответил:

- Ну давай. Подойди – смотрел я при этом в его пожелтевшие из-за больной печени глаза.

Секунда… и он, что-то пробормотав, отвернулся. В затылке больно кольнуло и я, повысив голос, спросил:

- Ты что-то сказал, мужик? Я не расслышал.

Еще секунда… и он уже повернулся ко мне спиной, бросив через плечо совсем другим голосом:

- Да это я не тебе, сурвер.

Следующие минут десять я прижимался затылком к холодной стене и смотрел в грязноватый высокий потолок, где мозаикой были выложены пловцы, идущие по дорожкам различным стилем. Названия стилей я не знал, но смотрел с интересом, пытаясь понять, какой вариант самый быстрый и экономичный при этом. Ну точно не вон тот, где мускулистый парень с запрокинутыми за спину руками аж парит над водой…

Когда пришел дежурный бригадир – я его не знал и еще раз удивился количеству персонала, тут явно на нем не экономят – нас в комнате было уже семеро. Усталый и судя по его словам работающий уже третью смену подряд бригадир попросил народ не галдеть, сообщил, что работы хватит на всех, но связана она с чисткой и разделкой рыбы, а потом еще придется качественно убраться в помещении. Платят один динеро в час и на большее сегодня можно не рассчитывать, так как в разделочном цеху тепло и через каждые три часа дают время перекусить бутербродом и горячим чаем. Толпящаяся перед ним шестерка энтузиазма не выразила, и бригадир добавил, что перед сменой и во время перекусов можно и кое-чего добавить в чай – не уточняя чего именно. Шестерка резко оживилась, загомонила и радостно потянулась к нужному коридору. Я остался на месте, дождался, когда усталые глаза мужчины сфокусируются на мне и честно признался:

- Рыбу чистить не хочу.

Снова пришлось чуток пересиливать себя – застарелые привычки требовали соглашаться на любую работу и на любую деньги.

- А почему не хочешь? – без особого интереса спросил бригадир.

- Потому что она тухлая – спокойно ответил я – А раз тухлая, то и вонючая. А я вонять не хочу.

- С чего ты взял, что рыба вонючая, парень?

- Якобс всегда следит за качеством – зевнул я, мысленно прикидывая, куда теперь направить стопы, раз не получилось

поработать.

- Следит – кивнул усталый мужик – И что?

- А то, что никто не доверит тем шестерым алкашам кромсать ножами идущую на продажу свежую рыбу. К тому же я знаю, что из садков взрослую рыбу вылавливают часам к шести утра и сразу же сортируют. А сейчас еще ночь. Ну а та рыба, которую они чистить будут, скорей всего подохла сама и ее отправят либо на корм, либо на удобрения.

- И туда и туда – подтвердил бригадир – Правильно ты мыслишь, сурвер. Половина уйдет на корм птице и на подкормку малькам, остальное на удобрение. А тебе не стыдно было назвать шестерых сурверов алкашами?

- Не стыдно – ответил я.

- А глядя им в лица – повторишь?

- Повторю – с безразличием подтвердил я.

Заглянув мне в глаза, он медленно кивнул:

- Верю. А имя твое?

- Амадей Амос.

- Погоди… тот самый Амос?

- Наверное.

- Молодец, парень! – он хлопнул меня по плечу и махнул рукой в сторону стены с дверьми – Пошли. Тебе работу я всегда найду. Ничего, если придется спускаться достаточно глубоко, да еще и в одиночку?

- Ничего.

- Не испугаешься?

- Нет. А сколько платите?

- Два динеро в час за визуальный досмотр – стандартная такса. Плюс бесплатные бутерброды и горячий чай.

- А давай без бутербродов и чая – но заплатишь больше? – сделал я контрпредложение – И пройдусь я качественно – без туфты.

Снова обернувшись ко мне, немолодой уже мужик вгляделся в меня покрасневшими глазами, подумал и кивнул:

- Хорошо. Но должен уложиться в четыре часа. И отправлю тебя на самое дно нашего хозяйства. Там безопасно и все заперто, недавно наши бойцы там все проверили, но говорили, что заметили несколько течей – их надо отыскать, зафиксировать местоположение и доложить. Договорились?

- На самое дно? – переспросил я.

- Верно.

- А почему до этого досмотровая команда не спустилась?

Он замялся с ответом, и я понимающе кивнул:

- Кто-то зассал чуток?

Бригадир неодобряюще нахмурился, складки на лбу стали глубже:

- Ты аккуратней слова выбирай, сурвер. Но да – дневная смена не спустилась и передала проблему мне. Говорят – не успели…

- Да я и выбираю слова. Просто говорю, как есть. То есть не твои облажались?

- Я только в ночь работаю два через два и так уже двадцать шестой год.

- Ого… и весь день отсыпаться…

- День… ночь… а для подземных жителей есть разница, парень?

- Пожалуй нет…

- И не насмехайся над теми, кто отказался спуститься. После того что там случилось… сам понимаешь. Людей сожрали. Через месяц может успокоятся, а пока что мы на каждой решетке под два навесных замка защелкнули – чтобы персонал успокоиться. Многих пришлось уговаривать не увольняться. И знаешь что самое хреновое?

- Не знаю.

- А я тебе скажу – проблема в том, что прошло уже немало дней, а люди все равно продолжают бояться выходить в ночную смену. Как будто хищные твари охотятся только условной ночью…

- М-да… Я возьму пять динеро в час – вздохнул я – Уложиться постараюсь в четыре часа.

- Ого как ты скаканул! Четыре динеро в час!

- Нарушая все инструкции я иду один – напомнил я и ткнул пальцем вниз – Иду туда, чтобы решить твою проблему. А ты так торгуешься, словно свои собственные деньги мне платишь.

- Черт с тобой! – буркнул бригадир и махнул рукой – Иди в каморку к дежурному диспетчеру и возьми у него седьмой и девятый пластиковые листы со схемой коридоров под главным бассейном. У него же возьми пузырек лака – который с кисточкой внутри. Там краска специальная несмывающаяся. Кисточкой будешь делать отметки в местах, где обнаружишь течи. Если не вернешься через четыре часа, начиная с этого момента, то…

- То вы подождете еще час или два и не будет волноваться – улыбнулся я – Могу ведь и заблудиться чуток.

- Фонарь налобный?

- Есть все необходимое.

- А бутылку с горячим чаем все же возьми с собой. И пару бутербродов. Считай это служебным питанием, сурвер герой.

- Возьму – кивнул я, не став рассыпаться в благодарностях.

А чего благодарить? Он не собственной едой делится – как это сделал старый Бишо. Каждый может быть щедрым за чужой счет. Да и бутербродов, если за мной не будут наблюдать, я возьму не пару, а гораздо больше. И про возможную задержку я сказал не просто так - я обязательно там задержусь как минимум на час. Одиночество меня не пугает, темнота тоже, опасности там нет, равно как и персонала – а значит, у меня есть шанс провернуть одну небольшую задумку, обещающую превратить рабочую смену в нечто уже не столь скучное…

**

По строгому регламенту здесь круглосуточно должно быть светло – по так называемой давным-давно принятой норме ОМЭЛОС. На обычный язык нам «перевели» еще в школе, расшифровав как Обязательный Минимум Электрического Освещения, а чтобы не забыть, посоветовали запомнить подходящее по звучанию имя – например, АМЕЛИЯ. Судя по аккуратным буквам на стене рядом с лестницей эти третьей технической категории, то есть в данном случае АМЕЛИЯ-ТКЗ. Мы сурверы вообще обожаем придумывать словосочетания, аббревиатуры, нормы, а затем заставляем остальных их зазубрить и следовать этим правилам. Может и разумно – раз Хуракан существует до сих пор и по-прежнему защищает от всех опасностей радиационного мира.

Вот только тут внизу, несмотря на предусмотренные строгие нормы, вообще никакой «Амелии» не было, чтобы составить мне компанию – темно будто глаза выкололи. Не работает ни одна лампа – хотя в луче зажженного фонаря я вижу установленные «вечные» трубки светильников, установленных на левой стене через каждые десять метров. К ним исправно подведены провода, входящие в расположенные неподалеку щиток. И в него я залез первым делом, открыв с помощью отвертки. Пробежавшись глазами по рубильникам – мощным, медным, выглядящим так, будто ими не свет в коридоре врубают, а что-нибудь куда серьезней – безмятежно распутал одну из проволочных пломб и переключил. В коридоре с звонкими щелчками начали зажигаться лампы. Погасив свой фонарь, я второй раз прочитал стоящую на щитке пластиковую табличку, хмыкнул и пошел по своим делам. Через мелкий трафарет на табличке было написано: «Свет НЕ ВРУБАТЬ! Экономим!».

И снова я заметил разницу в своем поведении тогда и сейчас. Раньше я бы и щиток открыть не посмел. Ну нахер его трогать! Проблем лишних на голову искать! Пошел бы дальше со своим фонарем, тратя зарядку и рискуя расшибить башку о какую-нибудь ржавую трубу. Но те времена в прошлом. И плевать на

явный посыл бригадира не включать освещение.

И дело не в боязни темноты – ее я не боялся абсолютно.

Дело в площади этого лабиринта тесных коридоров, раскинувшегося под огромным спортивным комплексом не только в разные стороны, но и в глубину. Мне предстоит четыре часа блуждать по двумя уровням, соединенным вертикальными лестницами. И выход отсюда только один – вон он над моей головой. Остальные заперты снаружи и их не открыть просто так – там либо на болты затянуто, либо сваркой заварено. И мне придется крайне тяжело, если зарядка фонаря сдохнет в противоположной стороне выделенного для осмотра участка. Как возвращаться назад? Уровни перегорожены таким количеством решеток, будто кто-то реально поставил себе цель максимально осложнить досмотр этих помещений. И быть подопытной крысой я не собирался.

А вообще мне очень повезло. Заразившись словами Бишо о буднях разведчиков в буферных зонах и проникнувшись его презрением к обычному спорту, к чистой силе, выражающейся в умении, скажем, выжать от груди двести килограммов, я захотел протестировать свои наверняка скромные физические возможности. Вот только я не имел подходящей для этой цели площадки – до этого момента. Теперь же я, пусть и временно, был полновластным хозяином запутанных помещений под бассейном и этот шанс упускать не собирался.

Начал я скромно – с максимально придирчивого осмотра подвешенных под потолком труб и осмотра пола. Как только замечал мокрое пятно, включал фонарик и внимательно выяснял с чем имею дело – банальный конденсат, общая сырость или все же протечка. Спустя пару часов честной работы я отыскал четыре серьезные течи и больше семнадцати подтеканий, преимущественно в местах соединений. Отметив все находки на схеме, я прошелся по ней лучом налобного фонаря и тихо рассмеялся – все ясно. Чем ближе к входу, тем идеальней состояние труб, а чем дальше и глубже, тем больше протечек и это я еще не добрался до самого края. Кто бы не нес ответственность за этот участок, работу он свою выполнял из рук вон плохо. На этом я посчитал свою сегодняшнюю задачу полностью выполненную, убрал в сумку схемы, присел на корточки у ближайшего угла, мысленно выругав себя, что не прихватил с собой одну из тех самодельных мини табуреток с каркасом из крашенной арматуры и деревянной доской. Их в рыбных прудах полно – и неспроста. Повсюду холодный бетон и сидеть на нем не рекомендуется. Поэтому работяги таскают с собой такие вот табуреточки, чтобы работать и отдыхать с

удобством. Достав сверток с бутербродами и бутылку с чаем, я плотно перекусил и меня сразу потянуло в сон. Заставив себя подняться, я занялся главным делом на сегодня – бесцельным при взгляде со стороны блужданием.

Я и до этого изрядно устал спускаться и подниматься по вертикальным лестницам, поднырывать под трубы и перебираться через них же. Ну а сейчас я постарался ускориться, а добравшись до щитка, отключил освещение и пошел обратно, освещая себе путь только фонарем. В голову пришла еще одна «гениальная» мысль и на прямых свободных участках фонарь я начал отключать и шагать в темноте, скользя рукой по стене до тех пор, пока она не касалась заранее отмеченным взглядом препятствия.

Добираясь до очередной вертикальной лестницы, я дважды спускался и поднимался, прежде чем идти дальше. В результате уже через полтора часа я едва волочил ноги, руки ныли и ощущались распухшими. Поняв, что выбрал свой лимит, я сдался и выбрался из чертового лабиринта. Я устал настолько сильно, что отказался от еще одной задумки, отложив ее на завтра – если у меня выгорит мой простенький неказистый план. Несмотря на усталость, я не забыл закрыть за собой люк на задвижку и навесной замок.

Где тут дежурный бригадир? Надеюсь, он в кафешке взбадривает себя крепким чайком.

И я не ошибся. Дежурный бригадир стоял у стола с большим самоваром, украшенным символикой Россогора. Там же стоял большой стакан в жестяном подстаканнике и с ложкой внутри. Но бригадир чайком не баловался и не наливал его себе. Вытянувшись по струнке, держа руки по швам, он старательно делал доклад стоящему перед ним невысокому лысоватому мужичку. Еще двое стояли у дальней стеночки и старались не шевелиться, чтобы не привлекать к себе начальственного внимания.

Дуглас Якобс.

Войти я еще не успел, стоял в стороне от дверного проема и поэтому просто отшагнул обратно в коридор, чтобы не…

- Здравствуй, Амос – спокойный голос звучал с легкой озадаченностью – Передумал пить чай, парень?

Заметил все же… Я невольно поморщился, возвращаясь ко входу в кафе. В прошлый раз мне было как-то пофигу, когда я докладывал о плачевном состоянии вентиляции. Но тогда я рассказывал это обычному дежурному бригадиру, а тут сам Дуглас Якобс, широко известный своей жесткостью и неумолимостью.

- Утро доброе – поздоровался я – Просто не хотел мешать

разговору.

- Похвальная вежливость – хмыкнул он, жестом отправляя бригадира в сторону, где жались к стенке еще два младших чина из ночной смены – Ты пока не уходи, Мартин, хорошо?

- Да я тут! – придушенно пискнул бригадир – Куда я денусь…

- Вот именно – кивнул Дуглас и опять сосредоточился на мне – А что ты тут собственно делаешь, парень?

- Работал – ответил я – Надо ведь зарабатывать на жизнь.

- Зарабатывать надо – кивнул он – Это прямо обязательно для каждого уважающего себя сурвера. Я вот тоже стараюсь не превратиться в сонного трутня.

Заметно… сейчас четыре часа утра по-нашему внутреннему распорядку. Все начальники похрапывают и видят только третий сон из семи запланированных. А Дуглас Якобс уже здесь и выглядит так, будто прекрасно выспался. Свеж, внимателен, свежевыбрит, пахнет одеколоном.

Поняв, что я не собираюсь поддерживать разговор, он глянул на бригадира:

- И чем именно ты озадачил работящего молодого сурвера, Мартин?

- Эм… - бригадир замялся, явно пытаясь сообразить, как сообщить высокому начальству новость о том, что он, вопреки всем правилам безопасности, отправил меня в одиночный досмотр туда, куда остальные боялись и уже вторые сутки саботировали задачу. А ведь ему самому бояться особо нечего – ну нарушил правила, так ведь ради выполнения важной задачи. А вот его сменщику из дневной смены может не поздоровиться…

- Эм… - повторил Мартин – Тут такое дело… осталась у нас одна невыполненная в срок задача… не успели в дневную смену… и… эм…

- Так что за задача? Мне клещами из тебя ответ тащить?

Я ответил за бригадира:

- Обычный досмотр технических помещений под главным бассейном. Ничего серьезного или тяжелого.

- Под бассейном? И с кем ты туда спускался?

- Ни с кем – спокойно произнес я и, прежде чем он успел хоть что-то сказать, добавил – Я сам так захотел. Моя идея и мои условия.

- Твои условия – медленно повторил Дуглас, вглядываясь мне в глаза – И с чего бы это? Почему не взял с собой напарника? Это ведь азы безопасности, сурвер. Этому в школах учат.

Я пожал плечами:

- Напарника не захотел.

- Почему?

- Хотел побыть в тишине – просто ответил я – По натуре я вообще одиночка. Да и не из кого было выбирать. Я когда пришел, тут шестеро шатающихся и воняющих перегаром мужиков только было. Никто из них и получаса работы там внизу не выдержит.

- Это правда – поддакнул Мартин и развел руками – Рабочих рук не хватает, мистер Якобс. Я уже какой раз докладную записку пишу.

- Читал – буркнул Дуглас – Читал… постараюсь найти в ночную еще трех-четырех человек в ближайшие дни.

- Спасибо! А то мои уже с ног валятся.

Кивнув бригадиру, он отступил от стола с самоваром, приглашающе махнул на стаканы и как бы между делом спросил:

- Ну и как прошел досмотр, сурвер?

Все же спросил… ну вот и пришла беда в чей-то дом… А мне не плевать? И ответ – еще как плевать.

- До конца осмотреть не удалось – устал. Но завтра готов продолжить.

- Ничего не нашел?

- Нашел…

- В подобных случаях все найденное вроде как на схеме отмечают. Тебе с собой схемы помещений выдали?

- Выдали – вздохнул я, доставая из сумки свернутые пластиковые листы – Отметки сделал, как и положено.

- То есть проблемы там все же есть. И сколько их? – спросил он, беря рулон одной рукой, а другой доставая очки из нагрудного кармана – Протечки? Одна? Три?

- Насчитал четыре серьезные течи и семнадцать подтеканий – ровно произнес я, своими словами прямо сейчас лишая кого-то работы и скорей всего ломая человеку карьеру – Вода уходит в сливные решетки, но пара стоков уже забита и есть разливы.

- Погоди… сколько-сколько? Четыре прямо течи и семнадцать подтеканий? И насколько серьезные течи?

- Да порядочные. Прямо хлещет из соединений. Я бы подтянул, но там прокладки меня надо.

- О-хре-неть… - по слогам произнес Дуглас Якобс, открывая схему и пробегаясь глазами по схеме – И это ты еще не везде побывал, говоришь.

- Не везде – признал я – Устал. Но завтра…

- Завтра готов повторить – кивнул он – Я слышал. Эй, Мартин… а ты слышал слова этого сурвера? Про четыре течи и семнадцать мать его подтеканий…

- Слышал – кивнул бригадир.

- Кто ответственен за тот участок?

- Я… да я… не совсем уверен, мистер Якобс. Кто-то из старших техников дневной схемы.

С хрустом сжав схемы, Дуглас Якобс с шумом выдохнул воздух и зашагал к выходу, бросив на ходу:

- Давай за мной, Мартин! И вы двое тоже! Живо!

Все ломанулись за ним и вздрогнули, когда из коридора прогрохотало яростное:

- Тварь!

Комната опустела. Пожав плечами, я шагнул к столу, открывая сумку – самое время запастись бесплатной едой на следующий день и пополнить бутылку чаем. А затем пошустрее свалить отсюда, не дожидаясь оплаты – завтра заберу. Хотя не факт – мне сейчас почти также плохо как после избиения Сержем Бугровым. Я едва шевелюсь, а мне еще до комнаты как-то ковылять надо…

**

Большую часть дня я спал и проснулся к шести вечера, если верить откупным часам Шестицветиков. Смешно – я то и дело забывал о чертовой псевдо-спортивной, а на самом деле бандитской группировке, но стоило бросить взгляд на циферблат древних часов и это мгновенно оживляло воспоминания и укалывало злостью. Твари разбили мамины часы. Твари избивали меня. Я не простил и не верю их призывам забыть старые обиды. И какой вывод, сурвер? Да простой – не надо откупаться от врагов вещами, которые всегда будут напоминать о тебе. Если откупаться – то только безликими деньгами. Их потратил и забыл…

Размышлял я на эту тему, продолжая валяться в кровати, не просто так – я боялся снова пошевелиться. При пробуждении повернулся на бок и… едва не заорал от пронзившей все тело сильнейшей боли, исходящей, похоже, не только от поврежденных мышц, но и от суставов и связок. Не болели только лицо и уши, а все остальное… такое впечатление, что мне в мясо и кости ввинчивают ржавые шурупы… Впервые в жизни у меня болели даже пальцы ног, причем как изнутри, так и снаружи – оказалось, что вчера я начерпал голенищами чуток воды и стер кожу до крови. Руки в локтях едва сгибались и, хотя меня убивала жажда, пришлось её терпеть еще четверть часа, пока я осторожно разрабатывал мышцы и усаживался на кровати. Вот что я делал этой ночью? Ерунда ведь, казалось бы, если разобрать на составляющие. Я много ходил, десятки раз спускался и поднимался по вертикальным лестницам, перебирался через препятствия и подлазил под них, почти сутки оттаскал на спине специально утяжеленную непромокаемую сумку. Всего-то… а

ощущение будто меня молотком избили, пройдясь им по каждой части умирающего от боли тела…

- Надо что-то с этим делать – едва слышно простонал я, когда утолил жажду – Иначе сдохну…

Клин клином вышибают, а контрастной ванной добивают.

Мне стало чуть легче, когда я, потихоньку разминаясь, покряхтывая, дошел до банного комплекса Чистая Душа, а после долгого отмокания сначала в холодной, затем в горячей и снова холодной ванне почти боль утихла и ко мне вернулась некоторая свобода в движениях. Вернувшаяся жажда заставила выпить пару литров воды, тяжелым грузом легшей в содрогающемся от рвотных позывов желудке. Продлив свое пребывание еще на два часа, лежа в исходящей паром ванне и глядя в потолок, я констатировал очевиднейший факт:

- Я дебил.

Подтверждая диагноз, с потолка сорвалась тяжелая гроздь капель конденсата, разбившись о мой воспаленный лоб.

Я переборщил с физическими нагрузками. И уже чувствую что-то вроде подступающей сильнейшей простуды или чего похуже: нос истекает соплями, легкая головная боль, тошнота и озноб. Если не полегчает в ближайшие часы, придется топать в медпункт и просить лекарства. Чуть сдвинувшись в заполненной наполовину горячей водой ванне, я прикрыл глаза и замер, погружаясь в дрему…

В медпункт я не пошел – незачем было. После затянувшихся водных процедур мне полегчало, а проснувшийся зверский аппетит заставил направиться к источнику съестного – в магазинчик госпожи Таулус. Шагал я довольно бодро, ощущая скованность везде кроме полностью ожившим ног, что неудивительно после моих многочасовых пробежек и ходьбы.

Добравшись до знакомого переулка, я свернул, обрадованно зыркнул на открытое окно и сунул руку в карман, нащупывая деньги.

- Славного и доброго, госпожа Тау… - я осекся, когда в нос ударил душный запах дыма и говна, и едва не закашлялся.

Какого хрена?

Сумрак по ту сторону превращенного в прилавок подоконника качнулся мне навстречу, обрел более четкие очертания и наконец явив коридорному свету обрамленное черным платком знакомое морщинистое лицо с недовольно поджатыми губами и разросшейся багровой опухолью на носу.

Культистка Сувонн… а эта тварь что тут забыла?

Заметив мое замешательство, старуха радостно осклабилась

почернелыми зубами и, дохнув гнилью и все тем же дерьмом – жрет она его что ли?! – сказала:

- А вот и герой шестого уровня собственной персоной – сурвер Амадей Амос… Давненько не виделись.

- Где госпожа Таулус? – спросил я и старуха удивленно заморгала и чуть подалась назад, пораженная требовательностью в моем голосе.

- И не поприветствовал ведь даже…

- Я здоровался – возразил я, поверх ее головы пытаясь разглядеть содержимое погруженного в темноту помещения.

Увидел я мало и много одновременно – стоящие на полу ящики, старый шкаф с распахнутыми створками и кровать с поднятым на ребро матрасом. Вот черт…

- Здоровался – кивнула культистка – Да ведь не со мной, а…

- Ах ты ж! – выдохнул я и мой кулак с силой впечатался в подоконник.

Руку и плечо пронзила боль, но я не обратил на нее внимания, глядя на едва виднеющуюся кровать.

В Хуракане есть традиция сразу же после смерти кого-либо отправлять его постельное белье в стирку, а матрас поднимать и ставить на ребро, оставляя так хотя бы на несколько дней. Рядом зажигался небольшой светильник, работавший до тех пор, пока хватит заряда батареи. В некоторых семьях и общинах принято завешивать тряпками зеркала и оставлять все двери нараспашку – уж не знаю зачем. Гораздо позднее появилось мерзотное новшество – запаливать дымные спирали с добавлением экскрементов и оставлять в помещении для окуривания. Само собой это новшество ввел Культ и, само собой, делал он это не бесплатно.

Матрас был поднят. И под ним тускло светил фонарик, в чьем свету медленно извивалась струйка дыма.

Вот же черт…

- Ты чего?! – удивительно проворная для своего возраста культистка отпрянула назад – А ну!

- Умерла – выдохнул я – Госпожа Таулус умерла…

- Умерла-умерла! – закивала культистка и, поняв, что моя вспышка эмоций направлена не на нее, снова подошла к окну – А я уж провожаю ее душу в последний путь. Тело-то уж второй день в грибнице покоится.

- Бедная Галатея… - тихо сказал я, опираясь ладонями о подоконник – Холисурв…

- Да уж бедная – закивала старуха – В таком юном возрасте…

- Мать потеряла…

- …и умерла… - договорила культистка.

- Умерла – машинально повторил я и вздрогнул – Стоп! Что ты сказала?!

В затылке часто запульсировало, в вены словно добавили обжигающего кипятка.

- Что ты сказала?! – я почти кричал.

В блеклых глазенках культистки сначала было испуганное удивление, а затем вдруг появилось понимание, и она снова заулыбалась:

- Так ты не знал, что ли, Амос? Как же так? Ты ведь частенько сюда заглядывал… Галатея то умерла! Уж дня четыре как! А мать ее и так больна была, а как новости получила так и совсем слегла, а вскоре и преставилась… АЙ! – она пронзительно вскрикнула, вдруг приподнялась на цыпочки, потянулась ко мне, упираясь при этом ладонями в край разделяющего нас подоконника – АЙ! Ты чего творишь?! А ну! А ну!

- Галатея умерла? – повторил я, когда лицо мерзкой старухи оказалось в считанных сантиметров от моего.

- Отпусти! Засужу! – она странно дергалась, будто ее что-то удерживало на месте.

Опустив глаза, я с некоторой заторможенностью проследил глазами по своей руке от локтя до ворота покрывающего бабку темного одеяния и понял, что не она ко мне наклонилась, а я, сам того не заметив, схватил ее чуть ли не за глотку и подтянул к себе. В голове продолжала пульсировать кровь, испуганная бабка медлила с ответом и мне сильно захотелось ударить ее лицом о подоконник да так, чтобы замолкшие вдруг губы в кровь и нос набок. Я даже представил себе это с удивительной четкостью – как ее орущее лицо расплющивается о бетон, как летят брызги крови…

Не знаю, что культистка там прочла в моем застывшем маской лице, но сопротивляться она перестала и часто-часто затарахтела:

- Да умерла Галатеюшка, умерла родимая! Погибла, вернее сказать! Поднялась куда-то высоко из любознательности – новое место ведь. Перегнулась через перила и наклонилась чуть сильнее чем надо. Ну и упала с высоты большой! Шею вроде как сломала… Такое вот горе страшное! А как новости черные до матушки ее дошли, так и она долго на этом свете не задержалась.

- Упала… - повторил я.

- Упала и разбилась. Свадебку недавно сыграли, а вот муженек ее уже и овдовел… горе горюшко! Амос… ты бы отпустил меня, а? Понимаю, что потрясен… понимаю… но ты же из меня жизнь вытряхнешь сейчас… дай воздуху глотнуть…

Пальцы я разжал с трудом. Тяжело дыша, отступил на шаг – и

культистка повторила меня зеркально, отступив в темноту и оттуда пронзительно заклекотала:

- Ты чего хватаешь, а?! Ты кто такой, а?! Кем себя возомнил?! Я сейчас охранку вызову и посмотрим, как ты в участке запоешь! Тварь! Не сурвер ты! Не сурвер! И никогда им не был!

Я взглянул на нее… и она заткнулась. Некоторое время я неподвижно стоял в коридоре и смотрел в лицо этой застывшей черной фигуры, источающей почти видимую злобу и душную вонь паленого дерьма. Наконец я повернулся и пошел прочь, глядя перед собой. Успел сделать шагов десять, когда из окна осиротевшего магазинчика высунулась старушечья голова и, уж не знаю почему, но куда более мягким голосом затараторила:

- Ладно уж… вижу, как потрясен ты, Амос. Видать друзьями вы с ней были… а может семьями дружили? Я зла на тебя не держу! А ты как мимо молельни идти будешь, так не пожалей десятки динеро для ритуала поминального! Как никак тут целая семейная линия оборвалась – потомков у них нет…

Госпожа Таулус умерла.

Галатея погибла…

Семейная линия оборвалась…

В голове звучали слова лежащей у меня под боком живой, горячей и нагой девушки с красивым именем Галатея, сказанные ей во время нашей последней встречи у меня в комнате.

«Это взрослая жизнь, Амос. В ней нет чудес и нет ничего сказочного. А у меня последний день свободы».

Тогда же она отправила меня за фальшивым ликером и двумя сурвдогами со всеми добавками, а она сонно улыбнулась мне вслед:

«А я пока вздремну… и пусть мне приснится будущее, которого у меня никогда не будет…»

Она осознанно выбрала спокойную обеспеченную жизнь вместе с мужиком втрое старше ее, зрело рассудив, что скоро тяжелобольная мама умрет и ей придется совсем тяжело. Она сделала правильный выбор и… ее жизнь оборвала случайность. Полезла куда-то высоко и сорвалась…

Не дойдя нескольких шагов до своей двери, я резко остановился.

Полезла высоко?

Я знаю… вернее знал Галатею уже очень давно. Мы часто общались у их магазинчика, и я вел себя вечно смущенным полудурком. Как-то я, чтобы заполнить хоть чем-то внятным очередную повисшую паузу, рассказал о своей грязной работе, о спусках по железным звенящим лестницам… и тогда же Галатея обхватила себя руками и замотала головой, потребовав не

продолжать. А ее мама, собиравшая мне покупки, ворчливо пояснила, что ее дочь до жути боится как высоты, так и слишком больших помещений и скоплений народа. Но высоты она боится куда сильнее. Акрофобия критической степени. Уже не раз падала в обморок, вцеплялась намертво в перила, висла с визгом на людях и не могла встать даже на табурет. Договорить ей не дали – Галатея возмущенно прервала и потребовала прекратить рассказывать всем о семейных делах. Ну и подтвердила со смущением, что с высотой у нее все очень плохо. Я не удивился – мы сурверы, мы живем в подземных стесненных пространствах и у нас куча фобий и прочих психических расстройств.

Так или иначе, но культистка явно что-то напутала или ей неправильно рассказали – Галатея ни за что не полезла бы даже на стремянку. Поднять куда-то высоко? Перегнуться через перила?

- Ошиблась – пробормотал я, доставая ключ – Просто старуха ошиблась…

Глава 7

Глава седьмая.

После действительно сокрушительных новостей на меня накатила апатия, прекрасно сработавшаяся с физической усталостью. Следующие сутки я кормил только тело, но не разум. Ни единой прочитанной строчки. Ни одной завершенной мысли. Я не думал даже о Галатее и незавидной судьбе ее семьи. Я вообще ни о ком и ни о чем не думал. Просто выпал из реальности, рухнул на койку и затих. Вставал я только по физическим надобностям – поесть, попить, наведаться в туалет. Потом на меня накатило и я наведался в магазинчик, где прикупил рыбу, какие-то сэндвичи и плоскую пластиковую бутылочку сурверской водки. Вернувшись домой, выпил все, не чувствуя обжигающий вкус алкоголя, заел рыбой, понял, что двухсот пятидесяти граммов не хватило и пошел обратно, вернувшись уже с половиной литра. По пути встретил группу неодобрительно уставившихся на меня старичков и ответил им таким же оловянным застывшим взглядом. Полностью выпить принесенное не смог – отрубился. Но наверстал упущенное через пяток часов, потом поел чего-то и снова отключился.

Проснулся к обеду и первое, что ощутил так это сокрушительную боль в голове. Сначала скривился, а затем улыбнулся, вдруг поняв, что жестокая боль мне нравится – во-первых я ее заслужил, а во-вторых, ей удалось пробиться сквозь окутавший меня серый туман безразличия. Поняв, что в комнате нет столь нужной сейчас воды, я с мечтой подумал о комнате с собственными удобствами и направился за всем необходимым, чтобы привести себя в относительный порядок. И я ничуть не удивился, узнав, что в том магазинчике у рыбных прудов Якобс имеется свой уголок «опохмелки», где седенький дедушка с отеческим понимающим взглядом принял из моей дрожащей руки пять динеро, после чего прямо на моих глазах молниеносно приготовил в знакомом пластиковом стакане с поперечной красной чертой зеленый коктейль. Делалось все на виду, и я успел заметить водорослевое пюре, сырые яйца, стограммовую порцию вроде как водки – меня мгновенно замутило – нечто вроде слитого из банки рассола и еще пяток различных ингредиентов. Сначала мне дали аккуратный и уже открытый бумажный крохотный пакетик и, следуя указаниям, я высыпал себе на язык горчайший порошок какого-то лекарства, и чтобы смыть этот вкус приник к стакану. Коктейль оказался густым, склизким, соленым и почти живым, отвратной змеей вползя мне в

желудок. Тяжело дыша, я вернул стакан, кивнул дедушке, тот улыбнулся и кивнул на прощание, добавив, что мне следует неспешно походить. Этим я и занялся.

Пока шел до комнаты, мне стало настолько хреново, что я уже собирался выблевать из себя мерзкое пойло… но едва подумал об этом и мне мгновенно полегчало. Я выпрямился, перед глазами посветлело, в ушах перестала пульсировать и разжался стискивающий виски свинцовый обруч. Когда я добрался до родной двери, чувствовал себя уже настолько хорошо, что решил не откладывать важное дело еще на сутки. Переодевшись в чистое, я убедился, что щетина на щеках еще не столько критична, спрятал папку и сурвпад в сумку, не забыл убрать отвертку за пояс сзади, сунул членский билет в карман и пошел к новому офису ВНЭКС.

**

Главное помещение, где недавно разливали пунш, толкались локтями красивые дамы и обнимались серьезные сурверы, теперь выглядело совсем иначе. Несколько сурверов в темного цвета комбинезонах, с партийными символами на груди, сидели за придвинутым к выходящему на коридор окну и занимались разборкой почты. Конвертов хватало – что еще раз доказывало мощь нашего бумажного производства и растущее богатство Якобс. А каждый проходящий мимо видел с головой погруженных в работу членов ВНЭКС. У противоположной стены два хмурых техника монтировали стойку с драгоценными у нас экранами, по полу змеились провода, тут же прохаживался деловито покрикивающий толстячок, не обративший на меня никакого внимания. Да ему и не требовалось – я не успел и шага за порог сделать, а меня уже встретил широко улыбающийся плечистый парень с внимательными глазами.

- Доброго и славного, сурвер! – поприветствовал он меня.

- Ага – односложно ответил я.

- Желаешь вступить в наши крепкие и дружные ря…

- Уже вступил – буркнул я, показывая удостоверение – Мне к…

- Он ко мне, Тадеуш!

Мы оба взглянули на стоящую у дальней двери девушку – ту, что так профессионально обыскала меня в прошлый раз. Пройдя мимо парня, я пересек помещение, прошел в коридор и остановился перед невысокой шатенкой и сразу доложил:

- В сумке инструмент, сурвпад и папка, за поясом отвертка.

- А почему отвертка не в сумке, а за поясом?

Вместо ответа я пожал плечами, после чего убрал отвертку в сумку, вытащил папку и сурвпад, уложил все на небольшой

столик и приподнял руки:

- Обыскивайте.

Дважды предлагать не пришлось, а еще через минуту я уже входил в кабинет Инверто Босуэлла, с едва слышным напутствием в спину:

- Тебе повезло, сурвер – он только что вернулся с третьего уровня и у него хорошее настроение.

Кивнув, я попытался сообразить зачем мне его хорошее настроение, но на ум ничего не пришло, и я просто поздоровался, опуская папку на его стол:

- Доброго и славного, мистер Босуэлл.

Сегодня он был в уже знакомом мне комбинезоне поверх серой рубашки с черным воротником. От него пахло одеколоном и слегка алкоголем, а еще он широко улыбался и сразу указал на кресло:

- Присаживайся, Амос. Рад тебя видеть. Честно говоря, я думал, что ты придешь раньше. При этом я был уверен, что папку ты прочтешь еще быстрее, но затем решишь выждать пару дней, чтобы не показать, насколько сильно ты заинтересован работой на ВНЭКС.

- Хм…

- Я неправ?

- Я хотел прийти раньше – ровно ответил я, стараясь не выдать своего удивления – И пришел бы еще сутки назад…

- Но? Что-то случилось? Следов драки не вижу, в сводке происшествий по шестому уровню о тебе ни слова. И нет, я не отслеживаю специально твое имя, но сводки просматриваю каждое утро. Часть моей работы.

- Да ничего такого не случилось – сказал я – Получил пару плохих для меня новостей, после чего решил немного выпить.

- Ничего такого не случилось… - повторил Босуэлл, откинувшись на спинку кресла и внимательно глядя на меня – Не верю. Случилось что-то действительно серьезное. По глазам твоим вижу.

- Это личное.

- И все же – улыбнулся он – Не расскажешь, что произошло?

- Зачем?

- Вдруг я смогу помочь? Ты теперь один из нас, Амос. Да я помню, что ты не особо рвался в ряды ВНЭКС, но официально ты один из нас. И если я смогу помочь, то…

- Не сможешь. Никто не сможет – вздохнул я и, чтобы закончить уже эту тему, пояснил – С разницей в несколько дней умерло двое моих хороших знакомых. Мать и дочь. Сказал же – это личное. А насчет папки и порученного мне дела…

Подавшись к столу, Инверто остановил меня коротким властным жестом и включил стоящий на краю стола терминал. Операционка загрузилась мгновенно и через несколько секунд он уже щелкал клавишами. Перебрав несколько меню, загрузил короткий список – я видел часть повернутого экрана – и начал читать вслух, после каждого имени глядя на меня:

- Архимед Давыдов. Восемьдесят девять лет. Причина смерти – обширный инфаркт. А он неплохо пожил…

Взгляд на меня и снова на экран:

- Нет не он. Только ничего не говори, Амос. Я сам. Химма Санчес. Восемь лет. Причина смерти – черепно-мозговая травма. Несчастный случай.

Взгляд на меня…

- Нет. Не он.

- Это для тебя какая-то веселая игра в угадайку?

- Игра? – посмотрев на меня, он покачал головой – Нет, Амос. Не игра. Следующий… Галина Таулус. Сорок три года. Причина смерти… о… твое лицо говорит само за себя. Значит, Галина Таулус?

- Госпожа Таулус – кивнул я – Владелица небольшого магазинчика.

- А вторая смерть?

- Ее дочь. Галатея Таулус. Но это ее девичья фамилия и скорей всего она ее сменила, когда вышла замуж.

Пробежавшись глазами по списку, Инверто удивленно качнул головой:

- Тут ни слова о Галатее. В сводках ошибка?

- Ее имя есть в сводках – ответил я, стараясь скрыть подкатившее раздражение от его бесцеремонности – Но в сводках по пятому этажу. Она недавно вышла замуж и переехала к мужу.

- А причина смерти?

- Как мне сказали – несчастный случай – буркнул я – Послушай, Инвертор… это мое личное дело, и я не понимаю почему мы продолжаем его обсуждать. Я просто пояснил причину своей задержки с папкой и…

- Тогда почему у тебя стали такие странные глаза, когда я спросил о причине смерти Галатеи Таулус?

- Не понимаю…

- Ты спрашивал не затеял ли я веселую игру в угадайку с именами умерших. Нет, не затеял. Но я всегда готов проверить свои навыки считывания эмоций даже по самому малейшему поводу. Нет пределов совершенству, верно?

Я промолчал, но его это не смутило:

- Я политик. И я должен читать в глазах и лицах людей,

которым пожимаю руки и с кем веду дела. И я сразу цепляюсь за любую уловленную странность. Когда я упомянул старшую – Галину Таулус – у тебя в глазах мелькнула грусть, уголки губ поползли вниз. Когда же речь зашла о Галатее, ты вдруг сжал челюсти, чуток набычился, сузил глаза и посмотрел в сторону и вниз. И это помимо прочих невербальных признаках замешательства и злости.

- И что с того?

- Ну… Тебя явно что-то тревожит. И ты продолжаешь об этом думать. Вот что я бы сказал, взглянув на твое лицо. И либо Галатея была кем-то действительно важным для тебя… например, бывшей девушкой и…

- Нет! – отрезал я, не собираясь признаваться в нашей с ней скоротечной связи – Мы не встречались. Но общались. Чисто как друзья.

- Когда я спросил о причине ее смерти ты сжал челюсти так сильно, что я испугался за твои зубы. Что не так, Амос? Послушай, раз я заинтересовался, то все равно узнаю причину ее гибели. И узнаю в подробностях.

- А мне расскажешь?! – на этот раз уже я подался вперед, привстав с места и сверля взглядом вскинувшего брови Босуэлла – Мне расскажешь потом эти подробности?

- О-ого… - выдохнул он – А день становится все интересней. Что ж – расскажу. Но давай сначала ты…

Взяв паузу в несколько секунд на обдумывание, я пожал плечами. Мне скрывать нечего. Но сначала я предупредил:

- Это все может оказаться обычным испорченным телефоном.

- Это когда передаваемая из уст в уста информация искажается?

- Верно. Дело было так…

Говоря достаточно быстро, но стараясь не частить и не повторяться, я рассказал все, что знал о обстоятельствах замужества Галатеи и о ее гибели, якобы связанной с падением с какого-то высокого места, где она то ли решила перегнуться через перила, то ли оступилась.

- Боязнь высоты? – переспросил Босуэлл, когда я закончил – Ты уверен?

- Полностью – уверенно ответил я – Галатея подтвердила мне это лично. Ее это жутко бесило, но со своим диким страхом высоты она ничего поделать не могла. И она ни за что не сумела бы подойти так близко к любому краю, чтобы с него упасть.

- Прямо загадка… - хмыкнул он, снова опуская руки на клавиши – Ты сумел заинтересовать меня, Амос. Подожди-ка пару минут…

- Культистка могла ошибиться. Или ей неправильно рассказали.

- Зато в сводке ошибок быть не должно – ответил он, выжидательно глядя в экран.

Насколько я понял, он кому-то отправил сообщение и теперь ждал ответа. Вскоре терминал пикнул, Инверто ввел торопливо текст, выждал полминуты и как только терминал запищал, ударил пальцем по зеленой клавише, другой рукой доставая из-под столешницы уже виденный сегодня пластиковый бокал с красной чертой. Я живо вспомнил вкус коктейля и к горлу подкатила тошнота.

- Галатея Санчес. Девятнадцать полных лет. Погибла. Причина смерти – несчастный случай, связанны с падением с большой высоты.

- Дерьмо! – выдохнул я и сжал кулаки – Нихрена не понятно!

- Сейчас станет понятней – заверил меня Босуэлл, наливая в бокал прозрачную жидкость из серебристой фляги. В нос ударил запах водки – Тебе налить?

- Не.

- Ты ведь пил недавно.

- И мне до сих пор нехорошо.

- Не умеешь пить – не пей – сказал Инверто, доливая бокал изумрудной жидкостью из пластиковой бутылки –Умеешь пить – пей и пой. Тут все просто. Научить тебя одному классному кокт… - договорить он не успел, так как на экране появилось новое сообщение.

Я с трудом удержал себя на месте. А Босуэлл, сделав пару больших глотков, неспешно прочитал послание, затем снова пробежался глазами и задумчиво пробормотал:

- Кто-то врет…

- В смысле? Что там говорится?

- Мой знакомый из охранки пятого уровня сделал одолжение и своими словами изложил часть официального заключения о причине смерти. Если вкратце – после небольшой вечерней семейной ссоры Галатея покинула их апартаменты, чтобы прогуляться в одиночестве и успокоиться. Гуляя, она дошла до круглосуточно открытого Музея Сурверов Хуракана, где решила подняться на третью обзорную лепестковую площадку, под которой ее позднее и обнаружил супруг. Вскрытие показало в ее крови наличие очень серьезного количества алкоголя. То есть она была пьяна, проявила неосторожность стоя рядом с не слишком высокими перилами и упала. Как возможная дополнительная причина – суицид.

- Бред! – кажется, я брызнул слюной да так сильно, что

долетело до поморщившегося Инверто – Гребаный бред!

- Алкоголь мог ослабить ее боязнь высоты? – поинтересовался Босуэлл, вытирая лицо платком.

- Нет!... Не знаю… - сбавив обороты, я плюхнул на место, чувствуя, как в голове просыпается злая пульсирующая боль – Но я даже не про алкоголь. Галатея ни за что не пошла бы в музей, чтобы успокоиться – уж точно не в сурверский.

Музей Сурверов Хуракана представлял собой вертикальный «разрез» различных сурверских убежищ. Раньше обзорные лепестки-платформы двигались в стороны и вверх-вниз по нажатию кнопки, но позднее их закрепили намертво на различной высоте и позициях, после чего приделали к ним довольно крутые лестницы. Да там были перила и нас всех туда водили в детстве. Но Галатея не смогла бы подняться по лестнице – она и на табурет встать не могла.

- Там один вход чего только стоит – дополнил я, напоминая наверняка бывавшему там Босуэллу про узкую платформу с прозрачным древним ограждением, за которым начинался обрыв.

Нижняя часть музея технически находилась на нашем шестом уровне и даже уходила еще глубже. Что-то вроде светлой обогреваемой каверны с разрезанными сотами в теле Хуракана. По оценке смотрящих – почти национальный грандиозный проект, показывающий мощь, хитрость и живучесть сурверов. По меркам Галатеи – страшная бездонная пропасть, начинающаяся сразу за входом. В ее случае – зайти и потерять сознание.

- Тут какая-то ошибка – повторил я, наверное, уже в пятый раз.

- Сделаем так, Амос – я узнаю все мельчайшие подробности, а при следующей встрече поделюсь с тобой – Босуэлл успокаивающе улыбнулся и пододвинул ко мне непонятно, когда налитый им точно такой же стакан с красной чертой – Выпей. И успокойся.

- А зачем это тебе? – спросил я, беря стакан с изумрудной светлой жидкостью.

Сегодня у меня день зеленых коктейлей с красной чертой?

- Ты мне – я тебе, Амос – улыбка Инверто стала шире – На том и держится политика, сурвер. На том и стоим.

- Да я-то что могу?

- Время покажет – ответил он и опустил ладонь на папку – А пока быстренько вернемся к нашим делам. Обсудим дела архивные, следом ненадолго вернемся к твоему краткому запою и разбежимся. Не хочу опоздать на семейный ужин.

- Хорошо – кивнул я и удивленно моргнул, поняв, что пропустил кое-что им сказанного мимо ушей – А зачем

возвращаться к моему краткому запою? Да и не пил я так чтобы прямо много…

- Сначала о папке – улыбнулся он, похлопав по картонному кирпичу – Ты закончил?

- Закончил. Полностью оцифровал, несколько раз проверил. Готов загрузить данные куда надо.

- С этим к моей помощнице. Готов взять следующую папку?

- Готов. Но хотел бы взять сразу две или даже три папки.

- Хотел бы? Или хочешь? Две или три папки?

- Хочу. Три.

- Причина?

- Мой график – ответил я чистую правду – Я либо бегаю – либо читаю. И то и другое у меня никак не нормировано. И то и другое может длиться часами. Проще взять сразу несколько архивных папок, оцифровать и так же вместе принести.

- А работа? Ты ведь где-то подрабатываешь?

- Подрабатываю. В рыбных прудах Якобс и только в ночную смену. Это еще одна причина взять несколько папок сразу – днем я обычно отсыпаюсь.

Чуток помедлив, Босуэлл медленно кивнул:

- Резонность твоих доводов признаю. И разрешаю взять сразу три папки. Следующий вопрос – он уперся пальцем с аккуратным маникюром в картонную крышку папки – Ты забрал что-нибудь отсюда, Амос? Но давай без вранья.

- И не собирался – ответил я – Взял из папки две фотографии. Документами их не считаю, сами фотографии оцифрованы. А для меня это предметы семейного характера. Умалчивать не собирался – планировал рассказать в конце нашего разговора.

- Смело ты… смело… Ладно. Предположим, я твою смелость оценил по достоинству, но как докажешь, что собирался рассказать, а не надеялся, что я просто не задам этого вопроса?

- Доказать? – почесав лоб, я указал взглядом на папку – Доказательства в самой папке. Там в конце пустая страница для примечаний архивариуса. Я, конечно, не он, но вписал туда, что забрал две фотографии.

Отхлебнув из своего бокала – не сводя при этом с меня испытующего взгляда – Инверто неспешно распутал завязки одной рукой, перевернул кирпич, открыл папку и проверил последнюю страницу. Тихо рассмеявшись, прочитал вслух:

- Амадеем Амосом изъято две фотографии – за номером четырнадцать и семнадцать. Причина: пополнение семейного архива. Ни с кем не согласовано, изъято самовольно. – допив бокал, он утер губы и тихо рассмеялся – Охренеть просто… Ты понимаешь, что сам на себя написал признание пусть в

небольшом, но все же преступлении.

- Понимаю – кивнул я.

- И на что расчет? Что я не сочту это чрезмерной наглостью?

- Верно. Я взял лишь пару старых фотографий из никому ненужной папки, годами валявшейся в каком-нибудь пыльном шкафу.

- Логично… Ты продолжаешь удивлять, Амос. Скажи честно – ты ожидал, что я задам эти вопросы или надеялся на удачу, а эти заметки сделал в расчете, что их никто никогда не прочтет и папка уйдет в переработку?

- Ты должен был спросить.

- Почему?

- Потому что знал о фотографиях моих родителей и не мог не понять, что это окажется важным для меня. Думаю, это еще одна проверка или что-то вроде.

- Что-то вроде – повторил Босуэлл, наливая себе следующую порцию – Ты убедил меня, Амос. И нет, это не очередная проверка. Но сурвер познается не на словах, а на своих делах – явных или тайных. Фотографии можешь оставить себе.

- Спасибо.

- Не за что – эта папка уже завтра отправится на измельчение и переработку. Допивай свой коктейль, и я налью еще порцию.

- Мне лучше не торопиться с выпивкой – возразил я – С меня хватило недавного похмелья.

- Пить надо уметь.

- Прямо вот надо?

- В политике – надо. Большая часть дел решается в приватных беседах с нужными людьми и с хорошей выпивкой. Так было до ядерного конца света – так продолжается и после него.

- А сейчас у нас именно такая беседа? Приватная и с нужным человеком?

- Конечно.

- Я просто чистильщик.

- Я знаю – кивнул Инверто, наливая мне новую порцию – Но у меня не бывает пустых бесед с ненужными людьми. Зачем тратить свое время зря?

Коктейль, кстати, оказался не слишком крепким, вкусным, но не сладким, как я ожидал, а опять соленым и с легкой приятной кислинкой. Похоже, сегодня точно день зеленых коктейлей с красной чертой.

- Поговорим о твоем кратком запое? – спросил Босуэлл, глядя мне в глаза.

Я невольно поморщился и возразил:

- Да не запой это был. Просто решил выпить после того, как

получил плохие новости.

- А кроме этого что-нибудь делал?

- Лежал. Спал. Пил. Что-то вроде… прострации?

- Ты впал в апатичный ступор, Амос. Так это называется на клиническом языке.

- Звучит страшновато. Но я ни во что такое не впадал.

- Точно?

- Точно – подтвердил я – Просто выпил, выспался и на этом закончил.

- Ну и хорошо – он снова улыбнулся и показал мне большой палец – Молодец, Амос.

- А в чем вообще такой интерес? Ну выпил я немного…

- Плевать на выпивку. Хочешь – пей, если умеешь пить. Но какими бы ни были плохие новости не впадай в безделье, Амос. Что бы не случилось – действуй. Читай, ходи, выполняй поставленные задачи. Смотри на мир хоть с ненавистью – но делай все, чтобы не выпасть из рабочего режима.

- Выполнять поставленные задачи? Кем поставленные?

- В первую очередь - тобой самим – ответил он – Задачи, поставленные тобой самим – самые важные. И если не выполняешь их, то саботируешь самого себя. Ты сурвер, Амос и должен понимать, что полагаться можно только на себя самого. В этом мире тебе никто и ничего не должен, а если и должен, то скорей всего постарается этот долг не отдать. И да я помню про братство сурверов и кодекс взаимопомощи, но мы ведь тут не дети на школьном умилительном празднике лжи, верно? И мы знаем, что рассчитывать можно только на себя. Вкалывай в поте лица, надрывай задницу, зарабатывай, становись сильнее, умнее и лучше других. Выживание – кредо сурвера.

- Кредо сурвера… - задумчивым эхом я повторил конец древнего высказывания – Я все еще не могу понять к чему такая забота обо мне? Я вам не дальний родич и не друг.

- Думаешь обо всех родичах следует заботиться? – Босуэлл удивленно фыркнул – Ну уж нет! Да и не забочусь я о тебе, Амос. Помнишь, что я сказал? Я тебе – ты мне. Вот так это и работает. Так устроен мир.

- Надеяться, что я когда-нибудь окажу ответную услугу…

- Почему «когда-нибудь»? Можно и сегодня сделать небольшое доброе дело на благо ВНЭКС – допив второй коктейль, он щелкнул пальцем по опоясывающей его красной линии – Знай меру, да?

- Меру надо знать – кивнул я, отставляя недопитый бокал – Доброе дело на благо ВНЭКС? М-м-м… нет, неинтересно.

Инверто медленно кивнул, не сводя с меня внешне

безразличного взгляда.

- А вот конкретно тебе, Инверто, я готов помочь, если смогу – дополнил я, глядя ему в глаза.

- Быстро учишься, сурвер – усмехнулся он – Быстро учишься… О… чуть не забыл спросить – а твоя подруга Галатея обращалась в медицинские учреждения со своей проблемой?

- Не знаю. Как-то не пришло в голову спросить.

- А их семейные документы? Архивы? Медкарты?

- Если и было такое, то все у них дома. А там давно уже копошится Культ.

- Там копошится Культ – повторил Босуэлл и, кивнув, резко отодвинул пустой бокал в сторону – Вот что тебе нужно для меня сделать, сурвер Амадей Амос…

**

Юкатанский Крест – так назывался перекресток, где сходились проспекты Рошшара и Центральный. Два главных коридора при «столкновении» образовали самое объемное пространство нашего этажа. И, само собой, здесь же находился главный лифтовый и лестничный створ, который подобно четырем вертикально поставленным иглам проходил через весь Хуракан, словно нанизав на себя все его уровни. Всего шесть вместительных лифтовых кабин – по три с каждой стороны в скошенных ради пространства противоположных сторонах перекрестка. Помимо лифтовых кабин был еще два пути вверх или вниз – куда более привычные сурверам лестницы. И надо признать, что каждая такая лестница была сделана на совесть – достаточно широкая, чтобы по ней могли плечо к плечу подниматься или спускаться сразу пятеро, шероховатые ступени были идеальной высоты и не знали сноса.

Помимо своей основной функции перекресток играл значимую общественную роль в жизни шестого уровня – как и каждый из точно таких же перекрестков на других этажах. Именно здесь в любой время дня и ночи можно было увидеть наибольшее количество сурверов, разбившихся на различные группы, занявших причудливо изогнутые скамейки, усевшихся прямо на пол под погибшими сухими оливами, с ветвями украшенными гирляндами огней и разноцветными ленточками. На стенах многочисленные барельефы и мозаичные панно, изображающие полуобнаженных индейцев среди джунглей, бредущих по мелководью гиппопотамов, исследующих местность инженеров, оценивающих местность на пригодность для постройки убежища, танцующие вокруг костра девушки в простецких белых длинных рубашках, с венками на головах и зеленеющими березами на заднем фоне. В общем на стенах была

полная мешанина, но мешанина красивая и талантливая – в свое время стены перекрестка украсила творческая молодежь Хуракана и работы длились несколько лет. Та молодежь давно уже мертва и сгнила в грибницах, а их творения продолжают жить и радовать взгляды прохожих.

Мне нравились эти творения, и я был бы рад приходить сюда почаще, но на Юкке, как прозвала перекресток все та же молодежь, не был очень давно. И по все той же застарелой причине – потому что я чмо, я Анус, сын дохлой уборщицы и вообще мне здесь не место. Разумеется, так решил не я сам, а мои куда более сильные и агрессивные сверстники, еще со школьной поры хорошо втрамбовавшие в мою голову эти прописные истины. И я проникся, все уяснил и появляться здесь перестал.

Да и зачем? Смотреть издалека с завистью как уверенные в себе парни знакомятся с красивыми девушками и понимать, что мне такого не светит? Не потому, что я урод – мне просто не позволят те самые «учителя» с их крепкими кулаками и злобными насмешками.

Но сегодня я сюда пришел. Хотя последние метров триста и выбора особого не было - меня неудержимо тащила по проспекту Рошшара возбужденно гомонящая человеческая волна. Большей частью тут молодежь, но хватает и куда более взрослых сурверов. Приливной волной нас выплеснуло на перекресток, где громко играла ритмичная музыка, а на мертвых деревьях радостно мигали огоньки гирлянд. Под высоким потолком крутились зеркальные шары, пара закрепленных там же проекторов слали на свободные участки стен кадры знаменитых у нас старых фильмов.

Причина такого оживления проста – официально снимается запрет на перемещение между уровнями Хуракана и заодно объявлено праздничное мероприятие в честь победы над перхотной чесоткой и в знак благодарности всем сурверам шестого уровня, проявившим такую взаимовыручку, терпение и солидарность. Будут танцы, угощения, фильмы и веселье.

Ну да… и сразу на ум приходят гребаные Шестицветики с их шипастыми битами и мячами из литой резины.

Я, погруженный в свои тихие дела, как-то пропустил информацию об этом событии. Но даже и знай заранее – не пришел бы. Все по тем же простым причинам что и прежде.

Но сегодня я здесь. В чистом комбинезоне. Свежевыбритый. Пахнущий дешевым одеколоном. У меня в руке старая брошюра с крепкой самодельной картонной обложкой и аккуратно выведенным названием «ВНЭКС: главные цели и ценности партии». А в голове у меня четко поставленная цель и примерные координаты нужного места. Свернув, я отделился от медленно

расплывающейся на отдельные группки толпы, дошел до одной из «лестничных» стен, где с проемов уже были убраны решетчатые заграждения и тем самым оказался максимально далеко от уже построенной трибуны для выступлений. Со своего места я разглядел выставленные в ряд микрофоны и расхаживающие там фигуры в традиционных для нас комбинезонах с яркой расцветкой – это давно уже что-то вроде национального костюма сурверов.

Люди продолжают прибывать, становится все людней. В клубящемся хаосе постепенно выстраивается определенный порядок. У самых стен скапливается молодежь, а сурверы постарше занимают почетные места ближе к центру. Коротко оглядевшись, я нашел взглядом еще не полностью занятую пристенную бетонную скамейку с пластиковым покрытием, добрался до нее, сел на свободный край, открыл книгу в случайном месте и погрузился в чтение. На стандартной трехметровой скамейке кроме меня сидит еще четверо незнакомого молодняка – им лет по пятнадцать. Ведут себя прилично, на меня внимания не обращают. И это взаимно.

Я старательно читал минут двадцать, не отрывая глаз от страниц, заполненных невероятно пафосной хренью про истинное предназначение сурверов Хуракана, про наше великое будущее и роль ВНЭКС во всем этом. До начала мероприятия оставалось еще около четверти часа, когда рядом со мной раздался тихий, но максимально властный и полный угрозы голос:

- У ну скамейку освободили живо!

Секунда замешательства на том конце… и четверка подростков бесшумно снялась с насиженного места и растворилась в толпе. Я остался сидеть и продолжал вдумчиво читать, пытаясь продраться через фразы вроде «и лишь неустанными звонкими усилиями…».

- А ты не расслышал что ли? – в хрипловатом голосе послышалось удивление – Эй!

За говорящим послышалось девичье хихиканье, рядом со мной кто-то усаживался, воняя одеколоном, алкоголем и едва уловимым дымом тасманки. Я продолжал спокойно читать.

- Охренеть он глухой… или тупой…

Впритык ко мне плюхнулся обладатель угрожающего голоса, навалился на меня плечом, дыхнул в ухо:

- Эй, придурок…

Повернув лицо, я спокойно вгляделся в лицо наваливающегося на меня всем весом незнакомого парня в желто-сером костюме. Ему чуть больше двадцати. Сидящим за ним примерно столько же. Между ними извиваются и смеются

зажатые парнями девушки еще младше.

Я сказал Босуэллу, что для меня сделать это совсем не проблема и не вызовет никаких эмоций.

Оказывается, я ошибался. Эмоции были. Вернее, всего одна, но очень сильная эмоция, возникшая при первом же наглом толчке в мое плечо. Я едва сохранял спокойное выражение лица, а изнутри меня прямо рвало. В затылке запульсировала острая боль.

Нет, я не боялся. Это был не страх.

Злость. Кипящая и рвущаяся наружу злость, требующая схватить дышащего мне перегаром в лицо ублюдка за голову и начать его бить лбом о край скамейки.

- Ты что-то хотел, сурвер? – тихо спросил я, старательно отводя глаза.

- Ты что-то хотел, сурвер… – пропищал он, пародируя меня и продолжил уже своим голосом – Да хотел! Чтобы ты свалил с этой скамьи нахрен и прямо сейчас!

Высказавшись, он оглянулся на сидящую рядом с ним блондинистую девушку с пышными формами и слишком ярким макияжем. Девушка с готовностью рассмеялась.

- Я первым занял это место – ответил я – Прошу не мешать моему чтению, сурвер.

- Где-то я его видел – задумчиво произнес кто-то из сидящих дальше, наклонившись, чтобы рассмотреть мое лицо – А ну поверни-ка харю сюда.

Я проигнорировал его вежливую просьбу и перелистнул страницу.

- Охренеть – повторил сидящий со мной лидер их группы – Книги читает, а тупой и не понимает… Свали нахрен отсюда!

Я молчал.

- Где-то я его видел… реально видел… - продолжал гнуть свою вялую линию сидящий поодаль – Не вижу лица…

- Он тебя не уважает, котик – огорчилась сидящая рядом с главным блондинка.

- Он нарывается – процедил парень.

- Я первым здесь сел – напомнил я и плеснул немного огня – Что-то не нравится – пересядь куда-нибудь.

- Чё сказал?!

- Ты слышал.

- Тебя же просили показать харю, плесень – выдохнул парень и в следующую секунду его руки обхватили мою голову и начали выворачивать ее, чтобы повернуть в нужную ему сторону.

- Отпусти! – просипел я, ощутив боль – Отпусти!

Перед глазами потемнело, я начал проваливаться в какую-то

подсвеченную багровым яму, в пальцах затрещала сгибаемая книга.

- Отпусти!

- Покажи личико, урод! – не выдержав, он на миг отпустил правую руку и с силой впечатал мне ладонью в скулу – Сам захотел по-плохому! – и еще один тычок ладонью – Тебе предлагали свалить! Предлагали! Предлагали! – тычки следовали один за другим и каждый отдавался в мозгу странным писком, будто моя голова была резиновой игрушкой со вставленной в жопу свистулькой – Предлагали! Предлагали!

По плану сейчас мне следовало упасть и закричать. Следовало скрючится больной креветкой, постараться расцарапать лицо о бетонный пол и закричать.

Да… следовало… я попробую…

Книга упала на пол, я рухнул на колени следом за ней, на автомате подхватил, успел услышать издевательский смешок той блондинистой суки, я уже хотел завалиться на бок, но послышалось странное звяканье металла и на моем правом ухе будто раскаленные клещи сжались, резко дернув его в сторону.

- Ты у нас глухой да? Глухой?! Я тебе прочищу уши, с-сука! – шипел схвативший меня уже за оба уха парень, пригибая меня к полу и наваливаясь всем весом – Глухой, да?!

- Пал, хватит уже – на этот раз в голосе девушки звучал легкий испуг – Люди вокруг…

- Харэ, чувак – согласился с ней кто-то еще.

- Прекращай, Пал!

- Да он же сам начал – клещи на моем ухе сжались сильнее… и в голове у меня что-то лопнуло.

Выронив книгу, я схватил его за ноги и с ревом выпрямился, вложив в этот рывок всю имеющуюся силу и накопленную злобу. Парня перевернуло на скамейке, он разжал свою хватку, попытался ухватиться за скамейку, но я дернул его на себя, стаскивая на пол и с наслаждением услышал глухой стук его башки о бетон, после чего протащил его еще метр, а затем подпрыгнул и обеими ногами приземлился на его искаженное в крике лицо. Под ногами что-то влажно хрустнуло, мерзко поддалось нажиму, парень завыл и засучил ногами, схватил меня за лодыжки, и я рухнул на пол, врезавшись плечом и скулой. Вскочил я мгновенно и рванул обратно к катающемуся на полу ублюдку, прикрывшему ладонями лицо. Только сейчас отмерли остальные из его толпы и повскакивали.

- Палли! – пронзительно завопила блондинка, оставаясь при этом на месте – Палличка!

Моя нога уже летеле в пинке, нацеленным на подставленный

бок распластанного парня, но кто-то схватил меня сзади и оттащил, зло шипя на ухо:

- Уймись, Амос! Уймись! План был другим!

Слово «уймись» на меня никак не подействовало, а вот напоминание про план сработало, и я замер. Хватка тут же разжалась, и я остался стоять, чуть дрожащей рукой вытирая лицо, хотя, скорее растирая по нему кровь из рассеченной скулы. Меня неудержимо трясло от выброса адреналина, вокруг сомкнулась толпа гомонящих людей, отсекая от скамейки, а я, не обращая на них внимания, успел незаметно вытащить, открыть и «насадить» на нагрудный карман свой членский билет ВНЭКС.

- Книга! – сказал я – Не затопчите мою книгу!

- Ты что устроил?!

- Эй! Не трогай парня! Он защищался – тот первым его ударил несколько раз! Я видел!

- Да этот стоит – а то лежит с перекошенной челюстью! Вот же ур-род жестокий! На лицо прыгнул лежачему!

- Тот первым начал! А этот просто книгу читал и никого не трогал! Я свидетель!

- А это не Амадей Амос? Не он тот парень из газет?

- Да нет вроде… хотя лицо в крови…

- Эй! Тебя Амос звать?

- А ну расступитесь! Дайте пройти охране! Расступитесь!

Чуть повернувшись, я искоса глянул вверх и убедился, что на потолке, чуть в стороне от работающего кинопроектора, установлена направленная в мою сторону камера наблюдения.

- Вот твоя книга, парень – мне в испачканную кровью руку втиснули погнутую книжонку – Ты не волнуйся – я все видела собственными глазами. Ты защищался!

- Я просто читал – улыбнулся я сострадательному лицу вернувшей мне книгу женщине – Просто читал и никого не трогал…

- Я свидетель – повторила она – А эти малолетки в конец оборзели! Что творится на шестом этаже, а? Куда смотрит Охранка?!

- Нет вы реально не видите картины в целом? – разорялся невысокий крепыш с редкими длинными прядями, облепившими продолговатый череп – Этот – стоит и мрачно зыркает! А тот – лежит, едва ворочает перекошенной челюстью и не может встать! И кто больше пострадал?

- А не надо было лезть к парню! – рявкнул вставший рядом со мной мужик лет сорока с небольшим, в чистом, но продолжающем пахнуть машинной смазкой зеленом комбинезоне – Я на соседней скамейке сидел и за всей ситуацией наблюдал от

начала до конца! Знаю этих дерганных придурков, любящих повыделываться перед девками! А еще я вижу, что сломанную челюсть наглого и явно обкуренного негодяя вы разглядели хорошо, а дырявое ухо давшего ему отпор парня в упор не замечаете!

Я невольно дернулся в сторону, когда он чересчур резко ткнул пальцем в мое горящее огнем ухо, едва не коснувшись его:

- Отсюда вижу дыру и даже не царапины, а борозды у него на ухе! Охренеть! А теперь взгляните на руку этого хныкающего ублюдка – на правую! Эй! А ну не тронь! Отошла живо!

Я тоже успел заметить, как сидящая рядом со своим стонущим бойфрендом блондинка попыталась незаметно стянуть с его пальцев что-то блестящее и красное одновременно, но ее попытку мгновенно пресек сначала вопль мужика в зеленом комбезе, а затем и крепкие руки подоспевшего патрульного с яркой повязкой на правом рукаве. Бесцеремонно схватив девушку за шиворот, он оттащил ее на метр назад, глянул на скребущие по полу предметы и громко объявил:

- Прекращаем толпиться, сурверы! Драка закончена! Беспорядки пресечены!

- Но не вами! – буркнул мужик в зеленом, нравящийся мне все сильнее.

- И спасибо за это неравнодушной общественности! – сориентировался патрульный, продолжая стоять над затихшим гадом – Прошу всех занять свои места – скоро начнутся торжественные выступления! – понизив голос, он сменил интонацию на менее официальную и попроси – Ну реально хватит, сурверы. Не портите сами себе праздник. Сейчас будет больше музыки и танцев, подарки раздадут старикам нашим любимым, а потом угощение от пуза всем желающим. Веселитесь!

- Полностью поддерживаю вежливую просьбу представителя правопорядка! – знакомый голос раздался из-за спин, тут же раздавшихся в сторону столпившихся и в круг, ступил Инверто Босуэлл собственной персоной, сопровождаемый ассистенткой шатенкой и двумя офицерами охранки при всем параде.

Босуэлл тоже выгодно выделялся из толпы – но не формой, нет, на нем был тот же самый комбинезон, по крою такой же как у большинства сурверов. Он выделялся чем-то иным – возможно яркостью своей зажженной на максимальную мощность харизмы. То, как он стоял, как держал голову, как широко развел руки в сторону, как ослепительно горела его мягкая улыбка и как добро и понимающе светились глаза – вот чем он выделялся на фоне толпы. Они просто стояли тесным неровным кругом, а он будто выступал перед ними, успевая улыбнуться каждому.

- Друзья! Возвращаемся к празднику! – Инверто указал в сторону трибун – Насладимся этим днем, когда снова широко распахнулись отделявшие нас от других этажей Хуракана двери. Потанцуем! Немного выпьем! Прогуляемся по любимым лестницам и даже покатаемся в лифтах – а почему нет? Мы сурверы умеем довольствоваться малым, равно как и радоваться этому же. Мы сурверы! Мы сплоченная крепкая нация и ничто нас не сломит, да? А драки… они случаются… Но уверен, что доблестная служба внутренней охраны шестого уровня обязательно разберется в произошедшем и наведет порядок, чтобы впредь такого не случалось.

Пока он говорил поверженного мной противника уже унесли, а следом увели пару девчонок и одного парня – остальные успели смыться. Кто-то прошелся по полу шваброй, стирая кровь и прочие следы. Но все эти спешные быстрые действия были почти никем не замечены из не столь уж маленькой толпы – ведь толпа завороженно внимала продолжающему говорить и улыбаться Босуэллу.

- Жаль, что меня не пригласили на сегодняшние публичные выступления и прения – улыбался Инверто – Видимо ВНЭКС не столь популярен среди слушателей. Что ж! Возможно, однажды вы узнаете ВНЭКС лучше, а мы сумеем завоевать ваши сердца и поддержку! Но хорошо, что находился на семейном ужине не столь уж далеко отсюда – в ресторанчике Вкусноежка…

Ну как ресторанчик… это обычная дешевая кафешка с исцарапанной вечной мебелью, простеньким интерьером, сотнями фотографий на стенах и вроде как действительной вкусной семейной кухней. Поход во Вкусноежку раз в неделю могла себе позволить каждая нормальная сурверская семья из специалистов не слишком высокого уровня.

Все это я додумывал на ходу – меня мягко тронули за плечо, направив в нужном направлении. В сопровождении спокойно улыбающейся невысокой женщины лет пятидесяти, пахнущей мылом и духами, то и дело поправляющей повязку патрульного, мы прошли сквозь ряды собравшихся и вдоль стены двинулись к выходу. И все это время за моей спиной продолжал говорить Инверто Босуэлл, рассказывающий, что он подоспел сюда не из любопытства, а узнав, что в происшествии замешан один из членов партии ВНЭКС – сурвер Амадей Амос. И, само собой, он не собирается покрывать Амоса, если тот перешел черту разумной самообороны. Но надо и признать, что не Амос начал этот конфликт, что, как ему уже известно, могут подтвердить многочисленные свидетели события. Последнее что я услышал от мягкого, но звучного голоса Босуэлла так это то, что ВНЭКС

категорически против любых конфликтов между сурверами и считает, что это происходит из-за слишком малой территории нашего обитания. Дайте просторы, дайте новые территории и новую работу – и никаких конфликтов не будет! Многие в толпе – напрочь позабывшей обо мне и упырке с разбитой челюстью – согласно загомонили. Мне и самому стало интересно, но я не стал сопротивляться, когда ведущая меня женщина показала мне жестом, что надо свернуть на проект Рошшара.

**

Меня отвели не в участок, как я ожидал, а прямиком доставил в уже знакомый медпункт. Сидя на синем пластиковом лежаке, я наклонил голову чуть в сторону, чтобы медсестре было удобнее обрабатывать мои раны. Она закончила бы быстрее, но пришлось дождаться прибытия офицера охранки, освидетельствовавшего мои раны и даже сфотографировавшего их при помощи висящей на груди фотокамеры какой-то россогоровской модели. Парадокс нашего сурверского существования – сурвпады и цифровые камеры каким-то образом сочетались с такими вот фотоаппаратами, делающими прекрасные черно-белые снимки, не используя при этом пленки.

- На этот раз ты легче отделался, да? – пробубнила медсестра, наверняка вопреки всем инструкциям по санитарии держа в плотно сжатых губах пару скоб – Головой о пол не били?

- В этот раз не били – ответил я, глядя на сидящего за небольшим столиком офицера, что-то записывающего в блокнот.

- Кто начал?

- Не я – односложно ответил я и зашипел от боли, когда ее пальцы сжали края раны слишком сильно.

- Терпи, сурвер. Я не собираюсь тратить обезболивающее на простые царапины – пусть и глубокие.

- Терпеть – тоже кредо сурвера? – съязвил я и тут же добавил – Извините… это я так.

- Знаешь народную мудрость?

- Какую?

- Не шути с официантом и врачом, так как первый забудет муху у тебя в супе, а второй скальпель в желудке…

«Только вы не врач, а простая медсестра» - хотел парировать я, но вовремя прикусил свой внезапно ставший слишком болтливым язык и пробормотал:

- Помню. Извините.

- То-то же – удовлетворенно ответила она и воткнула куда-то там в ухо вытащенную изо рта скобу – Вот так… тебе даже идет…

С трудом удержавшись от еще более крепкого язвительного замечания, я кивнул и предпочел сосредоточиться на

вспоминании столь же тупых поговорок про сурверских врачей, выдуманных сурверами.

«Не улыбайся так широко – стоматологам не нравятся здоровые улыбки».

«Рентген покажет недостатки твоей ауры, сурвер».

«Возлюби проктолога - пока он не возлюбил тебя».

«Не ссы на рану, сурвер! Дай поссать травматологу!»

«Одну таблетку съешь сам – другие верни в аптеку!».

И все прочее столь же несмешное, но иногда появляющееся на стенах рядом с медицинскими учреждениями. Этот неумелый юмор был горьким – учитывая вечный недостаток лекарств и жесткую экономию всего и вся. Легко перетерпеть боль в изорванном ухе, ведь рана заживет, но попробуй верить в кредо сурвера, если страдаешь от хронических болезней или проклятых мигреней, не имея при этом нормального запаса действенных лекарств.

А что делать такому придурку как я? Я вечно израненный, а если они и поджили, то я регулярно ушатываю себя непомерными беговыми тренировками, отчего потом мучаясь болями во всем теле.

Что делать? А ничего не делать. Просто терпи, сурвер. Просто терпи…

Медсестра, оставив скобу у меня в ухе, унесла в хромированном кювете горку окровавленных марлевых тампонов, и я ненадолго остался один. Выпрямив шею, взглянул на свое отражение в потушенном сейчас блестящем светильнике, грустно склонившем туловище-штатив у лежака. Отражение выглядело странно – тощий лысый парень с зажившими рубцами на голове, с очищенным от крови изорванным ухом, с явно нездорово блестящими воспаленными глазами и странноватой кривой усмешкой. Кого-то я себе напоминаю… что-то из прочитанного? Да нет… просто я, наверное, не могу поверить, что этот улыбающийся тип – я. И я себе сейчас нравлюсь куда больше, чем раньше. Я точно больше не терпила Анус, готовый с жалкой улыбочкой молча вынести любые унижения и оскорбления.

Пронзительно зазвенел стационарный телефон на письменном столе в дальнем углу, но я никак не отреагировал на звук, продолжая изучать свое отражение. Судя по раздавшемуся голосу трубку, взял патрульный. Произнеся несколько односложных фраз, он опустил трубку на рычаги и, обращаясь к вернувшейся медсестре, сообщил:

- Того второго на операцию везут. Челюсть сломана в двух местах.

«Жаль, что не в пяти» - хотел произнести я, но снова удержал

рвущуюся наружу злобу за стиснутыми зубами.

- Ты вообще думал, что творишь, парень? – спросил офицер.

Отвечать я не собирался, но и не успел бы – в дверь бодро вошли трое. Инверто Босуэлл. Шатенка. И кто-то в старших чинах Охранки – чернокожий, седоволосый, с узким лицом хорька и недовольно выпученными слишком большими губами. Ему лет пятьдесят, парадная форма сидит идеально, за поясом торчат сложенные белые перчатки, в поясном чехле рядом плотно сидит портативная модель сурвпада, а в нагрудном кармане виден край зелено-синего партийного удостоверения партии Константы. Ну это и неудивительно – члены Константы занимают кучу важных должностей Хуракана и, по сути, правят убежищем десятилетиями.

Сам офицер мне знаком очень смутно – он точно не с нашего этажа.

- А тебя уполномочили задавать потерпевшему какие-то вопросы, офицер? – поинтересовался чернокожий.

Сникший служащий торопливо помотал головой и отступил обратно к столу.

Угомонив этого, спрашивающий повернулся ко мне, внимательно оглядел и перевел взгляд на улыбающегося Босуэлла – Все уладим миром, верно?

- Никаких заявлений и претензий с нашей стороны – кивнул Инверто – Но в ответ ожидаем, что их с их стороны…

- Даже не пикнут! – буркнул офицер на чьих погонах блестело немало золотых искорок – Забирай своего и закончим на этом.

- Договорились.

- И я уже выразил правлению шестого сектора свое удивление ущемлениями прав ВНЭКС на выступление. Праздник продлен еще на один день и вам выделено получасовое окно. Одна просьба, Инверто – пусть все выступления будут в спокойном ключе и без упоминания псевдоспортивных группировок…

- Будут. И без упоминаний. Но они уже беспредельничают…

- Не волнуйся – угомоним. И пусть этот – тяжелый взгляд почти черных глаз уперся мне в лоб – Посидит дома… подлечится… Считай моей личной просьбой. Уж очень у него странный взгляд…

- Договорились – еще шире улыбнулся Босуэлл – Договорились…

**

- Красивый снимок, правда? – спросил Босуэлл, покачивая в руке прозрачный бокал с красной чертой.

Инверто сидел в своем кресле, максимально откинув его спинку, забросив ноги в дорогих туфлях на стол и выпуская в

потолок тонкую струйку дыма. В его пальцах тлела на моих глазах самолично и ловко скрученная самокрутка из лоскутков тончайшей полупрозрачной бумаги и крупных кусочков темного, почти черного табака. Включенная на максимальную вытяжку вентиляция жадно заглатывала тянущиеся к ней струйки дыма. Я сидел на уже привычном для меня месте, делал мелкие глотки зеленого соленого коктейля и разглядывал большой и еще влажный черно-белый снимок, пахнущий химикатами. Задав вопрос, Инверто продолжил покачиваться в кресле, о чем-то думая и забыв о тлеющей самокрутке.

- Не сказал бы – наконец произнес я, поднося фотографию ближе к глазам.

На снимке был я. Неизвестный мне фотограф запечатлел меня явно на такой же старомодный фотоаппарат как тот, что висел на груди дежурного офицера. И запечатлели меня в тот момент, когда я находился в прыжке, чем-то походя на бешеную хищную птицу. Руки раскинуты, пальцы растопырены, полусогнутое напряженное тело, выпрямляемые в полете ноги, зависшие в считанных сантиметрах от задранного подбородка лежащего на полу парня, лежащего боком к объективу. Мы все в профиль. Только его профиль испуганный, а вот мое лицо, вернее его видимая половина, больше походит на гипсовую маску какого-то злобного монстра. Я поднес фото еще ближе, удивленно разглядывая свое изуродованное гримасой злобы лицо. Сжатые челюсти, разошедшиеся в сторону губы показывают оскал бешеного зверя, суженные глаза полны темноты, даже переносица пошла волнами как у рычащего зверя.

- Ну почему же – возразил Босуэлл после большого глотка освежительного – Снимок действительно красив. Даже неповторим. Девушка умелая, но еще ей повезло с освещением и моментом. И вот родился снимок, какой при всем желании не сможешь повторить. Но я тебе его не отдам.

- Жаль – обронил я, с неохотой опуская высыхающую бумагу на стол – Впервые в жизни я выгляжу на фото не жалкой курицей.

- Жалкой убиваемой курицей выглядит тот распластанный на бетоне парень, чью челюсть сейчас сокрушат твои пятки, Амос.

- Это только повышает для меня ценность снимка. Как ты его получил, Инверто?

- Фотограф – одна из ВНЭКС.

- И ты послал ее туда заранее – понял я.

- Конечно – усмехнулся он – Нельзя полагаться на случай. Ее целью было сделать праздничные фото и словно ненароком оказаться рядом в тот момент, когда начнется небольшой конфликт. Девушка старательная. Умная. И не подвела. Вот

только эта фотография свидетельствует не в твою пользу, Амос. Скажи, разве я этого просил, когда отправлял тебя сыграть роль обычного читателя на окраинной скамейке Юкки?

- Я терпел до последнего – произнес я.

- Это не ответ.

- Это ответ – возразил я, поднимая голову – Я терпел до последнего. Я терпел даже когда меня несколько раз ударили по лицу, терпел, когда столкнули со скамейки, терпел, когда злобно хихикали те гребаные девки… но потом он взял и проткнул мне чем-то ухо… И только тогда мое терпение кончилось.

Несколько секунд мы мерялись взглядами. Я отвел глаза первым, снова уставившись на снимок. Рядом стоял бокал и я сделал из него пару глотков, прежде чем Босуэлл снова заговорил уже чуть более спокойным голосом:

- Хорошо. Признаю твою правоту – ты терпел до последнего. Более того – я признаю тот факт, что это я ошибся.

- Ошибся во мне?

- Нет. И да – он предостерегающе приподнял ладонь – Стой, не ершись сразу.

- Да я и не…

- Ты может и не шевельнулся даже, а вот глаза вспыхнули недобро. Да, Амос, я ошибся в тебе. Но не в тебе как в старательном младшем партнере и верном соучастнике, а в твоей психологической оценке. На самом деле я ошибся очень сильно, послав тебя побыть мальчиком для битья, жалкой жертвой, посчитав, что с твоим соответствующим жизненным опытом это для тебя вполне привычно. Да… вот только я не учел, что ты перестал быть безответной боксерской грушей и уже доказал всему этажу, что с Амосом Амадеем надо считаться. И я, как теперь вижу, слишком поздно осознал простой факт – ты лучше умрешь, чем снова превратишься в чью-то игрушку для вымещения злобы… Я прав?

Я медленно кивнул:

- Да. Мне было очень тяжело сидеть там, слушать льющуюся из его пасти хрень, а потом терпеть его удары ладонью.

- Автоматически смягчает наказание в случае попадания дела в Охранку, если агрессор бил открытой ладонью, а не сжатым кулаком – Инверто озвучил прописную истину, известную каждому бузотеру Хуракана.

Вот только он может и не знал, что получить по лицу жесткой умелой ладонью порой больнее, чем кулаком. А тот парень бить умел. Гнида…

- Мне было тяжело терпеть это здесь – я постучал себя пальцем по лбу – Физическую боль я терпеть умею без проблем.

- А еще та девка мерзко хихикала аккомпаниментом каждому его удару, да? – заметил он как бы вскользь, внимательно изучая меня своим фирменным взглядом.

- Да – подтвердил я – Это добавляло злости.

- Это моя ошибка, Амос – вздохнул он и кивнул на мой стакан – Пей.

- Я слишком часто начал пить алкоголь. Не самый обычный напиток.

- Ну так и дела у тебя теперь не самые обычные – рассмеялся Инверто и постучал пальцем по красной черте – Главное не забывать меру, сурвер.

Кивнув, я взял свой почти полный бокал и выпил половину, больше утоляя жажду. Быть пьяным не хотелось, но этого я и не боялся – Инверто действительно знал меру и все его коктейли были «дамскими» как сказал бы с презрением какой-нибудь бывалый сурвер.

- Вот – на стол со звоном легла стопка монет – Пятьдесят динеро.

- Я вроде как у вас на зарплате – сказал я, глядя на деньги.

- Это бонус за внеурочные – усмехнулся Инверто и на стопку опустил еще две монеты по десятке – И еще двадцатка как небольшая компенсация за мою ошибку. Ну и вот еще кое-что специально для тебя.

На стол лег непрозрачный пластиковый пакет – достаточно плоский и вроде как с мягким содержимым. На мой вопросительный взгляд Босуэлл пояснил:

- Там пара новых футболок. Серая и черная. Несколько пар носков и трусов. Считай это вещевой компенсацией за испорченные вещи.

Я опустил взгляд на плечо, но увидел только застиранную синюю ткань. Мои испачканные кровью и пылью вещи лежали свертком с той стороны двери, рядом с ящиком, где запиралось все содержимое карманов посетителей, прежде чем они войдут в кабинет Инверто Босуэлла. А на мне была принесенная девчонкой из внэксовцев старая футболка и слишком большие для меня черные шорты.

- Эти вещи тоже оставь себе – пригодятся как домашнее – добавил Инверто – Допивай коктейль, и я налью тебе еще. Ну и поясню кое-что важное. То, что ты должен понять сегодня раз и навсегда, Амос. А если не поймешь – наши пути разойдутся.

- Ого – невольно вырвалось у меня.

В несколько неспешных глотков допивая коктейль, скрывая донышком бокала часть лица, я задумался о его словах. О его предупреждении, если не угрозе. Мне хочется терять эту работу?

Ответ пришел сам собой после того, как увидел стопку монет, пакет с вещами, после того как вспомнил его поддержку ранее. Нет. Я не хочу «расходиться» с Босуэллом и ВНЭКС – по крайней мере пока что.

- Слушаю внимательно – чуть сипло произнес я, отдавая пустой стакан.

- Закуришь?

- Нет.

- А я сверну еще. Хотя, честно говоря, я курю меньше десяти самокруток в год и по большей частьи они просто тлеют у меня в пальцах. Но так мне лучше думается. Осуждаешь?

- За что?

- За бесполезную трату ресурсов.

Подумав, я пожал плечами:

- Табак и должен сгорать.

- Но у меня сгорает впустую, а другой сурвер получил бы удовольствие, не упустив ни единой затяжки.

- Табак всегда сгорает впустую и всегда во вред. Зараза, подсаживающая на наркоманскую привычку, убивающая легкие и другие органы. Курение – враг сурвера.

- Сказано четко и громко как в лозунгах.

- Оттуда и взято – признался я – Они висели на стенах школьного спортзала. А еще я бегун и курение точно не для меня.

- Так ты историк или бегун? Бегущий историк?

- Может и бегущий – улыбнулся я.

- Но точно не убегающий, да? – поставив перед мной очередную порцию смешанного зеленого коктейля, налитого строго по красную черту, он глазами указал на по-прежнему лежащий на столе снимок, где я «пикирую» на челюсть врага – Ты атакуешь.

- Я не сдержался – признал я очевидный факт – И ударил в ответ.

Босуэлл наставил на меня палец:

- А вот это уже ложь, Амос! Или как минимум искажение и умалчивание…

- Не понял…

- Ты не ответил – ты сорвался. Глядя на этот снимок, что ты видишь, парень?

- Ну… через секунду кому-то сломают челюсть – попытался пошутить я, но Инверто никак не отреагировал и я добавил – Я вижу себя.

- Нет, Амос. И ты, и я, и все, кто посмотрит на этот снимок, сразу скажут, что они видят безумного отморозка и несчастную жертву. Отгадаешь, где тут жертва, а где отморозок?

- Я явно не жертва.

- Вот тут ты прав! И никогда больше не говори, что ты просто «ударил в ответ». В ответ бьют кулаком, сурвер. В ответ могут пнуть. Могут повалить на пол обидчика. Но подпрыгнуть и приземлиться ногами на голову живого человека, чья голова лежит на железобетонном полу… это не ответ ударом на удар, Амос. Нет. Так поступают только отморозки. Психопаты – он снова постучал пальцем по снимку – Просто взгляни на свое лицо. Похоже оно на лицо дающего сдачу?

- Нет.

- И снова верный ответ. Это лицо алчущего даже не крови, а смерти отморозка. Попади этот снимок в руки любого судьи – и он без долгих раздумий признает тебя виновным. Понимаешь?

- Понимаю – вздохнул я – Мой ответ был… чрезмерным?

- Это не подходящее слово. Ты должен благодарить судьбу, что ты не случилось самого страшного. Ты вообще понимаешь, что мог убить его? Его череп мог треснуть под твоими ногами как гнилая тыква! И все – человека нет. Да он молодой тупой придурок со спермотоксикозом. Но это не лишает его права на долгую жизнь.

- Я понимаю – повторил я.

- Хорошо – кивнул Инверто и щелкнул зажигалкой – Хорошо, раз понимаешь. А теперь ответить мне, Амос – разогнав дым ладонью, он посмотрел на меня – Ты отморозок?

- Нет – ответил я, возможно выдержав слишком долгую паузу – Я не отморозок.

- Ты полностью уверен в этом, парень?

- Полностью.

- Хорошо – он снова кивнул и, отложив самокрутку на край древней как сам Хуракан мраморной пепельницы с эмблемой СурвМаунтинс, постучал пальцами по столешнице – С отморозками я не работаю, Амос. Никто не работает с отморозками. Да их порой используют в своих целях втемную, но потом списывают со счетов, запирая в тюрьме, отправляя во внешнюю разведку, где они быстро погибают, но я сам с отморозками не работаю никогда. И знаешь почему?

Я настолько поразился его словам «используют отморозков втемную, чтобы потом запереть в тюрьме или отправить на смерть в разведку» - у нас в Хуракане?! – что не сразу сообразил, что от меня ждут ответ:

- Почему?

- Потому что отморозкам в целом незнакомо самое главное для меня и наиболее уважаемое для меня слово и понятие. А с такими я не работаю. Догадаешься, о чем я говорю?

- Сегодня даже пытаться не буду – я слабо улыбнулся – Устал…

- Понимаю – кивнул он – Тогда я назову тебе это слово и помни, сурвер, что это слово и это понятие наиболее важно для каждого разумного человека. И это слово – самоконтроль. Если он у тебя есть, то я буду работать с тобой не взирая на твои убеждения, принципы, религию, принадлежность к партии и всю прочую мишуру, обрамляющую каждого человека.

Выдержав его взгляд, я кивнул, давая понять, что понял его посыл.

Самоконтроль…

- Без самоконтроля – мы просто бешеные похотливые животные – продолжил Босуэлл – А самоконтроль, как и друг, познается в беде. В обычной рутинной ситуации легко сдержаться. Но куда тяжелее проявить выдержанность и сохранить трезвость мышления, когда какой-нибудь ублюдок схватил тебя за ухо заточенными когтями-медиаторами. Да это больно. Да это бесит. Да хочется убить ублюдка. И пусть хочется! Самоконтроль не о желаниях. Он о умении управлять своими поступками, Амос. И если он у тебя есть – мы сработаемся. Если же ты продолжишь прыгать людям ногами на лица…

- Спасибо – просто ответил я – Я запомню. И сразу отвечу – у меня есть самоконтроль, Инверто. И впредь я не позволю себе подобное как с тем парнем…

- Да уж будь так добр. Ты должен был стать каноничной жертвой – а ты человеку на лицо прыгнул. Перебор! Станешь отморозком в глазах других – и тебе прекратят верить, Амос. Тебя начнут сторониться. Отморозки неуправляемы и непредсказуемы. А кому нужен по соседству тот, кто в любой момент может взорваться и наделать дел?

- Я понимаю.

- Вот и хорошо – улыбнулся Инверто и отсалютовал мне стаканом – Тогда допиваем коктейли и разбегаемся по своим делам. Ты за папками – а я на важные встречи, где снова придется много пить и много говорить. Понимая, что ты захочешь какое-то время отсидеть за чтением в своей одинокой норе, сразу предупрежу – жду тебя в это же время послезавтра. Поговорим. А может найдется для тебя еще одно важное поручение.

- Папки – повторил я – Послезавтра. Я запомнил. Буду вовремя.

- Вот такие ответы мне нравятся, Амос – он удовлетворенно кивнул – Кстати, может тебе стоит подыскать себе секцию боевых искусств?

Я удивленно мигнул:

- Зачем? Чтобы лучше людей избивать?

- Чтобы никого не избивать – поправил он и сделал неглубокую затяжку – Умеющие драться умеют и силу соразмерять и адекватность ответа. А такие как ты, никогда не учившиеся бою, либо бьют людей головами о стену, либо прыгают на них или еще что… Подумай о моих словах, Амос.

- Подумаю – кивнул я, сразу вспомнив о старом Бишо – Может и подучусь…

- Умению избивать людей?

- Умению сдерживаться! И пойми правильно – мне плевать на челюсть того придурка со стальными когтями. Кем он себя возомнил? Дитя-переросток, любящий причинять боль слабым. Фу! А вот на тебя мне не плевать, Амос. Не потому, что ты мне в сердце запал, а потому что вижу в тебе потенциал – полезный для ВНЭКС и для меня. Так что ты уже научись сохранять железную выдержку, сурвер. Ты уж научись…

Глава 8

Глава восьмая.

Получить заветные папки, прикупить на щедрую премию несколько банок домашних паштетов, не забыть про солидный запас тонких и долго не портящихся лепешек, дойти до магазинчика рядом с Манежем, там приобрести рыбную соломку и наконец уже к полуночи оказаться дома. Расставив припасы вдоль стены, а папки расположив на столе, я полюбовался этими сокровищами, представил, как читаю старые летописи, попутно поедая бутерброды с паштетом и… начал переодеваться.

Тело требовало физической нагрузки, и я был рад предоставить ему парочку подходящих испытаний.

Сначала часовая неспешная пробежка, после которой я не чувствовал ничего кроме прилива активности и незамутненной радости. Ноги сохранили легкость, в плечах не ломило, я даже толком не вспотел.

И на этом я не остановился. Еще раз переодевшись, натянув сапоги, я повесил на плечо полностью собранную сумку, не забыл про утяжелители, наспех сделал четыре бутерброда с толстым слоем куриного островатого паштета и зашагал к рыбным садкам Якобс, поправляя на ходу торчащую за поясом отвертку.

Входя внутрь, я был спокоен, хотя понимал, что могу нарваться на неприятности с теми, кто из-за моих последних нерадостных открытий о течах и плесени в технических коридорах не мог не получить серьезный нагоняй от руководства. Раньше я бы заранее обделался от одной только мысли о том, что могу столкнуться с разозленным на меня мужиком, от мысли о том, что меня изобьют или просто покроют многоэтажным матом. А сейчас мне было плевать. И я был полностью уверен, что не стану бездействовать и отвечу ударом на удар – недавние события на празднике лишь доказали это.

И снова я вспомнил слова Инверто про самоконтроль.

Я потерял самоконтроль? Или мой ответ был вполне адекватным, ведь мне реально насквозь пропороли ухо стальными когтями!

И снова ответ пришел мгновенно и был пугающим – не останови меня тот мужик, я бы продолжал бить ублюдка. Так что скорей всего да – самоконтроль я потерял. Я вообще не думал о последствиях. Я не думал о здоровье или даже жизни избиваемого мной ублюдка. Я сгорал от бешенства и мне было плевать.

И это плохо.

Нет, раскаяния нет и в помине. Но искалечь я его там всерьез или убей – и Инверто уже не смог бы замять и разрулить ситуацию. Меня бы ждало уголовное дело, суровый сурверский суд, а затем и тюремное заключение, с правом попросить отбывать его в качестве чернорабочего у разведчиков – в этом случае срок уменьшался вдвое, а испоганенная биография, она же аура, хоть немного, но светлела, ведь добровольное желание рискнуть жизнью ради общего блага равноценно раскаянию. Еще я мог попроситься в рекруты Разведки.

Сейчас, после пробежки и сытных бутербродов, я был очень рад, что не прибил того ушлепка и остался на свободе. Я был рад такому исходу, потому что боялся потерять свободу, но мне по-прежнему было глубоко плевать на жизнь того ублюдка.

И эти выводы породили новый куда более интересный, но совсем не пугающий вопрос – а со мной точно все в порядке? Не психопат ли я?

Ответа я в голове не нашел, но особо на этот счет не волновался. Меня больше интересовало дадут ли мне сегодня работу или придется возвращаться домой. Хотя, впрочем, один ответ для самого себя у меня все же был – плевать психопат я и или нет, но я должен сдерживаться, чтобы не испоганить себе жизнь. Тот ублюдок заслуживал наказания, но все же не настолько, чтобы я был готов ради мести сгнить в тюрьме. Я стану сдержанней. Я стану умнее. Я постараюсь…

Знакомый дежурный бригадир ночной смены долго разговаривать со мной не стал. Приподняв лежащее на столе стекло, он достал из-под него сложенную вдвое синюю ленту, протянул мне и пояснил:

- Десять особых талонов Якобс. Взгрев от мистера Дугласа.

Взяв талоны, я кивнул, убирая их в сумку.

- В прошлый раз ты вроде как не до конца все осмотрел? Если возьмешься за ту же работенку, что в последний раз и на тех же условиях…

- Возьмусь.

- Тогда можешь приступать – кивнул бригадир – Ключ висит там же. Там в зальчике можешь набрать бутербродов и налить горячего чая. И загляни под крышку первой слева кастрюли.

- А что там?

- Свекольник с курицей. Вкусный.

- Спасибо.

- Да не за что.

На этом наше общение завершилось.

Через двадцать минут я доел вторую тарелку действительно вкусного свекольника и двинулся к нужному мне люку. Живот

грела двойная порция супа, а в сумке лежали бутерброды про запас. Возвращаться раньше, чем через пять-семь часов я не планировал…

**

Непростительный тяжкий грех для любого сурвера я совершил через четыре с небольшим часа после начала смены. И начался мой грех сначала с глухого щелчка, когда стронулся с места первый неподатливый болт. Вниз полетели хлопья ржавчины, болт противно скрипел, но я не переживал за шум, зная, что кроме меня здесь глубоко под бассейнами нет никого. Закончив с первым болтом, я наложил ключ на следующий и продолжал в том же духе, пока круглая выпуклая крышка досмотрового люка не была откручена полностью. Болты я аккуратно складывал у стены, от люка держался в стороне, зная, что он возможно сдерживает серьезный напор воды и с радостью катапультируется в лицо своему освободителю. Люк был небольшим, в центре имелась оттертая мной от грязи пятиконечная звезда Россогора, еще имелись вырезанные в металле ничего не говорящие мне даты. Мое внимание привлекла именно звезда и любовь к гордой символике Россогора. Больше этот люк не был ничем примечателен, а судя по его расположению в полу глухого коридора с полустертыми обозначениями на стене, он находился над некой бетонной цистерной, что-то вроде коллектора, должного хранить запасы относительно чистой воды на тот случай, если понадобится экстренно сменить воду в бассейнах. Уходящие в пол толстые трубы подтверждали это и заодно облегчали мне задуманное – я бы не рискнул раздраить неизвестно куда ведущий люк. Особенно после рассказов старого Бишо о буферных зонах.

Чтобы отодрать массивный люк от основания, на котором он покоился двадцать четыре года – на стене было указание о времени последнего досмотра – мне потребовалось приложить немалые усилия и хорошенько поработать жалом отвертки. Сам люк весил килограммов тридцать, но я справился без особого труда, приподняв и сдвинув его в сторону.

Направив луч ярко горящего налобного фонаря вниз, я высветил мутноватый столб воды в зеве люка. Утерев лицо от пота и льющего с потолка конденсата, я смочил грязную ладонь в пугающе недвижимой воде в цистерне. Холодная. Не прямо вот пронизывающий холод, но все же вода очень холодная и малоподходящая для запланированных испытаний моей храбрости.

Холод – это повод всё отменить?

Ответ – нет. Хотя мне стало страшно. Но я сумел стряхнуть с

себя противное оцепенение и начал действовать.

Достать из сумки второй фонарь. Зажечь. Разместить на краю люка так, чтобы свет падал вниз. Раздеться и сложить одежду поверх уложенной у стены сумки. Оставшись в шортах, я затянул потуже шнурок, засунул сзади отвертку, уселся на пол и резко опустил ноги в обжигающе холодную воду. Невольно ахнув от перепада температур – выдох Хуракана в нижние коридоры был затхлым и противно теплым, а вода дышала свежим арктическим холодом – я набрал в грудь воздуха, уцепился пальцами за край люка и соскользнул в воду.

Первое и невероятно сильное желание – вынырнуть с булькающим криком, выползти из горловины люка и откатиться от него как можно дальше.

СТРАШНО!

Мне СТРАШНО!

Пальцы вжались в металл обода так сильно, что я буквально почувствовал его текстуру. Тело скрючилось, колени едва не ударили в подбородок, а бицепсы свело диким спазмом, пока я сопротивлялся их желанию сократиться и вытащить меня наружу.

СТРАШНО!

Раз…

СТРАШНО!

Два…

Да почему же мне так страшно?! Гребаный стыд!

СТРАШНО!

Три…

Сейчас мне отожрут ноги!

СТРАШНО!

Четыре…

Боль… рвущая нервы сильнейшая боль в сведенных спазмом руках…

Пять…

С плеском вынырнув, я закинул на пол локти, сбив второй фонарь. Вытащил ногу – и ее тут же свело спазмом. Заорав, я кое-как извернулся, перекатился и замер в омерзительно теплой и от этого прекрасной затхлой луже.

Хорошо…

Меня терзала боль, сведенные судорогой руки и нога не желали расслабляться, что-то кололо в ребрах, а челюсти был стиснуты так крепко, что их не разжать. Но я ликовал… я лежал на спине, глядел я потолок, откуда мне на лицо капал конденсат и радостно улыбался, хотя вряд ли уродливую гримасу на моем побелелом лице можно было счесть за улыбку. Но все же я улыбался – я победил себя. Я продержался полных пять или даже

шесть секунд в пугающе страшной цистерне, пока мои беззащитные пятки, приманка для голодного монстра, молотили воду. Я продержался!

«Ты молодец. А теперь можно и домой…» - тихий вкрадчивый голос прозвучал в голове едва слышно – «Ты доказал…».

- А вот хер тебе, с-сука! – прошептал я трясущимися губами, колотя кулаком правой руки по все еще сведенном бицепсу левой – Хер тебе! Я сейчас залезу обратно и… и я разожму пальцы!

Едва озвучил это – и меня пронзил гарпун ужаса, пробив вспышкой боли грудную клетку.

Охренеть…

Просто охренеть!

Я умудряюсь избивать себя без чужой помощи и даже не двигаясь при этом! Насколько же сильно я прогнил изнутри?

Во мне что-то сжалось… что-то противное и мерзкое, намертво сковавшее мою волю. Я отвернулся от дышащего холодом люка, вгляделся в подсвеченный фонарным светом коридор, ведущий прочь отсюда – туда наверх, где меня наверняка ждут остатки еще горячего вкусного свекольника, где меня снова похвалит Дуглас Якобс и выдаст талоны, на которые я наберу много отличной жратвы, которая позволит мне провести взаперти двое суток, читая архивные папки. Какого хрена ты тут валяешься, Амос? Поднимай жопу и давай наверх! Ты уже доказал все, что хотел. Пора домой!

- Пора домой – прошептал я, чувствуя, как к глазам подкатывают слезы облегченной трусливой радости, а в глотке формирует противный комок отвращение к себе – Пора домой…

Лицо отца…

Я вспомнил лицо молодого отца – когда он еще не сделал меня, когда он еще состоял в подразделении Фольк. Его спокойное уверенное в себе лицо, прямой и чуть угрюмый взгляд… Внешне этот ублюдок так сильно был похож на меня нынешнего – но только внешне. У него внутри стальной стержень, а у меня закостеневшая палка говна… И не зря он смотрит с фотографии с таким потаенным презрением – ведь он видит своего трусливого сынка…

- С-сука! – выдохнул я и резко дернулся в сторону – в сторону противоположную от выхода.

Голова ухнула в люк, я оттолкнулся рукой и скользнул в горловину люка целиком. Замершее тело пошло вниз с неторопливой медлительностью, изо рта вырывались мелкие пузыри, щекоча щеки, скользя по вискам и уходя вверх к свету. А я погружался все ниже и не дрогнул, когда вдруг потухла горящая у меня на лбу звезда фонаря. Я не дрогнул. Да внутри что-то

сократилось от ужаса, ребра снова закостенели, но я продолжил медленно погружаться, удерживая перед мысленным взглядом немало ухмыляющихся лиц – суки из Шестицветика, хари Тенка и Пелле, искаженную яростью морду Сержа Бугрова, а в центр этого адского для меня коллажа плавало спокойное молодое лицо отца с фотографии, смотрящего с презрением на порожденное им трусливое дерьмо. Тони, гребаный Анус! Утони в этой цистерне сам или утопи в ней свой гребаный страх! Уж лучше захлебнуться и сдохнуть, чем доказать этим ублюдкам, что я просто никчемный кусок говна!

Тони, Амос, тони! Тони!

Я потерял счет времени. Мысли исчезли. Я просто продолжал выпускать пузыри и опускаться все ниже. И не сразу ощутил, как мои расслабленные руки коснулись чего-то склизкого и твердого одновременно. Мое падение во тьму остановилось. Ноги последними коснулись все того же препятствия, остановившего мой путь и понадобилось еще некоторое время, чтобы понять – я достиг дна.

Достиг дна цистерны и дна своего страха…

Да там и остался, зависнув над клубящейся перед моей лицом бурой мутью, возможно впервые за столетия поднимающейся со дна всеми забытой и никому ненужной цистерны. Пусть люк наверху досматривали четверть века назад, но я уверен, что сюда никто не спускался с самого момента постройки цистерны. Просто незачем было.

Я не шевелился.

Я смотрел и видел, как сквозь рассеивающуюся муть становит видно бетонное дно, как начинают снова опадать ленивые хлопья грязи, словно знающие, что скоро я уберусь отсюда навсегда и они снова погрузятся в темную спячку.

Я не шевелился.

В груди что-то ворохнулось, вспыхнула и загорелась первая жгучая искорка боли удушья, чтобы резко превратится в бушующее пламя, начавшее выжигать дрожащие пустые легкие. И я наконец ожил, шевельнулся, но не рванулся вверх, нет. Я уже ничего не боялся, будто страх выгорел у меня в груди вместе с последними молекулами кислорода в корчащихся в агонии мешках легких.

Я вдруг перестал страшиться смерти, глядя, как перед глазами все крутятся и крутятся хлопья всеми забытой грязи, что так была похожа на нас – на никому нахрен ненужных сурверов, живущих в подземной кладовке и мнящих себя кем-то важным, придумавших свои дешевые традиции и вонючую говно-религию Экспульсо. Но на самом деле мы ведь не более чем те самые

хлопья склизкой бесполезной грязи…

Шевельнувшись, я без всякой спешки вытащил из-за пояса шорт отвертку, мягко уронил ее на дно емкости и только затем оттолкнулся ногами и пошел вверх, не сводя глаз с прекрасно видимого люка. На самом деле я поднимался внутри зыбкого светового столба, что становился ярче с каждым метром. Сначала боль утихла в ушах, а когда я пробил лицом водную пленку и сделал большой жадный вдох, она исчезла и в груди, хотя еще какое-то время я ощущал там колотье. Но мне было плевать. Держась одной рукой за край люка, я по горло находился в холодной воде и не думал вообще ни о чем. Вот прямо абсолютно. А если и были какие-то мысли, то до моего сознания они просто не доходили. Выбрался я едва-едва и проделал это не из страха, а чисто из здорового инстинкта самосохранения, понявшего, что еще чуток и я просто не смогу пошевелиться. Не знаю сколько времени я провалялся на полу, наслаждаясь теплом затхлого воздуха и ощущая, как неохотно холод покидает мое тело. А когда я наконец снова начал мыслить, когда зашевелился и перевалился на бок, затрясшись в запоздалой попытке согреться, то первое что пришло мне на ум – как же мне сейчас хорошо… так хорошо, как никогда еще в жизни не было… И немалая часть этого чистого незамутненного удовольствия была порождена максимально простым и ничем не отягощенным пониманием – мне придется еще раз нырнуть на самое дно цистерны, чтобы вернуть себе оставленную там отвертку. И это кайф… просто кайф…

В цистерну я опускался еще трижды – до самого дна, оставаясь там в неподвижности и с неослабевающим удовольствием ощущая, как под кожу медленно проникает волна воздуха, как в легких скапливается раскаленный углекислый газ…

Отвертку я забрал. И не забыл поставить люк на место и хорошенько его завинтить, проведя напоследок пальцами по звездной гравировке Россогора. А уходя, я улыбался, понимая, что только что невзначай открыл для себя еще одну свою страсть – долгие погружения в темную ледяную воду. Правда, пока что они не были настолько долгими, как хотелось бы, но я был полон решимости увеличить количество секунд, а затем и минут к большему.

**

Я разбудил его и заспанный мужчина, испуганно вздрогнув, оторвал тяжелую голову от углового стола. Ему потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя и понять, кто и для чего прервал его краткий сон.

А как же «сурвер не должен пренебрегать возложенными обязанностями?»

Испустив долгий зевок, бригадир вгляделся в мое лицо и с легкой заторможенностью поинтересовался:

- Ты там… спал, что ли?

- Спал? – я удивленно моргнул, никак не ожидав такого предположения, да еще и от только что разбуженного мной человека.

- Да уж больно ты бодр и свеж – пояснил бригадир с еще одним зевком и махнул рукой с испачканными чернилами и облепленными чешуей пальцами – Не обращай внимания. Просто на фоне сдающих работу сонных доходяг ты прямо живенький. Глаза блестят, движения резкие…

- Живенький – повторил я и пожал плечами – Ну… я не спал.

Я не собирался лгать. И не собирался ничего выдумывать.

- Да я и не обвиняю, даже если ты там и закемарил чуток – нашарив в ящике стола что-то, он вытащил свернутый пополам лист зеленоватой бумаги и протянул мне – Вот держи. Только что пришло из Якобстауна. Это тебе разовый, но большой рабочий контракт, если возьмешься.

- Рабочий контракт? – я не торопился принимать завивший в воздухе лист бумаги.

- Прямиком от самого мистера Дугласа Якобса – дополнил бригадир и это решило дело.

Бумагу я взял. Развернув, пробежался по тексту от начала до конца, снова перечитал и не сдержал короткого смешка. Дуглас Якобс предлагал мне столько ненормированных ночных смен, сколько я смогу взять. Смены в любом удобном для меня графике, контракт долгосрочный, с регулярной сдачей результатов технику Дино Якобсу, отвечающему за «нижние» помещения всего Тэмпло Дель Дорадо. Оплата двадцать динеро за смену, плюс горячее питание и питье.

- Берешься? – голос бригадира был полон сонного равнодушия – Что ответить?

- Берусь – кивнул я.

Хотел добавить, что приступлю следующей же ночью, но передумал тратить слова на того, кому все равно глубоко плевать.

- А здесь под нами ты закончил? – на этот раз в его глазах плеснулся искренний интерес.

- Закончил – подтвердил я, доставая из сумки схему с пометками – Вот тут отмечены течи и прочее, требующее ремонта.

- Одному лентяю голову уже оторвали, а теперь и остальным достанется – без всякой злости констатировал бригадир – Но я о

другом спросить хотел. Там как?

- В смысле?

- Ну… ты ведь везде побывал?

- На каждому подуровне и в каждом тупике – подтвердил я, все еще не понимая.

- Ну вот. Побывал. Вернулся целым и здоровым. Значит, там нет ничего… и никого опасного?

Вот теперь я понял. И просто кивнул этому усталому и чутка напряженному человеку, которому еще заставлять работяг спускаться и чинить все обнаруженные мной протечки.

- Там полностью безопасно – ответил я, глядя ему в глаза – Нет затоплений, обрушений, нет раскаленного пара и ни единой крысы или еще какой твари. Там пусто, бригадир.

- Ну и отлично! – он аж взбодрился и встал из-за стола – Надо бы чайку бахнуть…

- Надо – согласился я, поворачиваясь к выходу – Хорошо доработать, бригадир.

- А тебе хорошо отдохнуть, парень. И спасибо!

- За что?

- За смелость. У меня в смене все меньше сурверов, кто хоть что-то может сделать в одиночку. Они уже даже ведра с рыбьей требухой выливают в компании таких же трусов как они сами. А ты реально парень смелый.

- Да нет там ничего страшного. Пусто и мокро.

- Ну да… иди и попробуй докажи это тем небритым ссыкунам, что скоро в сортир будут бегать держась за руки…

**

Вымывшись в банном комплексе, я честно попытался заснуть, но пролежал в постели не меньше часа, прежде чем внутреннее возбуждение улеглось и мне удалось сомкнуть глаза и провалиться в сон. Чтобы скорее заснуть, я вспоминал все, что знаю о Тэмпло Дель Дорадо, он же Золотой Храм и он же, благодаря игре слов, Храм рыбы Дорадо.

Никакого храма там, само собой, не было. Сурверы не любят излишеств в архитектуре промышленных комплексов, а Храм именно таковым и являлся. Это сейчас бывший комплекс плавательных бассейнов превратился в главную рыбную ферму не только шестого этажа, но и всего Хуракана. А раньше все рыбное производство и последующая переработка производились в изначально спланированном для этого месте. Там имелось все необходимое. Садки для выращивания, икорные инкубаторы, все для производства корма живого и растительного, два просторных цеха переработки, станция очистки воды, а заодно там же размещались квартиры для персонала. По соседству размещались

водорослевые фермы – где в том числе выращивали и дополнительный корм. А с другого боку приткнулся комплекс бассейнов, опоясанный Манежем, что позволило взявшему его в долгую аренду роду Якобс стать владельцем немалого куска шестого уровня.

Школьником я был там пару раз на экскурсии и видел все собственными глазами. После каждого такого визита мы убеждались, что смерть от голода Хуракану не грозит – ведь вода в садках буквально кипела от бьющейся там здоровой рыбы.

За прошедшие столетия там случалось несколько достаточно больших аварий, но ничего критичного. Их наибольшими потерями можно считать потерю нескольких рыбных видов, хотя, если верить газетной статье, они сохранили все необходимое для их возрождения и скоро сделают новую попытку. Раньше там выращивалось больше десятка видов, сейчас же осталось вроде как пять или шесть. Уверен, что точно помню тиляпию, белого и черного амура, сомов, микижу и ханоса. Может появилось что-то новое, а может и убавилось – в той же статье говорилось, что за прошедшие века жители Хуракана стали относиться к еде гораздо проще, перестав быть столь требовательными. Ну да… мне тоже как-то без разницы чье это там просоленное мясо в купленной рыбной соломке – было бы ее пожирнее и побольше.

Но главное, что я вспомнил, так это главный факт из той же самой газетной статьи: техническое хозяйство Тэмпло являлось самым большим и протяженным во всем Хуракана, потому как простиралось далеко за его границы и обслуживало в том числе водорослевые фермы и несколько жилых коридоров.

И в каком состоянии все эти коридоры?

Думается мне, Дуглас Якобс, поняв, что в темных полузатопленных коридорах рыбных садков творится настоящий бардак, решил использовать меня в качестве независимого дотошного специалиста. Скорей всего я еще увижусь с ним там в Тэмпло и получу от него более точные указания…

**

У старого Бишо выдался очередной неплохой по посещению денек в парикмахерской и он, сохраняя недовольное выражение морщинистого лица, простоял на ногах весь вечер, приводя в порядок терпеливо ожидающих свою очередь клиентов. Тут было не до обучения меня основам стрижки, но я все же вволю «поиздевался» над двумя подростками, решившими обрить головы налысо. Удерживая в руках достаточно увесистую механическую машинку для стрижки, равномерно работая пальцами, я постепенно уничтожил волосяные заросли, несколько раз защемив и дернув пряди. Они стоически терпели, а взамен

Бишо не взял с них денег, да еще и наградил стаканом чая и уже чуток лежалыми бутербродами, притащенными мной с ночной работы.

Остальное время я был занят нарочито неспешной тщательной генеральной уборкой. Отыскав ведро с тряпкой и шваброй, я методично двигался вдоль стен, очищая вечный пластик слабым мыльным раствором с каплей драгоценных химикатов. Мой неспешный труд снискал удивительно много похвал от терпеливо ждущих седых сурверов, высоко оценивших как раз мою методичность и тщательность. Впрочем, для меня в их похвале не было ничего удивительного – я провел годы за ежедневной чисткой внутренностей Хуракана от грязи и плесени. И каждый день я выкладывался по полной программе, зная, что сурверы платят мало, а спрашивают строго. Тот самый сурверский парадокс, когда в обмен на малые траты, ты хочешь получить высочайшее качество. Да и мой прежний бригадир был из тех, кто придерется к самому малому огреху и заставит все переделывать. Прежде такое случалось не раз, но позднее я стал одним из тех чистильщиков, чью работу даже особо и не проверяют, зная, что поставленная задача выполнена идеально. Вот и сейчас обработанные мной стены парикмахерской избавились от осевшей пыли и зачатков болезнетворной плесени, задышав свежестью и посветлев.

Прервавшись на болезненную – судя по его гримасничающему лицу – стрижку налысо очередного подростка, я наградил его бутербродом, последний съел сам и вернулся к уборке, решив заняться вентиляционным коробом, в то время как ворчащий Бишо продолжал зарабатывать свои нелегкие деньги. И все это время, с самой первой минуты как сюда пришел, я продолжал внимательно слушать разговоры усталых работяг – а других клиентов у Бишо и не водилось.

Почти всех их разговоры, неважно с чего они начинались, сводились к одному и тому же – раньше было лучше. Просто поразительно, но они могли начать с обсуждения цвета комбинезона одного из присутствующих, а затем вдруг прийти к выводу, что золотая эра Хуракана позади. Могли сделать комплимент пришедшей за компанию с мужем престарелой леди, а через пару минут оказаться все там же – раньше было лучше. Я, обвязав голову старой тряпкой, скрыв лицо старой полумаской, оставался для них незамеченным призраком – хотя то и дело доливал кипяток в стоящий между ними старый помятый самовар, откуда они уже сами доливали его в заварочный чайник. Никто не узнал во мне Амадея Амоса, сурвера с великим именем и невольного героя – и я был рад этому. Раньше меня подсудно

всегда смущала мои серая невзрачность и почти полная незаметность. Сейчас же я был рад тому, что выгляжу абсолютно обычно – я не мускулистый верзила, не одышливый толстяк и не харизматичный хохотун. Я незаметная услужливая тень, что доливает кипяток в ваш самовар, моет стаканы и внимательно слушает. И вскоре я узнал гораздо больше о нынешней жизни шестого этажа и даже кое-что о других уровнях. Главное – прислушиваться в начале и середине очередного их «пустопорожнего захода», как мне с усмешкой шепнул Бишо, полоскающий в растворе расческу.

Драка на празднике, напали на Амадея Амоса – куда катится наш мир, почему канули в небытие традиции, честь и уважение к простым труженикам? Это я уже знаю, но все же дослушал до конца, попутно уловив пару деталей о благотворном участии в конфликте ВНЭКС.

На нашем этаже была убита странная тварь, до этого успевшая порвать почти всю бригаду чистильщиков, но до сих пор нет внятного и подробного отчета от руководства уровнем. Нынешний Смотрящий и в подметки не годится прежним. Про это я тоже знал, так сказать, из первых рук.

В одной из буферных зон наконец-то снова заработал гидроагрегат, в большей части коридоров освещение стало ярче. Слава нашим инженерам, но позор, что они так долго возились – раньше бы с такой работой справились за пару дней, а не за пару месяцев.

Патрули Охранки стали действовать жестче. Долгих увещевательных диалогов больше не ведут, при малейшем проявлении наглости тут же хватают и ведут бузотеров в участок. Уже с десяток молодых сурверов провели ночь в камере, после чего с ними вдумчиво побеседовали весомые люди. Всем спортивным командам – то есть молодежным бандам – запретили шататься по улицам со спортинвентарем и большими сумками, если только не идут на тренировку. Тех же Шестицветиков больше не увидишь с битами, а смотреть на прохожих девки стали куда приветливее и даже выучили слово «извините». Наконец-то хоть какой-то порядок! Но опять же вон как долго канителились с этой бедой – а в старые времена давно бы вышибли всю говноспесь из самых проблемных, не утруждаясь составлением бумажек.

Случилось несколько внезапных увольнений среди дежурных бригадиров и техников в рыбных садках Якобс. Не меньше трех бригад полностью расформированы, персонал раскидали по другим бригадам, им назначено новое руководство. Очень многие в этом месяце принесут домой не полную зарплату из-за

денежных штрафов, еще кому-то такую чернуху вписали в Ауру, что теперь попробуй отыскать работу хотя бы говночистом. И правильно! А то сурверы уже не сурверы, а не пойми что! Вот раньше бы их сразу к ногтю прижали!

Пропало снаружи шесть разведчиков с третьего уровня. Вышли за люки, несколько раз вышли на связь, а потом пропали и уже третьи сутки не дают о себе знать. Руководство Разведки пока молчит, но все понимают, что назад никто не вернется. Вот нахрена вообще выходить наружу? Ясно же что там за люками нас не ждет ничего хорошего! Впереди еще пара столетий отсидки в безопасности Хуракана и это всем известно! Но нет! Продолжают гнать сурверов на убой… Удивительно, но про Разведку никто из собравшихся в парикмахерской не сказал ничего плохого и не стал вспоминать былые времена.

Серая себорея, она же перхотная чесотка, показала свой оскал на пятом уровне. Пока вроде небольшой очаг и его удалось локализовать. Все болеющие вместе с родственниками и близкими заперты на карантин, но веры в принятые меры нет. Да и откуда взяться вере, если нынешнее правление убежищем не может никак решить проблему регулярных эпидемий. Чесотка, лишаи… Что только не обрушивается на головы сурверов! В былые времена всех ответственных за санитарную безопасность давно бы поставили к стенке и игольными очередями крест-накрест – р-раз! Р-раз! Тьфу!

На том же пятом уровне произошла массовая драка между фанатами Россогора, СурвМаунтинс и Алого Юкатана. Дрались жестко. Больше двадцати человек госпитализировано с травмами различной тяжести, один оказался в реанимации с проломленной головой. Возбуждено уголовное дело, Охранка рыщет в поисках ударившего. А попробуй найти, когда на перекрестке схлестнулось больше шестидесяти сурверов, а камеры наблюдения там деактивированы. И снова – к стенке бы их всех! И очередями крест-накрест – р-раз! Р-раз! Чтобы другим неповадно было! Они дерутся из-за ерунды, а потом трать на них дефицитные медикаменты и время докторов. Твари!

Ходят упорные слухи о подтоплении жилого района Мирносон на четвертом уровне. Вода сочится из-за стен, льет с потолков. Туда отправили сначала одну бригаду экстренного реагирования, а через три часа еще две – в полном составе, со спецмашинами и все такое. Похоже, дело серьезное. Скорей всего очередная трещина в защитном пласте окружающего нас железобетоне с особыми примесями. Если так, то работенка там предстоит адовая. Возможно, придется отправлять наружу часть ремонтников и звено разведчиков для их охраны – чтобы

добрались до внешней стороны и наложили пластырь на место протечки. Конечно, если там есть промежуток между стенами Хуракана и карстовыми пещерами. Чертов карст… от то и дело вымывается, обрушивается и вообще на редкость непредсказуемая субстанция этот ваш известняк с растворяющимся карбонатом калия… И снова никаких замечаний о том, что «раньше было лучше».

И не просто так они молчат. Я сам как чистильщик, успевший поработать с настоящими динозаврами этого дела, прежде чем они умерли или ушли на покой, вдоволь наслышался о сопровождающих Хуракан проблемах подобного рода с самого момента его основания. Даже во время строительства случались многочисленные инциденты с затоплениями, обрушениями, протечками и оседаниями. Место под убежище выбрано странновато, честно говоря. Но уж построили, где построили и тут не до выбора места жительства, учитывая радиационный кошмар там наверху.

А сурверы, один за другим проходя процесс подстригания в старом кресле Бишо, уходить не торопились и снова занимали место рядом с самоваром, а я вновь пополнял его кипятком из старого электрочайника, опорожнял чайник и бросал в него щепотку дорогой заварки. Чаек был почти прозрачным, но горячим и подслащенным принесенными с праздниками карамельками. Забрасываешь такую конфетку в рот, делаешь маленький глоток чая, чуть ждешь, затем болтаешь все это во рту и наконец глотаешь. Я пробовал во время краткого отдыха. Дешево и вкусно – все как любят истинные сурверы.

Собравшиеся продолжали говорить и говорить, радостно вываливая имеющиеся сведения, не брезгуя даже сплетнями и жадно вкушая то же самое блюдо от остальных.

Насекомые. Вот новое несчастье, постигшее верхний уровень Хуракана! Они появились в одном из складов будто ниоткуда и были обнаружены во время ежемесячной проверки. Еще месяц назад там не было ничего такого, а стоило открыться дверям на этот раз, и ревизор выскочил как ошпаренный! Разумеется, помещение подверглось очистке, насекомые вместе с гнездом были уничтожены. Есть две версии их появления. Первое – их яйца попали вместе с водой через какую-нибудь трещину, были занесены разведчиками, так как это один из их складов, либо же яйца пролежали на том складу несколько столетий, прежде чем на них попала вода, создав благоприятные условия для пробуждения. Ну и какого черта склады проверяют только раз в месяц? Могли бы и почаще – как в старые времена!

Разумеется, простые работяги делились новостями и

выражали свое мнение совсем другим языком – куда более грубым и порой жестким – а я уже сам мысленно подставлял нужные термины и упорядочивал все это в своей голове.

На насекомых поток новостей не закончился, а стал лишь сильнее. Измены, драки, какой-то одиночный пикет демонстранта, неудачная попытка основать новую партию, грядущий сбор всех крупных ответственных лиц на ежегодное совещание – где они, как всегда, не придут к единому мнению, зато вкусно нажрутся, напьются дорогущего алкоголя и разойдутся. Хотя это может и хорошо, ведь перемены всегда ведут к плохому. Помимо всего этого они вспомнили еще с десяток различных происшествий, включая массовое отравление на третьем уровне и убийство по пьяному делу на четвертом – преступник сдался сам, явившись в участок.

Судя по услышанному, наш Хуракан серьезно лихорадило, а опасностям он подвергался как изнутри, так и снаружи. И ничего мы с этим поделать не можем – потому что нынешнее руководство полное дерьмо и как огня боятся радикальных движений. Предпочитают лечить зреющую опухоль припарками, а не выверенным иссеканием скальпелем…

Наконец, налившись чаем до горла, они как-то разом поднялись, попрощались и двинулись к выходу плотной группой. Сгорбленный старичок чуть отстал, прошелся ладонью по омытой мной стене, осмотрел ее, понюхал, одобрительно кивнул и показал мне большой палец – молодец, сурвер. Я с искренней улыбкой кивнул ему в ответ – честному трудяге, чья жизнь прошла в этих стенах.

Я бы хотел поболтать еще с Бишо, но старый ветеран исчерпал запас сил и явно был бы рад прямо сейчас закрыть свое заведение и отправиться спать. Я понял это без слов и первым сказал, что я устал и хочу отоспаться перед ночной сменой. Бишо эту мысль поддержал, мы поручкались и распрощались до следующего раза. Я надеялся заглянуть сюда завтра, но понятия не имел как сложится мой безумный график и будут ли у меня силы, ведь я снова жаждал бега… и погружений в темные холодные воды…

Оценив свое состояние, я решил наведаться в Тэмпло и подробней узнать про работу, прежде чем усаживаться за чтение и сканирование папок. Утяжеленная сумка была со мной, сапоги болтались на ней, так что я вполне был готов окунуться в говно хоть прямо сейчас…

**

Я вошел в Тэмпло через главные двери – те, что служили входом для всех экскурсий, посетителей здешнего мини-музея и

для всех тех прочих, кто пришел сюда от праздной скуки. Мне бы следовало идти через служебные вход, но я понятия не имел, где он находится. Так вот и очутился на выложенной таметными плитками квадратной площади, окруженной высокими стенами цехов и административных помещений. Над одной из дверью было гордо начертано «Род ЯКОБС» - а такой выпендреж нами сурверами, конечно, горячо осуждался. Туда я двинулся, но по пути наткнулся на охранника с синей нарукавной повязкой. Остановив меня жестом, оглядел с ног до головы и спокойно поинтересовался:

- Кто? Куда? Зачем?

Мысленно восхитившись его лаконичностью, я представился и назвал причину своего визита. В доказательство протянул полученный от ночного бригадира контракт, а пока он вчитывался в текст, я изучал его. Ему лет сорок семь, может больше, а может и меньше – густые вислые усы добавляют возраста и солидности, равно как и морщины у глаз. Сложен крепко, ни малейшего намека на выпирающий живот, комбинезон светлого песочного цвета чист и выглажен. На поясе справа висит тяжелая дубинка, там же карман для сурвпада, а слева закреплен электрошокер. Волосы прикрыты тряпичной кепкой, на ногах легкая обувь с толстой подошвой. В общем мужик выглядит более чем весомо и вот с ним я бы драться точно не захотел.

- Тебе не сюда, парень – буркнул он, отрывая взгляд от бумаги и возвращая ее мне – Пойдем покажу.

Коротко кивнув махнувшему в ответ парню в точно таком же комбинезоне, он зашагал обратно к выходу. Я поспешил за ним. Двигаясь в бодром темпе, он вывел меня за территорию, провел вдоль стены, украшенной недавно подновленной картиной, изображающей бурлящий от рыбы океан, и вдруг резко остановился прямо напротив плывущего «на нас» крупного тунца, будто готового вот-вот выскочить из стены и устроить Хуракану сюрприз. Повернувшись ко мне, он наставил на меня указательный палец правой руки и сурово приказал:

- Не жалей никого из этой слизи, парень! Никого! Понял?

Удивленный этим внезапным напором, я тихо поинтересовался:

- Не жалеть кого?

- Ты недавно прошелся с проверкой по коридорам под бассейнами, верно?

- Верно – подтвердил я.

- И там ты обнаружил полную некомпетентность, лень и откровенную халтуру всех тех, кто должен был следить за порядком вверенного им объекта. Верно?

А он рубит с плеча и даже не пытается как-то смягчить слова. Вряд ли он рядовой охранник. Я поискал взглядом какие-нибудь лычки на воротнике и плечах, но ничего не нашел и просто кивнул:

- Верно.

- Как только ты все это обнаружил там, мистер Дуглас Якобс приказал никого не пускать вниз здесь – он наклонился ближе, дохнул на меня жареной рыбой и запахом чеснока – Он приказал дождаться твоего прихода. Я лично опломбировал все три ведущих вниз двери и поставил рядом охранников. Смекаешь для чего все это?

- Чтобы никто из ответственных не успел отыскать и устранить протечки и прочее?

- Чтобы никто из ответственных за нижние уровни не успел прикрыть свою жопу от моего пинка, когда ты отыщешь там внизу такой же бардак, как и в бассейнах! – рыкнул охранник – Кредо сурвера – делать все на совесть! Всегда! Получив задачу, ты должен приложить все старания, чтобы не просто выполнить, а перевыполнить ее! А если пренебрежешь доверенным важным делом – то должен понести максимально суровое наказание, чтобы искупить вину!

Стоя вплотную, он дышал уже не только жареной рыбой, но и непреклонной жесткостью и сурверским истовым фанатизмом, хорошо знакомым мне по старым книгам и записям времен первых поколений Хуракана. Там они все такими были – готовым работать до полного изнеможения, бдительно следящими, чтобы их сыновья и дочери были такими же как они тружениками и людьми с репутацией делающих все как следует. Сейчас таких людей почти не осталось – на меня дышал чесноком и рыбой настоящий реликт, считай пережиток прошлого. Но не могу не признаться сам перед собой, что его рокочущие слова задели сурверские струны в моей душе. Заставили меня встрепенуться, оживили уже зыбкие детские мечты, в которых я был настоящим сурвером с непреклонной волей, твердыми принципами и незамутненным взглядом на жизнь.

- Вы не простой охранник – сказал я.

- Я – не простой охранник – кивнул он, не смягчая выражения лица – Так мы договорились, парень?

Выдержав его прямой и почти на физическом уровне давящий взгляд, я ответил:

- Я ни с кем не договариваюсь. Ни о чем. Просто как следует выполняю работу, за которую мне платит наниматель.

Переварив мои слова, он выпрямился и удовлетворенно кивнул:

- А большего от сурверов никогда и не требовалось. Всего лишь надо делать свою работу как следует – будь ты чистильщиком, доктором, сапожником или палачом. Пошли, сурвер Амадей Амос. Работа ждет…

И мы зашагали дальше. Миновали пестрящее красками изображение подводной вкусной жизни, прошли мимо укрытых снежным покрывалом высоких гор, промелькнул сбоку пруд с березовым причалом и наконец закончили движение рядом с открытой двустворчатой дверью. Сбоку табличка «Только для персонала», с легким потрескиванием ярко светятся плафоны длинных ламп, стену подпирает крепкий охранник с цепким взглядом, засунувший большие пальцы рук за пояс. Они коротко кивнули друг другу, и мы вошли внутрь. В лицо сразу ударила теплая волна влажного воздуха, напитанного запахом рыбы и слегка вонью тухлятины. Проскочив несколько безликих пустых помещений, мы спустились на пару метров ниже, прошли мимо полного водой, но пока еще пустого бассейна, протиснулись между двумя облепленными чешуей вагонетками и подошли к делающему спешные заметки мужчины, облокотившегося о высокий бетонный стол. Оторвавшись от работы, он взглянул на меня, и я невольно напрягся, без труда прочитав в покрасневших глазах откровенную неприязнь ко мне лично – на охранника он посмотрел совсем иначе. Я не знаю этого сурвера. Наверняка пересекались на улицах, но лично не знаю – в этом я был уверен. Однако мужчина в добротной матерчатой куртке в крупную черно-серую клетку был явно не в восторге, когда увидел меня. Он невысок, полноват, а когда он сделал несколько шагов к соседнему столу за стаканом, оказалось, что при ходьбе он переваливается как утка. Слегка рыжеватые волосы, близко посаженные серые глаза, слишком крупный нос… нет, я точно не знал этого сурвера.

Сделав пару хлюпающих глотков, он прочистил горло и заговорил, обращаясь к приведшему меня охраннику:

- Агацума.

Я покосился на охранника, похожего на кого угодно, но только не на азиата. Скорей всего эхо старых поколений и где-то в его предках затесался человек с достаточно известной в нашем убежище фамилией Агацума. А если точнее, то известность фамилия получила благодаря человеку Реджимо Агацума, пожертвовавшего собой в каком-то действительно опасном происшествии, связанном с угрозой пожара.

- Мистер Маккой – кивнул охранник – Привел вот парня, о котором говорил мистер Дуглас Якобс. А у меня там незаконченное дело с хищениями.

Поименованный Маккоем оживился, что-то хотел сказать, но неожиданно громко хрюкнул, потом еще раз и еще. Только на четвертом разе он совладал с собой, подавил лезущий наружу хрюк и, будто ничего не случилось, спокойно произнес прежним мягким голосом:

- Нащупал ниточку?

- Вроде нащупал.

- Вытяни этих мерзавцев на свет! Они обязаны возместить нанесенный ущерб!

- Конечно, мистер Маккой. Я позабочусь об этом.

- Благодарю, Реджи – улыбнулся начальник.

Реджи? Реджимо? Назван в честь знаменитого предка? Вполне возможно.

Попрощавшийся охранник ушел, а Маккой повернулся ко мне, сузил глаза, но прежде, чем успел сказать хотя бы слово, его снова одолело желание хрюкать и несколько секунд он был оглашал помещение мерзковатыми звуками. Мимо ходили рабочие, но на хрюкающего босса никто и не глянул. Даже плечом никто не дернул и смешок никто не прятал, а значит для них это зрелище привычное. Значит у него это постоянно. Кто-то щипает себя, другие выдергивают волосы, грызут ногти, а этот хрюкает и, похоже, у него это как-то связано с эмоциями. Пока он нас не видел и спокойно делал какие-то заметки, хрюканья не наблюдалось. А стоило увидеть меня – именно меня – и он зашелся в веселом похрюкивании…

Тяжелая сумка оттягивала плечо, отвертка вжималась в спину, но я терпеливо ждал, когда Маккой вволю нахрюкается и наконец-то перейдет к делу.

Ждать пришлось еще с минуту, после чего он, утерев заслезившиеся глаза вытащенным из кармана носовым платком с эмблемой «Бункерснаба», уже тише и спокойней заявил:

- Я сомневаюсь в тебе.

Произнеся эту короткую фразу, он вскинул глаза на меня. Я промолчал. Даже не двинулся, ожидая продолжения. При этом внутри меня аж свербело от застарелой привычки главного чмошника Хуракана всем угождать и всех бояться. Будь я своей старой версией, уже заюлил бы, задал бы кучу уточняющих вопросов, заранее, еще толком ничего не зная, начал бы заверять в своей упорности и честности, в своей приверженности кредо сурвера… а сейчас я стоял и молча ждал продолжения не слишком хорошо начавшегося разговора.

Отрывисто хрюкнув, Маккой повторил:

- Я сомневаюсь в тебе, сурвер. Сильно сомневаюсь.

Я промолчал. А он дернулся как от укола – не нравится ему

молчание. Поняв, что идти ему навстречу я не собираюсь, он наконец-то перешел к сути:

- Я смотрел те схемы коридоров под бассейнами. Ты обнаружил столько нарушений…

- Обнаружил – подтвердил я.

- Прямо огромное количество.

- Немалое – кивнул я – За это мне и платят.

- Но ведь до тебя туда спускались дежурные проверяющие, раз в полгода устраивалась генеральная ревизия…

Я промолчал, выжидательно глядя на Маккоя. Кажется, начинаю догадываться, куда он клонит. В помещении кроме нас было еще несколько человек и все вроде как занимались собственными делами, но явно прислушивались.

- И вот я подумал, что не могло там быть такого количества неисправностей. Я изучил отчеты, просмотрел твои пометки и что-то засомневался… и засомневался я в тебе, сурвер Амос Амадей.

Я промолчал. Пусть скажет прямо. Я ему работу облегчать не собираюсь.

- Пока что у меня только сомнение и ничего более – чуть торопливее, чем следовало, добавил Маккой, страхуясь от моего возможного ответного обвинения в клевете – Быть может ты, молодой еще сурвер, решив подзаработать и заодно получить доверие и уважение мистера Дугласа Якобса, взял да и… создал с десяток протечек? Тут открутить пару болтов, там воткнуть отвертку в прокладку, здесь той же отверткой пробить ржавое, но еще не текущее место на трубе… - перечисляя это, он не сводил с меня испытующего взгляда – Понимаешь, о чем я говорю, сурвер?

Меня бросило в жар.

- Понимаю.

- Таким образом ты заработал баллы репутации, а несколько десятков трудяг получили выговоры, некоторые лишились части зарплаты и даже работы. Так поступать нельзя! Правду говоря, я сейчас с трудом сдерживаюсь, парень, чтобы не наговорить тебе лишнего и…

- Да мне плевать сдерживаешься ты там или нет – бухнул я – Главное слюной на меня не хрюкай больше.

Замерев с полуоткрытым ртом, Маккой уставился на меня пораженным взглядом. За его спиной молодой сурвер в старом синем комбезе зажал рот обеими ладонями и, буквально перекатываясь плечами по стене, добрался до двери и вывалился в коридор. За секунду до него туда же выскочило две женщины в прорезиненных фартуках и длинных рукавицах до локтей.

- Что ты сказал? – отмер он наконец и запрокинул голову в

оглушительном хрюканье.

- Ты обвиняешь меня в саботаже, сурвер Маккой? – спросил я все столь же громко – Ты обвиняешь меня? Повторишь свои слова под запись? Если да – то говори. Если не рискнешь повторить – завали пасть и не хрюкай! И либо я начинаю работать, либо ухожу.

Ответом стало частое отрывистое хрюканье. Поморщившись, я демонстративно утер лицо ладонью и отступил на шаг назад.

- ТЫ! – давясь лезущими из горла хрюками, он наставил на меня руку и заорал – Пошел вон отсюда! Нхр-р-р-а-а! Нхр-р-р-а-а! Кто ты такой… Нхр-р-р-а-а! Да кто ты такой… Нхр-р-р-а-а!

Кивнув, я развернулся и вышел, а мне вслед продолжали лететь отрывистые восклицания и надрывное хрюканье. Дорогу я запомнил и вышел тем же путем. Проходя мимо мокрых от недавнего мытья пластиковых колесных контейнеров, услышал донесшееся из-за них восклицание:

- Ты слышала, Дульси? Слышала, как он Всхрюка Маккоя на скумбрию натянул! Охренеть просто!

- Тише ты, дурень! Тише! Работу потерять хочешь?

- Смотри тот сурвер мимо идет!

- Тише говорю! И не высовывайся, придурок! Тому сурверу деньги видно не нужны, а нам без динеро никак! Если без работы останемся – на что свадьбу сыграем? Молчи!

- Да молчу я… но как он Всхрюка красиво натянул… Круговорот жизни! Всхрюк меня на премию кинул, а его…

- Тише! И не называй его так! Он Илий Маккой! Илий!

Подавив улыбку, я прошел последнее помещение и вышел во внешний коридор. Сделал еще шаг и буквально наткнулся на беседующего с тем непростым охранником Дугласа Якобса. Этот неприметный властный человек реально обладает редким даром оказываться там, где его не ждут, но где происходит что-то важное. Ему хватило одного взгляда, чтобы понять прущую из меня злость – а я только сейчас понял, что реально сдерживаюсь изо всех сил. Гребаный Всхрюк Маккой прямым текстом заявил, что я не просто солгал ради собственной выгоды и очернения других, а еще и провел технический саботаж! Мы живем в замкнутом мирке. Дырявя трубы, я в буквальном смысле слова дырявлю Хуракан – а значит и собственные безопасность и жизнь! Гребаный Всхрюк…

Понимая, что я сейчас не лучший собеседник, сместился к дальней стене, кивнул и попытался просто пройти, но не тут-то было – он тут же перегородил мне дорогу.

- Здравствуй, Амос – Дуглас едва заметно улыбнулся – Что случилось? Мне сказали, ты согласился на предложенный

контракт и должен вот-вот приступить…

Я качнул головой:

- Не срослось, мистер Якобс.

- И почему?

- М-м-м… - хотелось высказать все, что думаю, но я решил не уподобляться клеветнику и пожал плечами – Просто не срослось.

- А точнее? Что тебя не устроило? Оплата? Условия труда?

- Не получится, мистер Якобс – я уже пришел в себя и почувствовал, как напряженные мышцы лица начинают расслабляться – Так уж вышло.

- Ты же хотел работать, сурвер! – в разговор вступил охранник Агацума – Сумка вон на плече, фонарь на лбу. Я довел тебя до Маккоя и…

Продолжить он не успел – в коридор вывалился багровый от ярости Всхрюк Маккой.

- Нхр-р-р-а-а! Нхр-р-р-а-а! Где он?! Где Амос? А! Вот ты… - Маккой осекся, когда Дуглас Якобс сделал шаг в сторону, показавшись из-за меня.

Оглядев тяжело дышащего и не перестающего хрюкать мужчину, Якобс повернулся ко мне:

- Тут отмолчаться не выйдет, сурвер. Налицо какой-то конфликт. Будь так добр – проясни ситуацию.

Вздохнув, я сказал как есть:

- Он прямо обвинил меня в саботаже. При свидетелях. Я не собираюсь обращаться в суд, мне не нужна никакая компенсация и про свидетелей я говорю только для вас, мистер Якобс – вам они не солгут и скажут все как есть. Когда он сказал, что я развинчивал фланцы труб и дырявил прокладки, в комнате было еще минимум четыре работника и они все слышали. После этого я развернулся и ушел.

Выслушав меня, Дуглас кивнул и перевел взгляд на тяжело дышащего Маккоя:

- Илий?

- Я всего лишь высказал свое… нхр-р-р-а-а!... До него ничего такого не нашли, а как только он спустился вниз нхр-р-р-а-а!... Я же о нашем деле радею! Из-за него род Якобс обвинят в нхр-р-р-а-а!...

- Ясно – изрек Дуглас Маккой – Ясно…

Помолчав, он оглядел толпящийся в коридоре народ – мы невольно образовали пробку у служебного входа – и попросил:

- Расходимся, сурверы. Расходимся. Закончившим смену отдыхать, другим успехов в работе. А вы двое давайте за мной. Есть у меня простое решение этой ситуации. И если ты попусту обвинил сурвера Амадея Амоса, и он это докажет, то тебе

придется перед ним извиниться. Амос… ты идешь?

Вспомнив о предложенной сумме и другие блага, я поколебался пару секунд, но все же выбрал заработок и стронулся с меня, пойдя за Дугласом Якобсом.

**

По звенящей под подошвами лестнице я спустился первым и отвел в сторону луч налобного фонаря, чтобы не слепить следующего. Маккой, переодевшийся в серый комбинезон и высокие зеленые сапоги, спускался куда медленнее, крепко вцепляясь руками в перчатках в каждую перекладину и ненадолго замирая на ней. Неопытный… Возможно впервые перемещенный из своей комфортной среды офисного обитания прямиком в журчащую клоаку… Последним спустился рядовой охранник с мощным шахтерским фонарем на плече – вещь, кстати, классная. Тоже производства Россогор, обновленная древняя модель шахтерского фонаря с черным корпусом аккумулятора, витым проводом и самой лампой с регулируемой мощностью. Я бы от такого не отказался, но он стоит под две сотни динеро самое малое. Илий Маккой повертел головой, освещая и обозревая сырые бетонные стены, после чего, тяжело вздохнув, почти простонал:

- Ну пошли уж… нхр-р-р-а-а!... – говоря это, он смотрел по сторонам с такой пугливой брезгливостью, что я окончательно убедился – он впервые в подобном месте. Белоручка. Белоножка.

И теперь понятно, почему он решил, что такого количества протечек просто не может быть – потому что никогда не видел в живую настоящие трубы – большие, старые, дрожащие от бурлящих в них жидкостей и могущие годами не давать о себе знать, а затем разом лопнуть в нескольких местах сразу. А те трубы, что там наверху, чистенькие, выкрашенные, не такие толстые… это все ненастоящее.

Я молча указал рукой и зашагал вправо, ориентируясь висящей на шее пластиковой схеме. К ней был подвешен химический карандаш, постукивающий о схему и задающий ритм. Сделать я успел шагов десять, прежде чем меня догнал Маккой и, обогнав, повернулся ко мне. Наклонив голову, уставившись исподлобья, намеренно слепя своим фонарем, он прошипел, стараясь звучать грозно:

- Со мной так разговаривать больше не смей! А когда поднимемся наверху – публично извинишься передо мной! Чтобы все слышали! Понял, мальчишка?!

Я покосился на спокойно наблюдающего за нами молчаливого охранника. После чего посмотрел прямо в световое марево перед собой и ответил:

- Нет, не понял. Фонарь убери – слепишь.

Луч не убрался с моего лица, а в голосе Маккоя добавилось визгливых злобных ноток, прежде сдерживаемых, но теперь прорвавшихся:

- Нхр-р-р-а-а! Кем ты себя возомнил?! Подумаешь – герой! Ты просто захлопнул решетку, а не убил тварь! Ты просто нашел кучу дырок в старых трубах, а не залатал их! А я – заслуженный специалист с достойным образованием и большим рабочим опытом! Я босс! Моя работа действительно важна – и для рода Якобс и для Хуракана! А ты кто такой? Чистильщик? – он уже кричал и эхо его слов уносилось в далекий тоннель.

Меня где-то там в подсознании посетила зябкая мысль, что если тут есть какие-нибудь твари – вот сейчас они точно нас услышали. А он продолжал что-то орать про то, какой он важный и достойный, про то какой я никчемный и черти что о себе возомнивший.

И тут я внезапно понял… меня просто осенило, и я не сумел сдержаться, растянув губы в усмешке:

- До меня дошло… Холисурв!… Да ты ведь просто завидуешь мне!

У меня все как-то разом само собой сложилось в ушибленной голое. То, как Илий Маккой ходит, как держит голову, как жестикулирует и даже его манера говорить – это все я видел уже много раз у другого человека. Это полная калька с Дугласа Якобса. Маккой копирует его во всем. Еще четверть часа назад мы, делая вид, что забыли о конфликте, собирались спускаться и Дуглас был там, беседуя, проверяя какие-то документы, ему то и дело отвечал Маккой и вот тогда-то мне и почудилось, что в глазах двоится – слишком уж одинаково они звучали и выглядели, хотя внешне были совсем непохожи. Да даже то, как льстиво Всхрюк улыбался Дугласу, как жадно заглядывал ему в глаза…

- Ты просто завидуешь мне – повторил я и, коротко рассмеявшись, шагнул в сторону и пошел дальше по коридору – А еще злишься, потому что папочка Дуглас перестал хвалить любимого сыночка и то и дело вспоминает имя совсем чужого гадкого сурвера, да, малыш? Ой как тебе завидно и обидно… а противный сурвер продолжает досаждать… да? Взял да аж сюда явился наглая морда, да еще и нагрубил при всех большому важному Всхрюку… утю-тю…

Охренеть…

Откуда в моей голове эти злые насмешливые слова, что так быстро складываются в колющие и режущие душу предложения? Я ведь не такой… я совсем не такой…

- Ты-ы-ы! – перекосив лицо, он сначала замахнулся, затем чуть повернулся ко мне и ударил.

Я даже не шевельнулся, видя и понимая, что ударить он не сможет. Слишком уж близко он к стене. И я не ошибся – кулак Всхрюка зацепил железную сетчатую обертку вороха мелких пластиковых труб, что уходили наверх. В свое время сетку крепили проволочными скрутками – дешево, сердито и навечно, вполне в духе сурверов. На одну из таких обрезанных, но все еще торчащих скруток он угодил кулаком. Я будто в замедленной съемке смотрел, как его рука налетает на торчащую скрутку, как морщится еще целая кожа в месте соприкосновения, а затем наконец рвется, как появляется и удлиняется темная, но еще не кровоточащая борозда. Странно хекнув, он отпрянул в сторону, ошарашенно глянул на все еще сжатый кулак и в этот момент очнувшаяся кровь рванула на выход, выступив сначала каплями, а затем уже полив обильной струей.

Я покосился на скрутку, с которой свисал лоскуток кожи. Глубоко же он себе руку проборозди. Скорей всего до кости. А бинта или пластыря у меня при себе нет. Раньше я много чего таскал, но потом все кончилось, а в серьезных случаях мои ссадины и раны спонсировал бинтами и мазью бригадир Раджеш Паттари. И ведь раньше я ему за это был благодарен, а теперь понимаю, что он обязан был это делать, равно как и предоставлять отгул – чего он не делал никогда. Я продолжал пахать с перебинтованными руками, изнемогая от боли, но боясь голос подать.

А этот промолчит, интересно?

И чего он так замер?

- Кровь! – удивительно тонким голоском пискнул Маккой, неотрывно глядя на раненую руку – Кровь! Нхр-р-р-а-а! Нхр-р-р-а-а! КРО-О-О-О-ВЬ! Нхр-р-р-а-а! Нхр-р-р-а-а! – запрокинув голову, он издал долгий, очень долгий визг животного.

Невольно вспомнилось прочитанное в какой-то книги выражение: орет как резаная свинья.

Но особенно меня впечатлило изумленное выражение лица уже совсем не невозмутимого охранника.

- Нхр-р-р-а-а! Нхр-р-р-а-а! Убил меня! Убил! – белый как мертвец Маккой рванул к лестнице и с гулом металла начал по ней подниматься, раскачиваясь, хватаясь за перекладины только целой рукой, а другую держа на отлете.

Поднявшись на метра два, в очередной замах он промахнулся мимо перекладины, схватил лишь воздух и с приглушенным визгом полетел спиной вниз. Охранник попытался подскочить и поймать, но зацепился плечом за те же скрутки, затрещала ткань

комбинезона. Я сам не понял, как оказался рядом, тело среагировало само, и я успел схватить его голову и удержать, а вот его спина и задница с силой приземлились на мокрый пол. Так мы и замерли – он задницей в луже, задранные ноги на перекладинах, руки дрожат на полу, а голова зажата у меня в ладонях, не дотянувшись затылком до бетона буквально пару сантиметров. А ведь его потная башка едва не выскользнула из моей хватки… Аккуратно опустив на пол важный рабочий орган босса Маккоя с едва не расплескавшимся о бетон опытным содержимым, я выпрямился и отступил до того, как метнувшийся охранник оттолкнет меня. Склонившись над затихшим Всхрюком, охранник тряхнул его, направил мощный луч фонаря в лицо.

- Мистер Маккой! Мистер Маккой!

Со своей позиции я увидел, как посеревшие губы Всхрюка вяло шевельнулись и едва сумел услышать его ставший тихим-тихим голос:

- Подними меня отсюда, Томми. Убери меня отсюда…

Он больше не хрюкал. Не визжал. Просто лежал и смотрел вверх на светлый зев открытого люка.

- Убери меня отсюда, Томми – повторил Всхрюк – Пожалуйста…

Охранник засуетился, схватил за плечи, начал приподнимать начальника, а я запрокинул голову к потолку и тихо прошептал:

- Дерьм-о-о-о-о…

Если меня и услышали, то мне было плевать.

А еще я только что понял, почему мне стало так часто «везти» с нарыванием на ненужные конфликты. Ответ лежал на поверхности – я просто перестал терпеть проявление ко мне грубости и наглости. Я перестал глотать, начав принимать дерьмо не глоткой, а злобно сжатыми и оскаленными зубами.

Вот и результат…

**

С частым звоном ловко спустивший по лестнице Дуглас Якобс был в сопровождении того же охранника с тем же фонарем. Оглядевшись, он буднично кивнул мне:

- Можешь начинать, Амос. Выбирай направление и участок для осмотра.

- Вы выбирайте – предложил я, протягивая ему схему – Любой участок.

Не глядя, он ткнул наугад, посмотрел на наручные часы и поинтересовался:

- В полчаса уложишься со своей доказательной базой? И пойми правильно, Амос – лично я тебе верю. Но раз уж ваш скандал с Маккоем вылился в пролитую кровь и громкие слова,

то доказывать придется.

Я не стал говорить, что не проливал кровь и что не я первый начал произносить громкие слова. Зачем?

Пустое сотрясение воздуха.

Я посмотрел на выбранный им участок, сориентировался, понял, как туда пройти так, чтобы «зацепить» по дороге электрический щиток и сдвинулся с места, освещая путь налобным фонарем. За его батарею я не волновался – почти полная. После случая с Всхрюком – а мысленно я его никак иначе больше не называл – когда его утащили наверх, я поднялся следом, чтобы никто не заподозрил меня в попытке оргназиации следующего саботажа. На это моих мозгов хватило.

И пока там все суетились, бинтовали руку чьей-то рваной футболкой, несли носилки и занимались все прочим шумным, я налил себе чайку из старомодного титана, нагреб на толстую пластиковую тарелку бутербродов с рыбой, уселся за стол с парой журналов и плотно поужинал, вчитываясь в новый выпуск «Сурверская занимательная механика». Закончив с едой, вытащил из сумки пустой контейнер – я умнею на глазах – и плотно уложил в него еще бутербродов. Лишними не будут, а наглости я уже набрался столько, что даже по сторонам не смотрел во время сего действа. Вернувшись к журналам, я читал и ждал продолжения шоу, но ничего такого не последовало. Где-то через час пришел охранник, спросил готов ли я продолжать, а когда я подтвердил, мы дождались Дугласа Якобса и снова отправились вниз.

И вот теперь мне надо что-то снова кому-то доказывать…

Во мне поднялась волна злого раздражения и пришлось некоторое время потратить на демонстративное изучение пластиковой схемы, скрывая ею лицо – я все еще не мог полагаться на тот самый воспетый Инверто Босуэллом самоконтроль. Раньше у меня получалось скрывать эмоции куда лучше – до того момента пока меня не приложили затылком о стену, после чего все и началось. Вот и сейчас мои губы кривила злая усмешка, а с языка рвалась не менее злая фраза: «А какого хрена я должен что-то кому-то доказывать?».

Дуглас ведь сам меня сюда позвал – потому что до этого я качественно сделал свою работу.

Сделав несколько неглубоких вдохов, я чуть успокоился, попутно поняв, как дойти до выбранного Дугласом Якобсом места, проверил маркировку на стенах, с трудом разобрав остатки шелушащихся и осыпающихся цифры и буков. Заметив мои затруднения, Дуглас подошел, мрачно посмотрел на стену перед собой и задал вопрос вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь:

- А почему я не могу почти ничего прочитать? Почему обозначения и схемы не обновляются?

Ему никто не ответил, но сразу стало ясно, что еще паре бригадиров не поздоровится. Исходя из своего богатейшего опыта умелого покрывателя чужих грехов, я бы мог сейчас смягчить грядущий удар, сказать, что маркировку не так и важно обновлять, если есть надежная схема, что на все это уходит слишком много краски… но я промолчал и просто свернул в нужный коридор, настолько узкий, что идти в нем приходилось боком, стараясь не касаться спиной стены, а животом тянущихся с другой стороны труб. Спутники последовали за мной и через минуту я услышал шорох трущейся о трубы комбеза, а затем и тихую ругань. Охранник не сдержал эмоций и по понятной причине – на его чистенький комбез перекочевала смесь бетонной пыли, ржавчины и всего того прочего, что осело на трубы и по нашим правилам должно было бы регулярно вытираться. Но не вытиралось. Я промолчал, но знал, что это плюс мне – там, где годами не протирают трубы, не может быть и знания о их состоянии.

Выйдя в параллельный коридор, я сделал несколько шагов, заметил пару проблем и на ходу указал рукой:

- Вот и вот, например. Две протечки. И у одной потенциал перерасти в нечто посерьезней.

- А ну-ка задержись, Амос – остановившись, Дуглас Якобс дождался, когда охранник перестанет сокрушенно разглядывать испоганенный комбинезон и направит луч шахтерского фонаря вверх, посмотрел туда же – Так… первую протечку вижу. Это у нас что?

- Судя по цвету и размеру трубы в ней чистая вода – ответил я, глядя на уходящего в потолок толстого монстра с остатками зелено-синей краски.

Под самым потолком имелся подтекающий фланец. Капли одна за другой стекали по трубе, оставив за прошедшее время белую извилистую полосу отложений.

- А вторая протечка? Я не вижу.

- Вот – я указал на подвешенную на цепи толстенную трубу, тоже идущую под самым потолком, но уже горизонтально.

Через каждые пару метров ее поддерживали закрепленные в потолке цепи и судя по диаметру, этот «удав» вел воду в какой-нибудь жилой блок неподалеку. Ниже был проложен целый пук труб поменьше, среди которых были и пропиленовые.

- Тут сухо – заметил охранник, водя лучом света из стороны в сторону.

- Тоже не вижу второй протечки – согласился с ним Дуглас

Якобс – Хотя вон там на потолке пятно и на цепи всякие наросты. Но они сухие.

- Сухие – подтвердил я – Уже сухие. И пока что сухие.

- Это как?

Натянув рукавицы, я подпрыгнул, ухватился за цепь и, аккуратно ставя ноги, поднялся повыше, дотянулся до щели между указанной мной трубой и потолком, взялся за подобие изогнутого ростка белесого растения и рванул. С хрустом «росток» отломился, а я спрыгнул на пол и показал Дугласу Якобсу свою добычу. Дав ему рассмотреть, поднял руку и снова указал на потолок. И на этот раз, когда туда уперся луч шахтерского фонаря, мы все увидели прыскающую каплями протечку. Выплевываемые ей капли ударяли в потолок, а затем стекали по цепи. Количество воды ничтожно и ни на что не влияет – будто бы. Но на самом деле любая протечка может натворить огромных бед – дай ей только время и не тревожь. Показав на цепь, я спросил:

- Видите? Я на нее чуть оперся, дал дополнительную нагрузку и…

- Ты про трещину вокруг ее потолочного крепления откуда сейчас вылилась вода? – уточнил Якобс, глядя вверх.

- Да – кивнул я – Протечка вверху, воду под давлением впрыскивает в щель, она вымывает крошки бетона и напитывает сам материал, крепление слабеет и однажды цепь может вылететь. Если не заметить и не исправить, то на вон те фланцы будет слишком большое давление и когда-нибудь болты лопнут. Вода хлынет потоком, но даже это может остаться незамеченным, если нет регулярного досмотра. Когда поймут, что давление упало – добавят его с помощью насосов. Это увеличит нагрузку на трубу, фланец оторвет окончательно, и вся эта часть рухнет на идущие внизу трубопроводы, среди которых есть и хрупкие. И вот это уже будет проблема. Устранимая, но все же серьезная проблема – взглянув на стоящего с непроницаемым лицом Дугласа Якобса, я добавил – Само собой все это обычно занимает годы и до максимального разрушения обычно не доходит. Но если в любой из предыдущих этапов здесь вдруг окажется проверка…

- Охренеть! – емко выразился охранник и тут же стушевался, поймав на себе взгляд босса – К-хм…

- Но даже если протечек не будет – все равно нарветесь на штраф, когда сюда явится грамотный проверяющий – заметил я – Ну или тот, кому кровь из носа надо найти максимум нарушений.

- И из-за чего мы получим штраф? – мягко поинтересовался Дуглас.

- Из-за пару месяцев назад вышедшего постановления о дополнительных опорах для всех подвешенных труб – ответил я – Номер постановления не помню, правда, но мою бывшую бригаду оповестили и сказали выискивать проблемные места, сообщать о них ответственным и требовать подпись о том, что они были извещены.

- Я не слышал о таком постановлении.

- Да никто из больших боссов не слышал – я пожал плечами – Это тема для чистильщиков вроде нас. Но причина изменений как раз из-за такого вот обрушения трубы где-то на втором этаже. Цепной подвес со временем ослаб, труба провисла, пошла протечка, причем открылась она внутри двойной стены, и вся масса воды уходила не пойми куда. Потом обрушение, повреждение соседних труб… Вот после этого и приказали всем ответственным проверить свое трубное хозяйство, найти проблемные места и подставить под трубы Т-образные металлические опоры или же бетонные блоки. Как-то так…

- Как-то так… - повторил Дуглас Якобс и, коротко кивнув, развернулся и двинулся обратно к узкому проходу – Я увидел все, что хотел, Амос. Благодарю. Начинай работу и веди ее в своем темпе, все наши договоренности в силе. Если в одиночестве чувствуешь себя некомфортно – я оставлю здесь охранника.

- Для меня в таких местах дом родной – ответил я.

- Тебе решать – буркнул босс уже из прохода.

Охранник, не сдержав облегченного выражения лица, подмигнул мне и заторопился за начальником.

Ну а я… я снова пробежался глазами по схеме, понял, как спуститься на самый глубокий подуровень с резервными цистернами и двинулся туда, понимая, что обязательно совершу как минимум пять долгих и глубоких погружений в ледяную воду.

В полу нижнего подуровня, выглядящего обрезком уродливой тесной кишки, находилось четыре цистерны. Все закрыты заболченными люками. Я вскрыл каждый. И нырнул в каждую цистерну поочередно – с первой по четвертую. Ощущения все же – сначала легкий, но уже почти незаметный страх, потом обжигающий резкий холод и вместе с ним приходящая эйфория, раза в два перекрывающая «приход» от бега. Это не описать словами. Это надо прочувствовать – чем я и занимался, медленно опускаясь на дно.

Разболтить люк, нырнуть, поплавать, согреться, заболтить люк, перейти к следующему, где чуток отогреться и снова повторить весь цикл…

В первых трех цистернах я коснулся дна. А вот в четвертой

дотянуться не смог…

И это меня изрядно удивило – потому что, согласно схеме, резервный танк был глубиной в четыре метра. Я ушел глубже – но дна не достал. Хотя видел в свете налобного фонаря «мохнатое» из-за донных отложений дно, словно бы тянущееся зыбкими щупальцами к моему лицу. И дно находилось метрах в трех минимум. Получается цистерна семь или восемь метров в глубину?

Впрочем, удивление быстро исчезло, стоило вспомнить про то, как строился Хуракан и сколько подрядчиков участвовали в стройке. Особенно отличились три монстра, три столпа нашего мирка – Россогор, Алый Юкатан и СурвМаунтинс, ведь каждый из них считал себя главным и имеющим больше всего прав. Сейчас в нашей хураканской истории эти моменты стыдливо замалчиваются, но остатки затертых конфликтов можно по сию пору проследить по страницам исторических книг. Не сосчитать сколько раз монстры не сходились во мнениях. Единственное в чем они нашли взаимопонимание так это в том, что Хуракан должен быть максимально надежным убежищем, способным защитить от любой глобальной катастрофы. Вот только они не сошлись в том, как именно это реализовать на практике и делали все на свой лад…

Проведя под Тэмпло больше восьми часов, я отыскал немалое количество проблем на нижних уровнях, отметил их все на схеме и начал подниматься по звенящим лестницам, не забывая отключать фонарь и часть пути проходить вслепую и наощупь. Ставшая будто тяжелее сумка оттягивала плечи, ноги снова налились свинцом, но я уже свыкся и не обращал особого внимания, думая о скором перекусе дома, о папках и о небольшой пробежке…

Глава 9

Глава девятая.

Во второй папке из архивов ВНЭКС страниц было не меньше, чем в первой и все интересное и важное все так же было скрыто под пластами бюрократической грязи. График уплаты членских взносов, количество покинувших партию и число пришедших им на смену, кто и как отзывался о доктрине ВНЭКС, какие вдохновляющие фильмы смотрели на очередной сходке, о чем говорили, сколько чего из простых «сурверских» закусок было заказано и сколько динеро на это было потрачено…

Но я читал со всем тем же неослабевающим интересом. Меня еще потряхивало после пятикилометровой пробежки, которую я постарался пробежать в максимально доступном для меня темпе, в животе плескалось больше литра выпитой воды, в подмышках и паху свербило от пота и грязи, но я, оттерев руки грязной одеждой, намеревался одолеть хотя бы начало второй папки, а потом уже идти мыться. Впервые в жизни у меня было столько важных дел, что я попросту не успевал их выполнять, но честно пытался изо всех сил.

Но читал я именно с интересом, а не просто с тупым старанием исполнительного сурвера. Да от черствости бытовых фактов у меня глаза начинали подсыхать, не говоря уже о горле. Но мне все равно было интересно и сразу по нескольким причинам. Во-первых, во всех этих делах участвовали мои тогда еще молодые родители. Во-вторых, тот, кто усердно занимался сохранением данных на толстых зеленоватых листах, делал это умело, не упуская вообще ничего и благодаря этому давние годы представали перед моим мысленным взором выпуклой яркой картинкой. Я будто сам находился в рядах Фольк и видел все происходящее собственными глазами. Ну и в-третьих – я, как сурвер мечтавший стать хураканским историком, прекрасно знал, что порой самое важное кроется в мельчайших и, казалось бы, скучных рутинных деталях. Важно ли знать причину отсутствия сразу трех членов Фольк перед их второй вылазкой, состоявшейся через три недели после первой? Да, важно. И причина указана – все трое слегли с повышенной температурой и ознобом. Некая вирусная инфекция. Вполне уважительный повод пропустить новую миссию, правда ведь? Ну… не совсем – потому что из документов первой папки я помнил, что у этих троих тоже возникли проблемы с погружением в темную воду затопленного коридора. Один даже лицо в воду опустить не смог, другие справились чуть лучше, но чувствовали себя хреново. И поэтому я

совсем не удивился, когда на более поздних страницах прочел, что эти трое отсеялись из подразделения Фольк. Двое перешли на агитаторские должности, третий же вообще покинул ряды ВНЭКС. Нигде ни слова не было сказано, что они испугались… но благодаря тем самым мелочам я понимал, что так оно и есть – они струсили. И на мгновение я ощутил несколько низменную радость как тот, кто свой страх смог преодолеть и заставил себя погрузиться до дна глубокой подземной цистерны…

Вторая вылазка подразделения Фольк оказалась… совсем уж легкой, считай постановочной. Я ощутил легкое разочарование, но, оценив собственные ощущения от попытки нырнуть в темную воду, понял, что лидер подразделения Гилдерой Уэйч принял абсолютно правильное решение. На свою вторую миссию Фольк в полном снаряжении, таща за спиной тяжелые ненужные рюкзаки, отправились в законсервированные бараки, где во время строительства Хуракана обитали работяги. Закрыли бараки по причине простой и логичной – там не было никаких коммуникаций кроме протянутого по потолку кабеля освещения. Никакой канализации, водопровода, дополнительных кабелей вещания и всего того прочего, что наделяет нашу сурверскую жизнь определенным комфортом. Рабочие, кстати, все еще жили там в Первый День, когда в убежище ломанулись все, кто находился достаточно близко, чтобы успеть. И черный юмор в том, что кто-то из имевших полное право занять свое место в Хуракане не успел до того, как закрылись внешние люки и сгорел в атомном огне, а кто-то, напротив, не успел покинуть убежище, хотя и не хотел здесь оставаться – к ним относились уроженцы Юкатана, меднокожие работяги, поневоле влившиеся в наши ряды, прожившие здесь свои жизни и оставившие в наследство свое ДНК, красочные фамилии, кухню и немало традиций.

В их пустые пыльные бараки и зашло подразделение Фольк, пробыв там четверо суток в полной изоляции, сами себе готовя походную пищу, спя в брошенных на нары мешках, исследуя помещения, ведя беседы на различные, но больше политические темы, проводя лекции по навыкам выживания и просто неплохо проводя время. И все это без электрического освещения – пользовались лишь собственными экономно расходуемыми фонарями. Спустя четверо суток подразделение покинуло бараки и благополучно вернулось домой, преисполненное потрясающими впечатлениями – так и было написано.

Что ж… разумно. Куда разумнее первой вылазки, где еще неопытных гражданских заставляли нырять в ледяную воду. Командир подразделения Уэйч умеет делать выводы из своих ошибок. В прикрепленном среди листов конверте хранились

очередные фотографии, и я без труда отыскал несколько фото родителей. На одном из них они были вместе – она, поджав ноги и обняв колени, сидела на спальном мешке, ярко освещенная закрепленным над головой фонарем. Рядом открытый блокнот или книга. А он, отец, сидел на полу рядом с нарами, держа в руках алюминиевую кружку с эмблемой ВестПик, глядя на маму снизу-вверх и широко улыбаясь. При этом он был вне основного луча фонаря, находясь в сумраке. Сгустившаяся вокруг них мрачная атмосфера давно покинутых бараков, с их лесами уходящих вдаль трехэтажных нар, со странными рисунками на ближайшей стене, добавляли фотографии особого колорита. Я долго смотрел на этот такой старый и такой красивый снимок….

Фото я забрал себе, не забыв сделать об этом приписку в конце еще не прочитанной до конца папки.

Закончив сканирование прочитанных листов, я глянул на часы и спохватился – мне надо торопиться на помывку, после чего отправляться на встречу с Инверто Босуэллом.

**

Того, кого искал, я увидел сразу – как и остальные примерно пятьдесят сурверов собравшихся в главном зале регионального офиса ВНЭКС. Это просто потрясающе, как по-разному они умеют использовать и соответственно оформлять это помещение. Недавно для праздничной вечеринки и пунша с нужным декором. А сейчас я словно попал на посвященное детям мероприятие. А стоило стоящему на возвышении и ослепительно улыбающемуся Босуэллу продолжить речь, я понял, что никакого «словно» тут и нет – это на самом деле посвященное детям мероприятие.

Инверто говорил быстро и пламенно, в руке демонстративно держал начищенное до серебряного блеска ведро с логотипом ВНЭКС и перекинутой через край белоснежной тряпкой, а другой рукой он потрясал до боли знакомым предметом – тонкой школьной тетрадью для начальных классов. Плотная обложка, двадцать пустых страниц, которые наши родители расчерчивали в полоску, клетку или еще как перед началом каждого учебного года. И писали мы преимущественно вечными перьевыми ручками, макая их в чернильницы. Клякс я поставил море… а сколько раз чернильницу выливали мне на голову «добрые» одноклассники, заодно заливая школьные принадлежности. И такой вот тетрадью и потрясал Босуэлл.

Я слушал внимательно, но большую часть его эмоциональной речи пропускал мимо ушей, оставляя лишь сжатую суть. Вскоре стало ясно для чего он позвал меня и всех остальных и чем мы будем заниматься ближайшие часы. Поняли это и остальные, но продолжали прилежно слушать, сохраняя на лицах радостные

полуулыбки, в то время как суетящийся в зале фотограф делал снимок за снимком, а сидящая на пристенной скамьей девушка в клетчатом берете торопливо записывало каждое слово Босуэлла. Я узнал значок на ее красной жилетке поверх белой блузки. Журналисты от еженедельного толстого издания Сурвер Хуракана, чей офис базировался на третьем уровне. Надо же как низко они спустились, чтобы поприсутствовать. Помимо них в зале было еще несколько сурверов той же профессии и все они суетливо черкали в блокнотах, чтобы позднее осветить все в своих изданиях. Грамотный продуманный ход… впрочем, Босуэлл иначе и не умел. Улыбаясь, он продолжал говорить, но уже пару раз глянул на наручные часы, давая понять, что почти закончил и пора приступать к делу.

А говор он о перезапуске некогда находившегося на этой самой коридоре-улице зала детского досуга и творчества Юный Сурвер. Ну да… дураки назвали бы такой зал Веселым Гусенком, да? Но мы не дураки и просто еще раз используем слово «Сурвер», благо оно звучит гордо. Юный Сурвер, Правильный Сурвер, Седой Сурвер, а затем уже и кладбище Покой Сурвера – как называлась одна из наших грибниц.

Босуэлл сказал последнее слово и, спустившись, зашагал к выходу, мельком глянув на стоящего у стены меня и коротко кивнув. Я ответил тем же, пропустил всю толпу, что мгновенно собралась вокруг лидера, пока журналисты наперебой задавали ему вопрос за вопросом и следом за ними вышел на улицу. Мы прошли шагов триста и остановились у настежь распахнутых дверей, за которыми находилось крайне грязное обширное помещение с составленными по углам столами, лавками и чем-то еще.

- Детям было обещано, что уже с завтрашнего утра центр досуга откроет свои двери для нашей любимой детворы! – громко заявил Босуэлл и его слова эхом зазвучали в коридоре – Так не разочаруем же наших детей, ведь разочаровать ребенка это тоже самое, что разочаровать наше будущее! А сурверы так не поступают!

- Не поступают – радостно отозвалась толпа.

- За дело, сурверы! За дело, ВНЭКС!

- За дело!

Похоже, я тут единственный, кто не улыбается. И я же один из немногих, кто предпочел смотреть не на Инверто, а на помещение, оценивая предстоящий фронт работ. Сюда бы один из уборочных комбайнов запустить, но последние исправные ушли с коридоров шестого уровня больше двадцати лет назад. Экономия. Забота о будущих поколениях – пусть им останется. А мы

ручками, ручками…

- Мне удалось договориться с пошедшим навстречу правлением шестого уровня и нам предоставят проектор и большой экран! Будут познавательные фильмы и мультики! – с широченной улыбкой заявил Босуэлл, и улица взорвалась такой радостью, будто взрослые сурверы тоже станут смотреть эти видео.

- Это еще не все, друзья! После недавнего неприятного инциндента на перекрестке Юкатан, я озаботился безопасностью юных сурверов и попросил, чтобы в зале было установлено две камеры наблюдения! Наши дети не останутся без присмотра!

На этот раз одобрительные крики наверняка долетели аж до пятого этажа, а у меня зазвенело в ушах. Тяжело вздохнув – но постаравшись это сделать незаметно – я начал заворачивать рукава старой, но чистой рубашки. Лучше бы я оставался в комбинезоне…

- Я начну! – крикнул Инверто и, окунув белоснежную тряпку в ведро, повел ей по створке распахнутой двери, стирая слой пыли и разводы, оставляя блестящий металл. А в ведре точно какая-то химия и крепкая.

Защелкали фотоаппараты, запечатлев улыбающегося политика с тряпкой со всех ракурсов. Толпа, загомонив еще сильнее, вооружилась другими тряпками и, едва не сметя журналистов, рванулась в зал. Я пошел следом, а Инверто, солнечно улыбаясь, натирая дверь потемневшей тряпкой, продолжал рассуждать о том, как важны в нашей жизни дети и их счастливое детство и как прекрасно это понимает партия ВНЭКС – партия Внутренней Экспансии…

**

- Неплохо мы сегодня поработали, да? – откинувшись на спинку кресла за своим рабочим столом, Инверто сделал первый глоток и от восторга закатил глаза – Вкусно… заслуженная награда для хорошо поработавшего человека.

Сидя на своем привычном месте, я промолчал и тоже сделал глоток той же солоноватой алкогольной смеси, после которой не бывает похмелья. Работай я в одном из немногочисленных питейных заведений Хуракана – хотел бы знать рецепт этого коктейля.

А насчет «неплохо поработали»… ну… рядовые члены ВНЭКС реально упахались вусмерть. Я в работе от них не отставал, но для меня такой труд настолько привычен, что даже ход мыслей не сбивается и дыхание не учащается. Мы отмыли потолок, стены и пол, отскребли каждый сантиметр двух больших туалетов, привели в порядок кладовые и комнату отдыха для персонала,

отчистили от грязи столы и лавки, расставили их в чистом зале, где уже заработал проектор и зажегся огонек на установленной на потолке камере, после чего народ потащился к выстроенным в коридоре столам с угощениям. Там я тоже не отставал, набив желудок густым супом с волоконцами мяса и выпив много подслащенного чая. Да… мы поработали на славу. А сам Инверто, после того как его закончили снимать журналисты, передал ведерко помощнице и удалился беседовать с пришедшими на шум представителями Охранки, седыми ветеранами труда, кем-то из администрации и прочими важными для шестого этажа персонами. Так он и провел эти часы, постоянно улыбаясь, пожимая руки, хлопая по плечам, представляя кого-то кому-то, ожидая, когда представят его и все время перемещаясь от одной группы людей к другой. Я знал это, потому что глазел по сторонам, удивленный таким шумом.

- Ты промолчал – заметил Инверто.

- Мы поработали очень неплохо – ответил я чистую правду, заглянув в усталые глаза Босуэлла – Просто я только сейчас понял, что главную и самую часть работы сегодня сделал ты. И это не лесть.

- Знаю, что не лесть – кивнул он и со стоном потянулся всем телом – Дай мне кто выбор – и я бы предпочел шесть часов кряду вымывать грязь и застарелое говно из всех углов, чем столько же времени беседовать со всеми этими… уважаемыми персонами. И нет, я не говорю, что они плохие люди, но… иногда просто хочется вот такого разговора как у нас с тобой – почти без масок, без наигранных эмоций и слишком широких улыбок. Согласен?

- Согласен.

- Вот и молодец. А как тебе пара моих новых приобретений?

Их я уже заметил, но тоже тактично промолчал, хотя был удивлен и даже где-то чуток позавидовал.

В кабинете Инверто Босулэлла появился большой и сверкающий вишневой краской старинный сейф с хромированным элементами, а чуть поодаль на стене повисла тяжелая на вид боксерская груша.

Сейф – это круто.

Мы сурверы и сами сидим взаперти. Так что любовь к надежно запирающимся стальным коробкам у нас в крови.

- Купили?

- Это подарки, но подарки желанные. Сам ведь знаешь, как говорится в хорошей поговорке: деньги и мысли держи под замком. – улыбнулся Босуэлл и, допив коктейль, потянулся ко мне – Давай допивай уже, Амос. Вечно ты цедишь по капле…

- Самоконтроль – напомнил я, вливая в себя алкоголь.

- Ты парень крепкий – отмахнулся он и забрал бокал с красной чертой – Рассказывай как у тебя прошли последние два дня. Было что-нибудь интересное?

Подняв глаза к потолку, я подумал и кивнул:

- Было. Хотя скорее смешное и мерзкое одновременно, но не особо интересное.

- И что же это такое?

- Случился небольшой конфликт с Всхрюком Маккоем, после чего он попытался врезать мне, но промахнулся, распорол руку, а когда попытался поднять по вертикальной лестнице, то сорвался и хлопнулся на пол – прямо в лужу. Голову ему я успел поймать, так что затылком он не приложился.

- Погоди-ка… - Инверто уставился на меня с изумлением – Всхрюк Маккой? Ты говоришь про… - пощелкал пальцами, он наставил на меня указательный палец – Илий? Илий Маккой, один из руководителей Тэмпло, принадлежащего роду Якобс. Ты про этого уважаемого сурвера сейчас говоришь?

- Про него самого.

- Я слышал о его прозвище, но… Погоди-ка… - смешав коктейли, он передал мне бокал, сделал пару больших глотков и, резко поднявшись, занялся кодовым замком на дверцах шкафа за спиной его кресла.

Когда шкаф открылся, оказалось, что в нем полным-полно пронумерованных и отмеченных буквами выдвижных ящичков. И Босуэллу понадобилось меньше минуты, чтобы отыскать нужную ему карточку и вернуться в кресло. Наспех пробежав карточку глазами, он положил ее на столешницу, взял ручку и, отвинчивая колпачок, попросил:

- Давай с самого начала про этот ваш конфликт. Как началось, кто, по-твоему, виноват, чем все закончилось.

- Пополнение картотеки новыми данными? – хмыкнул я и, потихоньку цедя напиток, начал рассказывать, как все произошло и с чего началось. Уложился я в несколько минут и с некоторым даже вызовом добавил:

- Себя ни в чем виноватым не считаю.

- Не считает он себя виноватым – повторил Инверто и покачал головой – Ох мальчишка… Что ты вообще о нем знаешь?

- Да ничего.

- И зря. Он опасен. Всхрюк Маккой – опасен. Ты можешь чувствовать себя победителем, но поверь – ваш конфликт еще не завершен. Такие как Всхрюк всегда опасны.

- Он сам виноват – буркнул я.

Босуэлл рассмеялся и хлопнул ладонью по карточке:

- Да плевать кто виноват! Это гребаная жизнь, Амос! Только в

детстве иногда срабатывала волшебная фраза «ты сам виноват» после которой обидчик прекращал злиться. Но детство давно кончилось! Илий Маккой опасен своей злопамятностью и мелкой мстительностью. Отныне ты его личный враг. И он сделает все, чтобы доставить тебе как можно больше проблем – снова пробежав взглядом по карточке, он сделал пару пометок и поднялся, чтобы убрать ее обратно в шкаф.

- Не я ему руку распорол и не я его в лужу уронил.

- В лужу уронил – повторил Босуэлл, беря бокал и салютую им мне – Красиво и верно сказано! Именно этого несчастный Всхрюк, с детства страдающий своим недугом нервного хрюканья, а порой заходящийся пронзительным визгом и несколько раз заливавший штаны неконтролируемым мочеиспусканием, боится больше всего на свете. Он боится сесть в лужу – то есть оказаться публично опозоренным, потерявшим лицо. И именно это ты с ним и сделал. Ты публично унизил его перед подчиненным ему персоналом, и он этого никогда тебе не простит.

- Плевать.

Задумчиво постучав пальцами по столу, он пожал плечами:

- Поживем – увидим. Просто не забывай о Всхрюке. Хотя, если хочешь избежать лишних проблем и нервотрепки, сходи завтра к нему на прием и публично извинись за свое совсем не сурверское поведение, громко заяви, насколько сильно ты уважаешь его авторитет…

- Нет!

- Сказал, как отрезал. Ладно! У каждого свой посол мозговых тараканов… Время покажет. А что там Дуглас Якобс? Как поживает этот человек-машина с огромными амбициями? Бодр? Здоров?

- Бодр – кивнул я – Более чем бодр. Вроде бы здоров. И довольно зол…

- Это я уже понял из твоего рассказа о состоянии их технических подуровней. Золотая эра Хуракана давно позади. Мы изношены в край. И изношено не только оборудование, но и наши старательность, трудолюбие и вера в кредо сурвера… Так что понимаю злость Дугласа…

- Вы его не слишком любите? – предположил я.

- Дугласа Якобса? Что ты! Наоборот! Мне очень нравится Дуглас Якобс и я очень хочу познакомиться с ним поближе, а в идеале стать близкими друзьями.

- Вы очень разные – заметил я, удивленно глядя на наполовину опустевший бокал.

И когда я успел? Видимо сказывается накопленная усталость. Тело требует алкогольного расслабления и десятичасового сна.

- Мы во многом разные – подтвердил Босуэлл – Но в главном мы мыслим одинаково – Хуракану нужно развитие! Нужна экспансия! Вот только нам этого не позволяют… Расскажу тебе кое-что, но, чтобы осталось между нами.

- Я никому ничего не рассказываю о ВНЭКС и о наших разговоров. Я же не кретин.

- Мне почти случайно попала в руки что-то вроде доклада от рода Якобс – черновик. И черновик был написан Дугласом Якобсом, а сам доклад был адресован высшему руководству Хуракана. В своем обращении род Якобс сообщал, что их мощностей хватит, чтобы самостоятельно выращивать рыбу трилугу в своих рыбных бассейнах, равно как и моллюсков, уж не помню с каким названием.

- Я никогда не слышал о рыбе трилуге.

- Еще бы – эта рыба водится в подземных карстовых реках вокруг Хуракана – ответил Босуэлл, откидываясь на спинку кресла и расстегивая воротник синей рубашки – Рыба слепая, жрет исключительно моллюсков, неприхотлива к условиям содержания, выглядит довольно мерзко… а еще она невероятно вкусная. Я пробовал и знаю о чем говорю – вкуснее рыбы я не едал. Трилуга попадает в Хуракан благодаря разведчиком – и обычно ее доставляют живой и с уже оплодотворенной икрой в пузе. И моллюсков тоже доставляют – они вполне съедобны.

- А что мешает разводить трилугу в наших рыбных садках?

- Именно! Только вопрос надо немного изменить. Не «что», а «кто», Амос. И эти «кто-то» - высшее руководство Хуракана. Они из года в год наступают на горло любой мечте рода Якобс, попутно не позволяя им наращивать объемы производства и расширять ассортимент продукции. И из года в год Дуглас Якобс составляет новый доклад, а патриарх рода Якобс подает его куда надо… и быстро получает очередной отлуп. Но Дуглас не сдается. Вот почему я считаю, что мы с ним похожи. Мы оба верим, что наложенные на нас ограничения не приводят ни к чему хорошему. Я считаю, что мы уже второе столетие пребываем в стагнации… и я знаю, что еще через столетие не изменится ровным счетом ничего – если не действовать прямо сейчас. Вот почему я в рядах ВНЭКС.

- И ты действуешь?

- И я действую, Амос – кивнул Босуэлл – Я действую прямо сейчас. А разве незаметно? Разве мы не вместе сегодня открыли зал, куда уже завтра хлынут детишки, что будут там делать домашние задания, играть вместе с улыбчивыми девушками из партии ВНЭКС, смотреть правильные фильмы и впитывать сурверскую мудрость? Разве мы не возродили уничтоженное?

Разве мы не сделали благое дело?

- А что за фильмы будут смотреть детишки? – тихо спросил я, протягивая ему пустой бокал.

- Правильные фильмы – улыбнулся Босуэлл – Интересные и правильные. Еще по коктейлю?

- Я не тороплюсь.

- Устал?

- Только тело.

Инверто одобрительно кивнул:

- Вот это правильный настрой.

- Можно спросить?

- Конечно!

- Почему запрещают внутреннюю экспансию?

- Что ты имеешь в виду, говоря это?

- Да все сразу. Почему многие помещения законсервированы, хотя их можно переоборудовать и превратить в что-то полезное. Почему нельзя выращивать рыбу трилугу? Почему высшее руководство Хуракана наступает на горло любому такому начинанию?

- Хороший вопрос… Сразу дам добрый совет – нигде и никому не говори, что руководство что-то запрещает или наступает кому-то на горло. За такие высказывания мигом очутишься в ближайшем участке, где с тобой проведут нудную и почти бесконечную воспитательную беседу. А попутно получишь пару темных пятен в своей сурверской ауре, что уничтожит твои шансы на достойную работу и сократит допуск ко многим местам. Не делай такой ошибки, сурвер. А если придется все же обсуждать опасные темы вслух, то говори наедине с кем-то как мы сейчас и убедись, что не ведется записи. Ну а если разговор не на твоей территории и с мутным сурвером, то используй обтекаемые выражения – экспансию не запрещают, а сдерживают; не блокируют, а направляют в традиционное русло…

- Я чистильщик. На руководящие должности не рвусь. И поэтому на все пятна на моей ауре мне как-то…

- Плевать?

- Можно и так сказать.

- И зря! А еще глупо! – отрезал Босуэлл.

- Глупо выражать свое честное сурверское мнение?

- Нет. Глупо давать другим власть над собой. Игнорируя правила, нарушая табу, громко крича о том, о чем и шепотом-то говорить не стоит, ты буквально добровольно оголяешь свои яйца, поливаешь их керосином и вставляешь в подожженные шипастые стальные тиски, за чью рукоять крепко держится безжалостная рука власти. Никто не любит гребаных

возмутителей спокойствия – и я не люблю! От них нет толку.

- Но если все будут молчать – то, как добиться изменений? Тогда все останется как было. Никакого выращивания трилуги, никаких дополнительных помещений, никакой внутренней экспансии…

- А вот это отличный вопрос, Амос! Рад, что ты его задал. Знаешь, меня немало раздражают придурки, кто умеет лишь жаловаться на окружающую реальность, но не в состоянии при этом даже задать правильные вопросы – удовлетворенно покивав, Босуэлл бросил задумчивый и чуть пьяный взгляд на сейф вишневого цвета и сказал – Возможно стоит дать тебе почитать начало…

Ухватившись за его слова, я посмотрел на сейф с неизвестным содержимым и спросил:

- Почитать начало чего?

- Одного уже очень древнего, но крайней важного коллективного труда… Но к этому вернемся чуть погодя. А пока ответь мне, сурвер – чего ты хочешь от жизни? Каким видишь свое будущее?

У меня невольно вырвался удивленный смешок и так же на автомате я пожал плечами:

- Я никогда всерьез об этом не задумывался.

- И все же? Чего ты хочешь?

- Свободы – ответил я – Свободы выбора.

Инверто не показался мне удивленным таким ответом. Более того – сразу уточнил:

- Свободы для кого? Для общества? Для…

- Для меня – уверенно сказал я – Я хочу свободы выбора лично для меня.

- Делать что захочешь, идти куда захочешь?

- Именно так. И чтобы никто не мог чинить мне препятствия.

- Не мог… или не хотел?

- А есть разница?

- Огромная.

- Тогда мой ответ – да плевать. Главное, чтобы не мешали мне идти своей дорогой.

- Звучит так, словно ты собираешься покинуть наш славный Хуракан и отправиться в большой радиоактивный мир там наверху…

- Если захочу – да. Я хочу иметь возможность собрать вещи, кивнуть на прощание или просто послать всех нахрен и выйти наружу. Но именно выйти и со своими вещами, а не с пустыми руками и через изгнание, что равноценно смертной казни.

- Звучит максимально радикально. Даже для партии ВНЭКС.

- Знаю. Но я не пытаюсь навязать свои желания никому из ВНЭКС. Да вообще никому ничего не говорю. Просто молча зарабатываю на жизнь.

- Ты в курсе, что у нас настойчивое желание покинуть безопасный Хуракан приравнивается к легкому умопомешательству и что немалое количество сурверов закончили жизнь в палатах психбольницы на третьем уровне?

- Слышал о таком. Но никогда не верил, что это что-то большее чем просто слухи.

- Это не слухи, Амос – Инверто говорил серьезно, глядя мне в глаза поверх бокала с коктейлем – Никаких шуток. Недавно туда забрали Жерара Матвеева, продавшего все свое имущество, скупившего кое-какое снаряжение, пришедшего к КПП №1 и потребовавшего выпустить его, как сурвера, что вправе распоряжаться своей судьбой.

Про КПП №1 знал каждый ребенок – легендарный контрольно-пропускной пункт у главного входа в Хуракан. Везде так и писали – вход. Но никак не выход.

- Я не слышал о Жераре Матвееве – сказал я вслух.

- А мало кто слышал – ответил Босуэлл – Такие вещи не афишируются и общественностью остаются незамеченными. Заболел парень. Бывает. Что тут поделать? Вещи конфисковали, самого поместили на стационарное лечение. Пройдет пара лет – и на свободу выпустят совсем другого сурвера. Спокойного, работящего, не создающего никому проблем… смекаешь?

- Смекаю.

- Хочешь стать очередным пациентом заведения по психической коррекции с ласковым названием Доброчуд?

- Нет… - меня аж передернуло – Не хочу…

- Вот поэтому молчи о своих желаниях. Достаточно услышать всего одному правильному сурверу – и тот мгновенно доложит куда надо, после чего над тобой установят негласный контроль.

- Я понял.

- Беседовал уже на эту тему с кем-нибудь?

Врать я не стал и просто кивнул:

- Да. Со старым другом. Он никому не расскажет.

- У тебя есть друзья?

Я промолчал, а Инверто выпил остатки очередного коктейля, с шумом выдохнул и отставил бокал, не забыв щелкнуть ногтем по красной поперечной черте:

- Знай меру, сурвер.

- Деньги и мысли храни под замком – добавил я ему в тон и Босуэлл одобряюще усмехнулся:

- Верно!

- Но при мне ты говоришь… много чего…

- Крамольного? Опасного?

- Да. Откуда такое доверие? Понятно, что я не записываю твои слова, что в случае чего твое слово против моего… но….

- Ответ прост, Амос – я не собираюсь использовать тебя в темную. Некоторые растят себе исполнительных болванчиков. Тупых и старательных. Такие могут копать. И могут не копать. Все строго по команде. А когда в них отпадает надобность – их сливают. Избавляются как от мусора.

- А я не такой? Не исполнительный болванчик? Я ведь делаю все, что ты скажешь – в том числе и не особо законное.

- Делаешь – кивнул Босуэлл – Но при этом ты знаешь, на что идешь. А потом, после нашего успеха, я показываю тебе плоды риска. Открытый для детворы зал, где они будут проводить время в правильных занятиях, а не смотреть как подростки курят тасманку по углам. На улицы вернулись камеры наблюдения и… - он щелкнул парой клавиш на терминале, чуть повернул его ко мне, и я увидел поделенные на сектора выводящиеся с камер изображения.

Полный сурверов коридор…

Пустой и готовый к приему детей зал.

Еще одна улица…

Я не стал спрашивать, как так получилось, что картинка с камер наблюдения в том числе транслируется на личный терминал Инверто Босуэлла. Я просто слушал. А он продолжал говорить:

- Тебя всю жизнь мучили. Издевались над тобой. Неблагополучная семья. Хреновая юность. И тошнотная зрелость, хотя по моим меркам ты еще пацан. По идее – ты просто идеальное тесто для лепки злобного исполнительного болванчика. Вот только ты далеко не дурак и привык ждать от жизни подвоха. Те, кто привык ежедневно вычислять безопасный маршрут до дома не могут не быть параноиками. Им везде чудится опасность, и они все время задают себе вопросы – в чем обман? Когда он меня ударит? Что кроется за его улыбкой?

Помедлив, я кивнул и не без горечи признал:

- Это правда.

- Вот почему я предпочитаю вести себя с тобой честно. И вот почему мы с тобой так часто беседуем – это позволяет мне узнать тебя лучше и понять, до какой черты стоит доводить наши деловые отношения – он опять постучал ухоженным ногтем по красной черте на бокале – Ведь мера для всех разная, Амос. И сейчас я говорю о мере доверия.

- Я с тобой честен – сказал я.

- Верю – кивнул Босуэлл – Верю. А еще вижу, что ты пытаешься работать над собой, стараешься изменить себя, выбить изнутри ненужное и заполнить освободившееся место правильным и полезным багажом знаний, умений и мировоззрения. Да… - поднявшись, он достал из кармана брюк брелок с ключами и шагнул к сейфу – Я все же дам тебе кое-что прочитать, Амос. Крохотную толику объемного и многократно доказавшего свою истину документа, могущего трактоваться как философский труд или же как инструкцию к действию.

Громыхнув дверцей, он закрыл сейф телом, немного порылся там, захлопнул его и повернулся ко мне, держа в руках тоненькую серую папку. Я машинально взял ее, глянул на обложку. Там не было ничего кроме черной цифры один, начертанной чьей-то рукой в левом верхнем углу.

- Прочти несколько раз. Обдумай. Снова прочти. А через пару дней я буду ждать тебя к пяти вечера. В плане небольшое мероприятие и я хочу, чтобы ты там присутствовал. Договорились, Амос?

- Договорились, Инверто.

- Ты дал мне интересную информацию о Маккое и Дугласе. Могу заплатить по…

- Нет – поднявшись, я убрал папку в непромокаемую сумку – Никаких денег не надо. Ты делишься со мной – я с тобой.

- Вот это я и называю плодотворным сотрудничеством – широко улыбнулся Босуэлл, протягивая руку для рукопожатия – Удачи в делах, Амос. И не забывай о самоконтроле… и осторожности.

- Спасибо…

**

Полученная от Босуэлла тоненькая безликая папка жгла руки, но я сумел перебороть себя и отложил ее на край стола, занявшись сначала основным делом.

Больше часа я неотрывно читал архивные документы, изучая историю подразделения Фольк. Прочитав страницу – иногда дважды – я сканировал ее, проверял качество скана, после чего переходил к следующей странице и повторял весь процесс сначала. В техническом аспекте дело спорилось, а вот познавательная часть хромала – после второй успешной вылазки в законсервированные бараки лидер подразделения Уэйч сделал еще более грамотные выводы, за эти дни успев немного изучить со стороны и расспросить каждого члена исследовательского отряда. В результате отсеялись еще четверо, им на смену пришло двое новых членов ВНЭКС, после чего отряд занялся физической подготовкой, плюс к ним подключили ветерана Разведки с тремя

часовыми лекциями в неделю и двумя часами практических занятий по совершенствованию навыков и по преодолению внутреннего сопротивления. Так и было написано. Там же было отмечено, что первую неделю подобный объем дался отряду тяжело, но потом они постепенно вошли в колею и привыкли, хотя еще двое не выдержали и ушли, сменившись новенькими.

Сначала я пренебрежительно хмыкнул – невелика же у них была нагрузка. А затем проверил их график, почесал в затылке и вынужденно признал – им приходилось в разы тяжелее чем мне. Все они работали в дневное время хотя бы частично – потому что динеро лишними не бывают, плюс у нас косо смотрят на так называемых «вечных студентов». После работы они занимались общественными партийными делами, тратя часы на помощь старикам и больным, раздачу флаеров, бесплатную переноску чего-то куда-то, терпеливое сидение на регулярных партийных собраниях. Еще они участвовали в качестве добровольных помощников во всех мероприятиях шестого этажа, а после всего этого переодевались и шли заниматься спортом, слушать ветерана, отрабатывать полевые навыки. В результате они были заняты с раннего утра и почти до полуночи – жесточайший график и почти полное отсутствие личного времени. Такое потянет далеко не каждый.

Прочитав еще несколько страниц и поняв, что Фольк продолжает учиться и не собирается в очередную вылазку, я закрыл папку, выключил сурвпад, перекусил немного на ночь глядя и завалился спать. На ночную смену в подземные коридоры Тэмпло я не собирался – я нашел столько нарушений, что там наверняка до сих пор ведутся ремонтные работы под бдительным присмотром Дугласа Якобса. Я не боялся злых взглядов работяг и откровенно ненавидящих глаз бригадиров, но с их присутствием у меня исчезала возможность нырнуть в очередную цистерну, а для меня главной целью было именно это – совершенствование своих навыков ныряния и преодоление своих страхов перед водой.

С утра я отправился на часовую пробежку, вновь намеренно не доводя себя до изнеможения, двигаясь в щадящем ритме и только пару раз устроив короткие спринты. Закончив, я привел себя в порядок в банном комплексе Чистая Душа, немного поболтал с работающим там парнишкой, после чего отправился прямиком в парикмахерскую старого Бишо, где провел несколько часов, занятых рутинной уборкой, слушанием чужих разговоров и оболваниваем налысо четырех легко доверившихся мне сурверов. Смешно, но сначала они не хотели, но, когда Бишо сказал им, что

я тот самый Амадей Амос, они мгновенно согласились подставить головы под механическую машинку для стрижки. Результатом короткой смены был плотный обед, состоящий из наваристого куриного супа с зеленью, пара сэндвичей с рыбой, а к этому в качестве десерта я обогатился свежей порцией информации о происходящем в Хуракане. Ну и руку немного набил на стрижке, доставив гораздо меньше боли своим клиентам.

Следом была еще одна большая полная разных мыслей закольцованная прогулка по главным коридорам, окончившаяся у дверей библиотеки имени Вольфа Нансена, где всем заправляла бессменная суровая старушка с неизменным синим платочком поверх алюминиевых бигуди. Библиотечную карточку я прихватить с собой не забыл, но заведующая про нее даже не спросила, поприветствовав меня с непривычным радушием и сразу предложившей чаю. В читальном зале я провел еще некоторое время, освежая в голове сведения о эпохе постройки Хуракана, о законсервированных ныне древних бараках, о зонах ответственности трех главных подрядчиков и обо всем прочем сопутствующим. Закончив, аккуратно убрал толстый том на место, вымыл за собой стакан, попрощался с улыбающейся старушкой и, стараясь не переходить на бег, направился домой – где меня ждало еще одно чтиво.

Что же такое мне предложил почитать Инверто Босуэлл?...

**

- Что… за… хрень? – сказал я, глядя в стену после того, как уже в десятый раз прочитал вложенные в папку три сиротливые страницы, напечатанные на печатной машинке, причем судя по цвету бумаги, по пятнам на ней и общей потертости, напечатаны они были очень давно.

На первой странице не было указания авторства, зато имелось краткое название: «БАЗИС».

Дальше шел текст, где сообщалось, что это закрытая информация для размышлений, написанная для избранных людей с пытливым разумом. Кто избран и для чего – это не сообщалось. Возможно подразумевалось, что я сам должен это знать – но я не знал. Да и не был я никогда избранным ни для чего, кроме гребаного крутого имени, принесшего мне только горе.

Еще чуть ниже, но все еще на первой странице, говорилось, что здесь приведены только некоторые выдержки из главного массива данных, а чтобы их получить, нужно сначала многократно прочесть и столько же раз осмыслить приведенные здесь сведения, после чего надлежит долго и много беседовать с тем, кто вручил мне азы Базиса. В моем случае это явно Босуэлл.

И до этого момента я еще что-то понимал, но все понимание

разом кончилось, когда я перешел ко второй ненумерованной странице, где сходу начались разрозненные абзацы, явно скопированные из разных мест большого документа, но при этом абзацы имели общую тему. Третья страница была о том же самом, но представляла собой еще больший хаос из надерганных отовсюду абзацев.

Перечитав страницы, я убрал их в папку, преодолев желание отсканировать странице написавшему это вопреки – на внутренней стороне папки имелась рукописная приписка о том, что этот текст никогда не был в электронной форме и всегда передавался из рук в руки.

Быстро собравшись, засунув в рот порцию рыбной соломки, я вышел, запер за собой дверь и, оказавшись сразу на беговой дорожке, побежал по Манежу, привычно ощущая давление отвертки в поясницу. Тяжелую сумку я не взял, чтобы лишняя тяжесть не мешала думать.

Базис…

Он точно написан очень давно – еще до Хуракана. Я это понял из-за несвойственных нам сурверам сравнений и описаний внешнего мира. Одно только красочное описание ограждающей зеленой пастбище стены чего-то стоило…

Я бежал, проносился мимо идущей по своим делам молодежи, мимо тяжело тащащихся стариков, мимо прилавка с приветственно махнувшей продавщицы воды и перекуса. Я бежал и продолжал думать, постепенно начиная понимать, как все это было связано с моей последней беседой с Босуэллом. И чем дольше я бежал, тем лучше все складывалось и упорядочивалось в мыслях.

Базис…

Если вкратце, то в папке говорилось о любой отдельно взятой государственной и политической системе. И неважно большая это страна или крохотное независимое сурверское убежище – все равно у них есть иерархичный разветвленный высший контроль. И Базис предлагал универсальный способ «перевода» рычагов управления на себя путем внедрения. Система подавалась как универсальная, старая как мир и полностью работоспособная, являясь пусть самой медленной, но при этом самой надежной.

Документ описывал любую властную структуру как сложенную из давным-давно уложенных, слежавшихся тяжелых камней, образующих крайне надежную и практически неразрушимую от внешних воздействий стену. Ты можешь разбежаться и удариться о стену – тебя либо отшвырнет, либо расплющит. Да можешь хоть на танке боевом врезаться или устроить там взрыв – стена все равно устоит, потому что

составляющие ее камни связаны единой идеологией и, что самое главное, единой судьбой. При этом стена хоть и незыблема, но внутри себя самой она двигается – гремящие валуны медленно ворочаются и поднимаются все выше, в то время как самые верхние постепенно рассыпаются седой пылью от воздействия времени и улетают к далекому горизонту. Каждый такой валун – один из облеченных властью амбициозных тяжеловесов. Все они стремятся вверх – к венцу своей карьеры и только смерть может их остановить.

Тебя не устраивает текущая система правления? Что ж – ты можешь ее изменить. Вот только менять надо не снаружи, а изнутри. Ты сам должен стать частью этой системы, стать одной из крохотных шестеренок в старом механизме. Но для этого тебе придется пожертвовать своей жизнью – не больше и не меньше. Но не погибнуть как мученик или тупой революционер, чье имя забудут через час после расстрела в безымянной тюрьме. Нет. Тут нужна иная жертва. Тебе придется сменить волчью шкуру на овечью, тихо влиться в пасущееся у подножья стены стадо и там, приветливо блея, начать свое восхождение, действуя строго по законам, правилам и канонам этой политической системы.

Вступи в партию, стань активистом, принимай участие в каждом публичном мероприятии, никогда не критикуй стоящих выше тебя, будь строг, но добр как отец ко всем нижестоящим, избегай любых порочащих репутацию действий, формируй собственную могучую стаю, будь максимально скрытен со своим инакомыслием, будь терпелив и вместе с тем неустанен в постройке блистательной карьеры, что однажды приведет тебя к действительно серьезной власти и к возможности что-то отменить… или ввести что-то новое, что-то могущее хоть немного, но изменить курс прущей вперед государственной махины.

Да на это уйдет целая жизнь и скорей всего там на вершине ты окажешься уже стариком. Но разве это не стоит того? Ну а если применить приведенные в Базисе способы, то продвинешься в разы быстрее и легче. Впрочем, сначала ты должен доказать старшему не только свое понимание, но и принятие прочитанного, прежде чем тебе доверят следующую порцию драгоценной информации. Не вся информация уникальна, многие уже добивались своих целей схожим путем, но при этом Базис содержит в себе прекрасно работающую особенную методу действий, равно как и сведения, что заставят тебя взглянуть на мир совсем с другого ракурса и изменят твое мировоззрение.

При этом не следует забывать самого важного – у каждого свой путь и своя роль. Не всем дано подняться на самую вершину,

но каждый может помочь единомышленникам, умело исполняя назначенную ему роль. О существующих ролях Базиса – позже и только после одобрения наставника.

В целом это была вся информация из тоненькой папки. Я ожидал прочесть что-то необычное, но не такое же… я даже не знаю, как это назвать…

Но, как мне кажется, главный посыл документа я уловил.

Хочешь изменить систему? – стань ее частью. Стань одной из ее прилежных шестеренок и усердно крутись до тех пор, пока не займешь позицию, на которой реально что-то изменить.

Если в Хуракане запрещено по собственному желанию покидать пределы убежища, унося с собой личное имущество и ты хочешь это изменить – начни общественный рост, завоюй доверие власти, стань одним из них, поднимись достаточно высоко, чтобы отменить запрет на законодательным уровне, предварительно протащив его с одобрением через все наши многочисленные бюрократические препоны. Только так это реально.

А вот так с наскока… твой путь завершится в учреждении для умалишенных. Ты просто исчезнешь с улиц Хуракана…

Босуэлл с помощью обрывков документа показывал иной путь.

И все бы хорошо, но…

- И сколько лет займет этот путь? – прошептал я, наращивая темп бега – Сколько десятилетий?

Мне понадобилось пробежать еще километра два, прежде чем я понял, что вряд ли Босуэлл хотел предложить войти в гонку мне самому, чтобы однажды стать главным Смотрителем Хуракана. Нет… он метил на эту должность себя, и он отвечал всем необходимым критериям. Он не говорил этого прямо, но даже мне понятно, что он сурвер высокого полета и с гигантскими амбициями. И прямо сейчас, в том числе с моей помощью, он активно создавал себе публичную репутацию, быстро вырастая в глазах общества. На недавней смене в парикмахерской Бишо я слышал фамилию Босуэлл в три раза чаще прошлого раза – равно как и упоминание ВНЭКС. И в ворчливом брюзжании стариков звучали отчетливо слышимые одобрительные нотки.

И что же получается?

Инверто Босуэлл уже практические выступает в роли моего наставника и покровителя во многих делах, а если я продолжу ему помогать, то однажды он сможет выполнить и мою мечту – покинуть убежище Хуракан навсегда. Покинуть на собственных здоровых ногах, в здравом уме и с тяжелым рюкзаком за плечами. И не факт, что для этого обязательно становиться главным Смотрящим – Босуэллу вполне достаточно подняться повыше,

получить доверенных лиц среди Разведки и обстряпать что-то вроде моего изгнания чуть ли не голышом, но, чтобы там за люком я подобрал одежду, снаряжение, оружие и рюкзак…

Да вариантов на самом деле столь же много, сколько протечек в трубах под Тэмпло.

Главное – продолжать работать на Инверто Босуэлла и рано или поздно я получу свою желанную награду.

«Да?» – спросил я себя – «Так продолжать или нет?»

Да…

Я продолжу работать на амбициозного Босуэлла. И продолжу выполнять его порой опасные для моего здоровья задания. И мы продолжим беседовать в его кабинете, попивая солоноватые алкогольные коктейли с красной чертой меры… Мы продолжим…

А еще я бы хотел прочитать продолжение этого… Базиса…

Верил ли я этому странному, жесткому, требующему жертв и чуток пугающему учению? Не знаю. Но мне было интересно – хоть что-то необычное в серых рутинных хураканских буднях. К тому же, я подозревал, что самое важное содержится на тех страницах, что пока не попали мне в руки…

Глава 10

Глава десятая.

Напали на меня грамотно и подло – подойдя неслышно со спины, сразу накинув на голову какую-то вонючую тряпку и тут же нанеся удар по затылку. Но в деталях я разобрался позже, а сначала просто ощутил упавшую на голову плотную материю, резко погас свет и тут же по затылку вскользь прилетел сильный удар. Придись этот удар куда метили я бы может и отключился, ну а так едва его почувствовал, а еще через пару секунд я уже снова видел и катился по полу. Выхваченную из-за пояса отвертку я вбил в первую попавшуюся на глаза штанину, второй раз ударил по соседней ноге, третий успел грузно отпрыгнуть, а четвертый, тот, что подошел сзади, успел пнуть меня по спине пару раз и тоже отступил, избегая жала дрожащей в моей руке отвертки. Последний незамеченный удар пришелся мне в лицо, в носу вспыхнула боль, из глаз брызнули слезы, я отмахнулся вслепую, ни в кого не попал и наконец поднялся на ноги, ощущая себя вполне сносно. Меня трясло от адреналина и слишком частого дыхания, изнутри рвало на части, когда половина меня требовала немедленно уматывать отсюда, а вторая желала атаковать каждого напавшего на меня ублюдка и наделать в них глубоких дыр – причем желательно в их искаженных потных лицах.

По губам стекала кровь, капая с подбородка, опираясь рукой о стену, я озирался, одновременно поправляя сползшую на бок сумку. И чем больше я оглядывался, тем в большее недоумение приходил. Именно в недоумение. Даже в оторопь. Я ожидал подвоха от Шестицветиков и вообще от всех тех, кому перешел дорогу. Но чего я никак не ожидал так это нападения со стороны… обычных взрослых работяг…

Четверо мужиков. Да высокие и с виду сильные, но очень неспортивные, с выпирающими животами, с усталыми лицами, где эмоции быстро сменяли одну за другой. Страх, злость, снова страх, потом раздражение… Четверо мужиков каждый из которых чуть ли не вдвое старше меня стояли полукругом в трех шагах от меня. Пустой переулок, зыбкое тусклое освещение, поздний вечер, я шел на ночную смену в Тэмпло, почти дошел, расслабился и даже не услышал быстрых шагов…

- Как же ты, с-ука-тварь выскочить успел? – вопрос задал чуть раскачивающийся самый крупный мужик слева.

На нем старый бордовый комбез с зелеными вставками – молодежная мода прошлых десятилетий и мужик похоже тоже оттуда же. Глубокие залысины, недельная щетина, набрякшие

мешки под глазами неопределенного цвета. Именно он пнул меня. И судя по его начальной позиции, откуда он вовремя отскочил, чтобы не получить моей отверткой, это он накинул мне на голову старый мешок, что лежал у моих ног. И он же скорей всего ударил меня по затылку, но прямого удара у него не получилось. И сейчас я смотрел на его плотно сжатый правый кулак, в то время как левая рука была разжата.

- Если у тебя там что-то зажато и ты бил меня этим по затылку… я тебе, тварь, глаза выколю – произнес кто-то и я не сразу понял, что эти слова сказал я сам и как оказалось через секунду, на этом мой болтливый язык останавливаться не собирался – Я выслежу тебя, сука… и сделаю тебя калекой….

Четверо мужиков переглянулись. Двое в центре невольно подались назад, сами того не заметив. Да и крайние, которые самые крупные и смелые, тоже выглядели несколько ошарашенными. И судя по глазам, впечатлили их даже не мои слова, а выражение моего словно застывшего лица. Я невольно коснулся щеки и мне показалось, что на мне толстая резиновая маска противогаза. Такое впечатление, что если я ткнул пальцем в широко раскрытый глаз, то палец уткнется в некую нечувствительную пленку. По подбородку продолжала стекать кровь, дышал я ртом и с каждой секундой начинал злиться все сильнее.

Да.

Я. Анус Амадей. Стоял один перед четырьмя здоровыми мужиками. Истекал кровавыми соплями. И с каждой проходящей секундой злился все сильнее, ощущая, как горячая волна неудержимо поднимается снизу вверх и скоро затопит мозг.

Я злился.

Мне сделали больно. Опять.

Мне устроили темную. Опять.

Мне разбили нос. Опять.

Меня пинали лежачего на полу. Опять.

Меня посчитали безответным мальчиком для битья. Опять.

На мне сука написано, что ли где-то, что меня можно безнаказанно унижать, избивать, вытирать об меня ноги?! Мне убить кого-то, чтобы от меня раз и навсегда отстали нахрен?!

И снова я с запозданием понял, что последние фразы произнес вслух, говоря низким шипящим голосом. В затылке пульсировала острая боль и вряд ли это как-то связано с тем ударом вскользь. С шумом набрав воздуха, я не обратил внимания на что-то говорящего мужика в бордовом комбезе и шагнул вперед, перехватывая отвертку поудобней. Глядел я только на самого молодого из четверки, стоящего в середине их

группки и одетого в рабочую куртку, плотные штаны и старинную кепку с длинным козырьком. И «кепка», поняв, что я иду именно на него, отшатнулся, засеменил ногами проворно как насекомое и мигом оказался за спинами подельников, а затем отступил еще дальше, почти к самой стене.

На этот маневр отреагировал «бордовый» удивленным восклицанием:

- Сёма?!

Я махнул рукой. И еще двое отскочили, а «бордовый» утек в сторону, показав неплохую проворность.

- Опять… - сказал я, разворачиваясь к нему, как к самому опасному – Опять… опять кто-то решил, что меня можно бить… бить сзади… Трусы! Дерьмо сурверское!

Тот, кого назвали Сёмой съежился, огляделся и рванул прочь, отмахнувшись на бегу от остальных, что-то кричащих ему вслед. Этого хватило, чтобы еще двое, прихрамывая, побежали следом, не оглядываясь на последнего. Через несколько секунд в переулке остался только я и «бордовый».

- Я сильнее тебя! – сказал он, не сводя глаз с отвертки в моей руке.

- Да мне посрать – ответил я чистую правду – Сдохну так сдохну – но тебя кишки продырявлю! И до глаз твоих сраных постараюсь дотянуться!

- Охренел?! Сам понимаешь, что говоришь, сурвер?! Мы тебя просто чуток проучить хотели! А ты за отвертку хватаешься?!

- Проучить? – я тихо рассмеялся и прыгнул вперед, нанося удар отверткой.

Бил я неумело, но бил не сверху-вниз, как в старых фильмах, а нанес прямой тычковый удар, целясь жалом отвертки в чужое лицо. При этом я сначала столь же неумело махнул другой рукой, отвлекая внимание. И у меня почти получилось – «бордовый» снова сумел отскочить, но я все же зацепил ему правую щеку и проткнул кожу, а когда он дернулся в сторону, отвертка пробороздила еще сантиметра три.

- Ай! Сука!

Я зло ощерился, тряхнул головой, стряхивая кровь:

- Больно?

- Амос! Уймись! Ты сам виноват!

- В чем я виноват? Я тебя даже не знаю!

- Зато мы все тебя знаем! – отойдя на пару шагов, он зажал ладонью рану на щеке, взглянул на меня с неожиданной чуть ли не праведной злостью – Мы все тебя знаем, падла старательная – все работяги рыбных садков, а теперь и Тэмпло! Ты хоть знаешь сколько честных трудяг из-за тебя налетели на штрафы и

лишились премий?! Что?! Заработал свои сучьи тридцать серебряников? Выявил недостатки в нашей работе, сучий ты потрох, рыбье ты дерьмо?! Человек пятнадцать – уволены! Многим понизили жалование и снизили рабочий разряд! Под сотню человек не принесут домой нормальной зарплаты! Чем нам кормить детей, упырок?!

Я молчал. А «бордовый», шагнув вперед, перестав бояться моей отвертки, продолжал орать:

- Да там хватало протечек. Ну и что с того, мать твою?! Ты вообще представляешь какого это работать на двух работах?! Спать по четыре часа в день! Да наши бригадиры халявили, не проводили осмотры как надо, месяцами не спускались в те долбанные подуровни… но зато они и нам давали чуток поспать! И знаешь почему?!

- Почему?

- Потому что они люди! Вот почему! Потому что понимают, как тяжело кормить семью! У тебя самого семья есть, ты полудурок?! У тебя дети есть?!

- Нет.

- Вот и ответ! А будь у тебя двое детей и страдающая эпилепсией безработная жена… ты бы, сука раз сто подумал, прежде чем выявлять недостатки, находить нарушения и обнаруживать халатность!

Я молчал.

- За чей счет ты себе репутацию зарабатываешь, сурвер?! – «бордовый» шагнул еще ближе, показал мне исполосованные старыми рубцами и еще не зажившими ранами руки. На одной ладони лежал обрезок арматуры с большой палец толщиной – Вот! На, погляди! Видишь эти руки?! Такие же у всех в моей бригаде! Я в этих садках работаю дольше чем ты живешь! Подростком тут начал – чтобы семье помогать! И за все эти годы нихрена я не заработал кроме ревматизма! Сейчас у меня ночная смена – а утром мне браться за метлу и начинать подметать Манеж! Да, Манеж – там, где ты тварь бегаешь почти каждый день!

Точно… вот где я его видел – только не в этом комбезе, а в зеленой рабочей куртке и серых штанах. Он почти каждое утро подметал беговые дорожки на своем участке. И тот убежавший Сёма тоже вроде как оттуда.

Вытерев отвертку и убрав в карман, я задрал уже не знаю какую по счету испорченную футболку и принялся вытирать лицо, хотя знал, что больше размазываю, чем вытираю. Надо возвращаться в Чистую Душу, проходить через черный вход и там уже приводить себя в порядок. Попытаюсь и футболку отстирать –

она темная, думаю, что пятен не будет видно. Мужик подошел почти вплотную, тоже убрал свое оружие в карман и, глядя на меня сверху-вниз, говорил и… плакал, злыми движениями вытирая слезы.

- За чей счет жируешь, сурвер? Ну стал ты хорошеньким перед Дугласом Якобсом. Выслужился как собачка ищейка. Вынюхал спрятанные проблемы. И что? Думаешь стал для него другом? Да никогда ты не станешь для него другом! Такие как они с такими как мы не знаются! Мы для них никто! Не знаю сколько он тебе заплатил, но поверь – он не потерял ни единого динеро, потому что с каждого из нас снял по двадцатке самое малое! Вот ведь выгодно, да? Он трахает нас в заднице, да еще и деньги за это получает! А ты… знаешь что ты при этом делаешь?

- Что?

- Ты его мокрый хер старательно вытираешь и направляешь на задницу следующего нищего работяги – нате, трахайте, босс! Забирайте у него премию, лишайте оплаченного недельного отпуска, режьте зарплату и понижайте в разряде! Давайте, босс! Трахайте глубже! Глубже! Глубже! ДЕРЬМО! И ты, сурвер Амадей Амос ты тоже дерьмо! Ну давай! Бей теперь меня своей сраной отверткой! Бей!

Посмотрев ему в глаза, я отвернулся и пошел прочь.

- Чего же ты уходишь?! Иди и найди еще пятьдесят утечек, сурвер! И пусть нас всех за это поставят на колени и оттрахают хором! Давай!

Вытирая нос, я молчал, а он не унимался, эта одинокая бордовая фигура в желтом скудном освещении пустого коридора:

- Хочешь быть крутым – так хватай за упитанные яйца кого повыше, а не за тощие бубенцы простых сурверов вроде тебя! Какого хера ты нас наказываешь?! И никто из нас тебя не боится! Потому что нам бояться уже нечего! Да темную тебе устроили чтобы ты потом нас опознать не мог – нам ведь семьи еще кормить! А так тебя никто не боится! Потому что ты просто услужливое дерьмо! Подстилка для начальников! Ты гребаное говно, Амадей Амос! Гребаное говно и больше никто!..

**

Я лежал в ванне и, глядя в потолок, откуда на меня капал конденсат, обдумывал случившееся с «разных сторон», раз за разом прогоняя конфликт с начала до конца, оценивая свои действия, думая над услышанным и произнесенным, прикидывая как стоило бы действовать чуть иначе. Этому я научился в одной из прочитанных книг, где советовалось после каждой сложной ситуации хорошенько обдумать ее и оценить свои действия.

Ванна была полна горячей водой, а на лице лежал небольшой

пакетик с быстро тающим льдом – знакомый паренек расстарался, притащив ящик с тремя такими двуслойными пузырчатыми пакетами. Раньше здесь все было отведено под здоровенный спортивный комплекс и из его наследия осталось удивительно много – включая пакеты для компрессов, массажные столы, машины, все еще делающие лед и многое другое, что прежде требовалось для восстановления спортсменов.

Вопросы я себе задавал разные и сам же на них отвечал.

Почему у меня получилось уйти от первого и самого опасного удара в затылок – тут все понятно. Нападавшие не учли, что я терпила-профессионал и перворазрядник в дисциплине «хныкающий мальчик для битья». Я еще со школы узнал, что такое беспричинная «темная» от «любимых» одноклассников. Половую тряпку на голову, несколько быстрых ударов, после чего все разбегаются, я стягиваю мокрую ткань с зареванного лица, а вокруг никого – все сидят за партами и невинно улыбаются. Это повторялось раз за разом. Вскоре я уже перестал задаваться непонимающим вопросом «за что?», а чем старше мы становились, тем более частые и сильные удары я получал. Амадей Амос – ваша любимая отдушина от тяжелых школьных будней. Победить я не мог, да и боялся кого-то тронуть. Поэтому научился избегать подобных ситуаций – двигался только вдоль стен и постоянно оглядывался, старался быть рядом с учителями, не приближался к группам обидчиков, не ходил в туалет и терпел, а если все же попадался, то предпочитал сразу закрыть голову руками и упасть на пол – я рано понял, что одноклассники кулаками бить били, затрещины давали, щипали, а вот пинать ногами лежащего избегали. Был у них такой кодекс чести истинно крутых пацанов – лежачего не бить. Вот и в этот раз рефлекс сработал сам собой. Накинули на голову тряпку – я упал. Все на автомате. И бьющий меня в затылок мужик просто не успел – цель ушла вниз и его кулак просто скользнул по голове. В результате я не отключился, смог выхватить отвертку и благодаря этому кое-как отмахался.

Да…

Вот только за отвертку я схватился зря. Вернее – зря ударил ей. Тут я тоже действовал на рефлексах, поэтому бил с силой, нанеся бездумно сразу два ранения противникам, а третью рану – щека «бордового» - нанес уже вполне осознанно, стараясь нанести максимально сильный урон. И получись у меня – мог бы и убить. Я ведь целил в глаз, но мужик отпрянул и это его спасло.

И каков итог? А он плачевен. Самоконтроль отсутствовал полностью. И нанеси я тому сурверу серьезную рану или убей – это сразу посчитается как превышение самообороны и меня бы

ждала тюрьма. И хрен бы я кому что доказал.

Вывод? В следующий раз действовать обдуманней и постараться найти дополнительное оружие для самообороны. Что-нибудь менее «тяжелое» чем отвертка с подточенным жалом.

Может тоже завести себе стальные когти-медиаторы как тот парень агрессор на чью челюсть я приземлился?

Я приглушенно засмеялся и тут же осекся, когда разбитый нос пронзил укол боли. С носом повезло – не сломан. Небольшое кровотечение уже прекратилось, а ледяной компресс должен предотвратить самые серьезные последствия. Одно плохо – не знаю получится ли в ближайшие дни глубоко нырять в резервные цистерны. Я заинтересовался этим вплотную, кое-что прочитал, узнал о навыке продувки и сброса давления на барабанные перепонки, но вряд ли получится это сделать с забитым кровяными сгустками отекшим носом. Но проверить все равно проверю, как только представится такая возможность.

Последствия конфликта?

Да никаких, не считая их трех ранений и моего разбитого носа. Они не станутся обращаться в Охранку, а ранениями займутся самостоятельно – польют их алкоголем, большую часть приняв внутрь. И я сам никуда обращаться не стану. «Бордовый» проорался мне в лицо, выплеснул все наболевшее, оскорбил меня как мог и на этом утихомирился – скорей всего это он и предложил устроить мне «темную». Среди четверки он главный – а таких я тоже научился определять еще со школы. В каждой кодле найдется свой главный кодлонавт. Если я больше не приду с проверкой, то они гордо запишут себя в победители и на каждой встрече с друганами под дешевое бухло будут тихонько рассказывать, как научили уму-разуму зарвавшегося мальчишку.

Вот только я приду. Причем уже сегодня – время только к полуночи, а график у меня свободный. И приду я не ради того, чтобы доказать свою крутизну. Нет. Я приду чтобы заработать еще денег, чтобы побыть одному там, где по регламенту это запрещено, чтобы вскрыть люк и нырнуть в страшную цистерну с черной ледяной водой. Вот зачем я приду. И сразу бы пошел, но вваливаться туда с окровавленным лицом не хотелось – я прекрасно знал, как жалко может выглядеть человек с разбитым носом – плюс мне сначала хотелось убедиться, что нос не сломан и мне не понадобится его вправлять и закидываться обезболом. Тоже опыт прошлых лет… я мать его опытный в этом деле сурвер…

Волнуют ли меня явно искренние слова «бордового»?

Нет, не волнуют. Даже если он сказал чистую правду, то мне плевать. Никто и никогда не думал обо мне. Все на шестом

уровне не раз видели как меня публично травят, все знали об этом, рассказывали друг другу про терпилу Амоса, вот только никто из этих взрослых сильных сурверов ни разу не подошел к стае моих обидчиков и не защитил меня, не сказал им больше не подходить к одинокому слабому парень с нахер не ненужным ему Великим именем. За меня, бывало, заступались женщины – но не мужчины, что так часто упоминают хваленое кредо сурверов. Так что нет – меня не волнуют их слова, их тяготы, их проблемы. И именно поэтому я сейчас вылезу из ванны, вытрусь свежим полотенцем, натяну еще мокрую футболку и штаны, впихну ноги в высокие резиновые сапоги и пойду честно зарабатывать свои деньги. Додумав эту мысль, я взялся за бортики ванны и потянул себя из воды. С лица соскользнул ледяной компресс и булькнул в горячую воду. Очень быстро компресс растает и его содержимое примет температуру окружающей среды – вот так, наверное, и бывает с теми, кто после устроенной «темной» сдается, принимает ультиматум толпы и становится «как все», чтобы тихонько дожить свою никчемную жизнь. А я… а я нет. Я не хочу захлебнуться в мнении толпы как вон тот жалкий пакетик на дне ванны…

Я не хочу.

И не буду.

**

Куда пойти усталому работяге после долгой ночной смены?

Спать – самое логичное. Но мне не спалось, и я как был отправился в библиотеку, благо абонемент все еще лежал в сумке, а мой внешний вид вполне отвечал канону сурверского работяги. К тому же от меня ничем не пахло, ведь я, проведя в работе всю ночь, полностью закончил осмотр трубопроводов, после чего открыл дальний люк и скользнул в цистерну. Царящий там холод быстро проник под кожу, пошел сквозь мясо дальше к костям и органам, но я оставался так долго, как только мог, чувствуя, как окончательно успокаиваюсь.

Потом, лежа рядом с люком под потоком теплой, почти горячей воды и отогреваясь, глядя вверх, откуда на меня лилось тепло, я размышлял о сурверской водичке. И о халатном отношении к работе. Мы, сурверы Хуракана, давно избалованы в одном и привыкли к скудости другого. Тэмпло – тому живой пример. Под этим монстром сотни труб, но большая их часть полна обычной чистой водой, ведь, по сути, это распределительный узел, что питает большую часть шестого этажа, а может подает воду и выше. Тут нет труб с химикатами, нет никаких там дымящихся реагентов, тут нет труб с раскаленным паром и всего несколько труб с горячей водой, кран

на одной из которых я открыл, под ней открыл кран на холодной и получил душ и мало с чем сравнимое после ледяного купания удовольствие. Утопая в воде, я думал о ней же…

У нас слишком много воды. Ее просто некуда девать. Эти мелкие протечки не влияют ни на кого – потому что Хуракан буквально плавает в затопленных карстовых пластах, полных чистейшей водой. И все сурверы об этом знают. Жажда нам не грозит. Изначально, когда тут все строилось, цистерны для хранения воды сооружались везде где только можно и тут же спешно заливались по самое горлышко. Первые сурверы законсервировали сотни тонн воды и поколениями даже следили за ее качеством, сменяя по мере надобности, очищая, беря пробы и вешая строгие таблички с красной надписью «Не тронь – НЗ!». А потом все это рвение сошло на нет и по очень простой причине – подземные воды вокруг Хуракана остались чистыми и не загрязненными радиацией даже спустя десятилетия. А ведь изначально расчет был совсем на другое. Считалось, что после того, как сурверы укроются под землей, а наверху разверзнется ядерный ад, убежище сможет полагаться только и только на себя в плане обеспечения чем-либо, тогда как воды вокруг будут радиоактивны.

В те начальные времена мы были автономны во всем – и в чем-то по сию пору вынужденно сохранили автономию. Но точно не в воде. Ее мы по мере надобности закачиваем снаружи, очищаем от минеральных примесей, проверяем и нужной «толщины» потоком подаем желающим. Отсюда такая дешевизна питьевой воды, а если вернешь тару, то еще и чуть ли не пятидесятипроцентную скидку получишь. Поэтому я могу так дешево принимать ванны в комплексе Чистая Душа.

Раньше любая капельная протечка воспринималась как катастрофа, общественность тут же громогласно требовала сурово покарать ответственного. Сейчас же мы с безразличием накладываем хомуты, меняем прокладки и затягиваем фланцы, а иногда… просто игнорируем мелкую неисправность. Плевать – воды все равно столько что хоть улейся. Так вот и начали сурверы смотреть на утечки как на ерунду. Вот только они не понимают или не хотят понимать, что вытекающая вода постепенно уничтожает сами трубы, а их у нас в запасе хоть и хватает, но любой запас когда-нибудь исчерпается. Помимо этого, когда мы делаем обход, то заодно визуально проверяем целостность стен и потолков – нет ли трещин, не сочится ли вода. А если не делаешь обхода ради проверки состояния труб, то не проверишь и состояния стен…

Там же, лежа под горячим самодельным душем, я задумался

над остальными источниками – ведь не единой водой живы сурверы Хуракана.

Электричество – главная наша проблема. Реактор не работает или едва работает, где-то трудятся гидроагрегаты, но их выработки хрен бы нам хватило, не введи руководство убежищем жесткую экономию и радикальные меры наказания для всех ответственных. Вот в этой сфере «протечек» почти никогда не случалось. Не горели щитки, не искрили провода, всюду стояли лимитные счетчики, электрики с суровыми лицами безостановочно сновали вдоль электрических линий, постоянно искали способы сэкономить тут и там, то и дело обрубая очередную лампу или меняя на менее мощную.

Продовольствие – с этим в Хуракане было не шатко не валко, но, думаю, голод нам не грозит несмотря на все увещевания Смотрителей есть в меру. Мы очень многое выращиваем сами. А теперь я знал, что немалая часть пищи к нам приходит снаружи из буферных зон вокруг убежища.

В чем мы все еще сохранили хваленную сурверскую автономию?

В чем мы давно уже зависимы от внешнего мира?

О чем я еще не подозреваю?

Вот почему я и отправился в библиотеку, где угостил старушку заведующую «награбленными» рыбными сэндвичами, взамен получил крепкий чай и уселся за недочитанный том Истории Хуракана. Возможно, я пропустил нечто упомянутое вскользь и между строк?

Почему вокруг убежища водятся страшные твари, но при этом нет радиации? Почему невероятные хищные мутанты мирно сосуществуют с не тронутыми радиоактивными мутациями обычной рыбой и моллюсками, живущими в чистейшей воде?

Я читал внимательно, не пропускал ни слова, но что-то мне подсказывало, что на страницах официальных исторических хроник нужных мне ответов я не отыщу…

**

Ничего интересного я не обнаружил. Да многое освежил в памяти, даже сделал небольшую подборку книг для будущего чтива – на них ссылались многочисленные авторы Истории Хуракана. Ну а почему бы не почитать такие труды как «Цель Сурвера», «Важные тонкости Кредо», «Критичные ошибки Старого мира», «Тайны Россогора» и другие? И больше я не нашел ровным счетом ничего полезного, еще раз убедившись в полной бесполезности выхолощенных официальных книг, рекомендованных к чтению. Возвращая книгу на полку, я с трудом сдерживал рвущееся наружу разочарование – и вот на

этой литературе я собирался подвизаться как историк? Эти книги годятся в качестве вечно позитивных полу лживых хроник нашего бытия, но никак не претендую на истину…

Опытный старый библиотекарь правильно прочла выражение моего лица и понимающе кивнула. Раньше она бы и до этого проявления вежливости бы не дошла, а сейчас, вдруг подозвав меня манящим движением сухого пальца, с насаженным на него бигуди – и до меня только сейчас дошло, что у нее всегда оба указательных пальца частично прикрыты этими штуками – и когда я подошел, тихо спросила:

- Не нашел чего искал, герой?

- Не называйте меня так, пожалуйста – попросил я – Просто Амос. Или просто сурвер. И нет, не нашел.

- А что ты искал, сурвер Амос?

- Ну… я искал хронику былых времен… вот только без приукрас и так, чтобы ничего не вырезали, излагали как есть. И чтобы с данными о том, как мы жили, сколько тратили, сколько производили…

- Ого чего захотел простой сурвер Амос. А зачем тебе?

- Всю жизнь хотел быть историком – начала я, а потом, поняв, что цифры — это чуток к другой области, дополнил – Или экономистом.

- Правда?

- Нет – вздохнул я – Честно говоря, мне просто интересно как все было на самом деле. С первых времен и до этого момента. Не посоветуете подобной литературы? Если что – я нем как старая могила.

- У нас нет могил, Амос. Мы уходим в грибницу – заметила старушка и, постучав бигудями на пальцах по столу, коротко кивнула – Знаю тебя давно. Сделаю, пожалуй, для тебя одно исключение. Вот – выдвинув один из ящиков своего заставленного стопками книг стола, она вытащила достаточно толстую и безликую книгу в самодельной яркой обложке с названием «Приключения юного сурвера Дарика. Том первый» - Очень советую почитать эту книгу. А потом вернуть без просрочки. Хорошо?

У меня чуть не сорвалось с языка разочарованное «да я уже читал», но я вовремя спохватился и кивнул, протягивая карточку:

- С удовольствием почитаю. Большое вам спасибо за совет.

- Молодец – удовлетворенно кивнула она и, покосившись на почти спящих над журналами и книгами немногочисленных посетителей читального зала, шепнула – Там про старые дрязги главных строительных подрядчиков. Про автора там тоже написано. Но – т-с-с-с! Никому!

- Понял – кивнул я, убирая книгу в свою сумку и запихивая ее поглубже под остальные вещи – Верну вовремя!

- Хорошо. И не забудь, что я очень люблю леденцы. Разноцветные такие.

- Ни в коем случае не забуду – кивнул я и заторопился на выход, боясь, что она передумает и потребует вернуть книги.

Я знал, что по Хуракану бродят не запрещенные, но не одобряемые правлением книги. Эти труды кочуют с рук на руки, нигде подолгу не задерживаясь. Есть даже подпольный книжный клуб, если верить тем же слухам. Вот только мне никогда не светило туда попасть. А тут вдруг как засветило и попал…

Вот и появилось еще порция нового чтива. Но сначала загляну поговорить к Босуэллу – не знаю почему, но после недавней стычки прямо хочется выговориться…

**

- Сегодня он занят, Амос – этой лаконичной фразой невысокая шатенка, достаточно мягко, но категорично обломала все мои надежды посидеть чуток в удобном кресле и выпить пару коктейлей.

Что ж…

- Все понял и ухожу – кивнул я и повернулся было к двери, но она ухватила меня за плечо, повернула к себе, и я удивился силе ее рук.

- А что у тебя с лицом? – спросила шатенка, оценив состояние моего покрасневшего носа.

Я почему-то со стыдом подумал, что с ее небольшим ростом ей прекрасно видны засохшие кровавые сопли у меня в ноздрях, а потом задумался как часто она вообще видит чужие сопли.

- Да так – улыбнулся я и попытался высвободить плечо, но она меня удержала с той же железной легкостью и повторила вопрос:

- Так что у тебя с лицом?

- Небольшая стычка.

- С кем?

- Работяги Якобс.

- Сколько их было?

- Четверо.

- А с тобой?

- Никого.

- Кто начал?

- Они.

- Причина?

- Я слишком хорошо делал свою работу.

- Чем кончилось?

- Разошлись.

- У тебя нос разбит. А у них?

- Проткнул пару ног отверткой – неглубоко. Другому досталось по щеке – тоже отверткой.

- Хм-м-м… рана на лице… - на мгновение задумавшись, она уточнила – Охранку вызывали?

- Нет. Просто разошлись.

- Кто ушел первым?

- Они.

- Камеры наблюдения?

- Нет. Да все нормально. Мы разошлись. Конфликт исчерпан. И сюда я не защиты пришел искать. Так что не особо важно. Мелочи это все.

- Важно. А мелочей не существует. Ты один из нас, Амос. Напали на тебя – напали на ВНЭКС. И это порождает не только причину для нашего ответа, но и возможно рождает некоторые приятные возможности… ты не уходи пока.

Она не просила – считай приказывала. И исчезла до того, как я успел возразить. Вздохнув, я пощупал сумку, где лежала возможно интересная книга, сдержал желание поковыряться в носу, поразглядывал пару минут плакаты на стенах, а затем шатенка вернулась и кивнула:

- Мистер Босуэлл ждет тебя.

- Он же был занят…

- Времени у него мало – подтвердила она и подтолкнула меня в спину – Так не теряй драгоценные минуты.

Да откуда в ней столько силы? Ее рука как обернутая мягкой резиной стальная дубинка…

Босуэлл встретил меня стоя. Встал он, разумеется, не ради меня, да и к двери подошел тоже не для этого – он вешал на напольную вешалку с хромированными шариками элегантный пиджак мягкого коричневого цвета. Смахнув с ткани пару ворсинок, он крепко пожал мне руку и широко улыбнулся:

- Еще одна драка? Так ты скоро станешь матерым бойцом, Амос… Легенда Хуракана!

- Не смешно – пробурчал я, отвечая на рукопожатие.

- Проходи. Садись. Налить тебе бокал? Коктейлей сегодня нет, но могу угостить неплохим виски. Любишь настоящий виски?

- Никогда не пил.

- Тогда точно стоит попробовать!

Звякая невысокими бокалами, он налил их древнего хрустального графина пару порций поблескивающей и словно бы чуток масляной янтарной жидкости и протянул одну мне. Пока

он этим занимался, я смотрел на него в некотором удивлении – уж очень Инверто был сегодня оживленным. Будто уже успел пропустить тройку стаканчиков. Глаза блестят, весь на подъеме, то и дело прищелкивает пальцами и поглядывает на наручные часы. Усевшись в свое кресло, он дождался, когда я сделаю первый обжигающий глоток и оценю вкус, а потом, еще раз посмотрев на циферблат часов, сказал:

- Рассказывай давай с самого начала про эту драку.

Я рассказал, как было. Ничего не добавил, не убавил. А когда закончил я, закончился и виски в стакане. Мне тут же пополнили его на пару пальцев, а Босуэлл, делая неспешный тягучий глоток виски, задумчиво произнес:

- Вот и повод для меня встретиться с Дугласом Якобсом в приватной обстановке.

- Я не хочу быть жалобщиком – возразил я – Конфликт исчерпан.

- А это неважно чего ты хочешь, Амос – ответил Инверто – Важны открывающиеся пусть небольшие, но возможности. К тому же ты не знаешь имен работяг… не знаешь ведь?

- Откуда?

- Описаний ты их мне тоже не давал. Да и говорить мы будем не о тебе, Амос. Ты и эта драка лишь повод для нашей с ним встречи. И успокойся ты уже – я же вижу что ты до сих пор зол.

- Бесят такие как они – признался я и одним глотком допил свой виски – Просто бесят и всегда бесили. Почему я должен делать свое дело плохо ради того, чтобы им жилось хорошо? Ведь тут даже логики никакой! Если я не буду делать свою работу хорошо – тот же Дуглас Якобс никогда больше не заключит со мной контракта! А если я делаю дело хорошо – меня пытаются избить!

- Логика? – Инверто неожиданно хохотнул и, перегнувшись через стол, налил мне из графина в бокал, выплеснув немного виски на стол – О чем ты, Амос? Таким как они плевать на логику. Им плевать на тебя. Им даже плевать на самих себя. Ты не понимаешь… все, чего они хотят, так это и дальше влачить свое инертное существование, где каждый новый день повторяет предыдущий. И в этом нет ничего удивительно – ведь именно так их запрограммировали, именно так их и вылепили. Понимаешь? Хотя вылепили их ущербно… вылепили неправильно – и этот огрех надо исправлять.

- Вылепили? Этих работяг?

- Этих работяг. И других. Всю народную массу – он несколько раз сжал и разжал пальцы руки, затем прижал ладонь к столу и будто покатал что-то под ней, затем нажал, словно расплющивая

– Всех их вылепили по нужным лекалам.

- Как горшки? Из глины…

- Из глины? – Инверто сморщился – Нет, конечно же. Ну о чем ты? Разве глина пластичный материал?

- Ну вообще – да.

- Нет! Глина пластична только свежая, хорошо замешанная, оттоптанная. Но стоит из нее что-то вылепить и куда отправится готовое изделие?

- На сушку.

- А потом?

- В печь для обжига. Так сказано в школьных учебниках.

- Правильно! В печь для обжига! И что там происходит с глиняным горшком?

- Он становится прочным?

- Да! Он становится закаленным. Принимает навеки окончательную форму – до тех пор, пока его не разбить. Разве можно работать постоянно с таким непослушным материалом, если под разные цели то и дело требуются разные формы? Вот налепил ты винных амфор, а завтра тебе требуются горшки для варки каши. Или вдруг пора хлебные горшки менять на фигурки глиняных солдатиков. И что тогда?

- Накопать еще глины и…

Босуэлл недовольно поморщился и качнул головой:

- Нет! Ты слишком буквален, Амос. Пей свой виски! Разом!

Кивнув, я выпил, ощутил, как алкоголь потек вниз огненной рекой, а Инверто уже долил еще по порции мне и себе, глянул на часы и вдруг спросил:

- Слышал когда-нибудь о пластилине, Амос?

- Пластилин?

- Да. Он самый. Пластилин. Послушная твоей воле и всегда податливая липковатая масса. Как пластилин… ты знаешь, что такое пластилин?

- Детская лепка?

- Нет. А знаешь один из главных секретов работы с пластилином, Амос?

- Он пачкает стол?

- Нет. Один из главных секретов – всегда держать пластилин слегка подогретым. Заморозишь – и он станет неподатливым и хрупким как кусок льда. Перегреешь – и он не удержит нужную тебе форму. Вскипятишь – и пластилин растечется бесполезной яркой пузырящейся слизью – говоря это, Босуэлл повторил свои движения, будто он что-то разминает прямо на столе, а затем лепит – Из пластилина ты можешь вылепить себе все что угодно. Ворчащих, но продолжающих трудиться работяг, послушных

слезливых секс кукол, мрачную надежную охрану, рать верных солдат, готовы выполнить любой твой приказ. Пластилин – чудесная масса для творчества. И пластилин – это народ. Народная вязкая и всегда требующая небольшого подогрева масса, с которой, при должном умении, ты можешь вылепить все, что только тебе заблагорассудится. Да потребуется время, потребуется быть может целое поколение, а то и два, но зато в итоге ты получишь настоящее чудо…

- Пластилин – повторил я, пытаясь уловить суть, но у меня никак не получалось.

- Позже я объясню подробней, Амос – Инверто широко улыбнулся – Ты прочитал то, что я тебе дал?

- Раз двадцать.

- Что-нибудь понял?

- Думаю понял почти все. Могу пересказать.

- Не сегодня – он снова взглянул на часы – Видишь ли этот вечер для меня особенный и таких вечеров у меня в году очень немного – к сожалению. Что-то вроде личного праздника в уединении, где я ем любимое блюдо, слушаю музыку, немного выпиваю, думаю о разном. Понимаешь?

- О… я не знал и…

- Не переживай – улыбнулся Босуэлл, обходя стол и вынуждая меня подняться – У нас будет еще много вечеров для умных бесед и рассуждений о будущем. Если ты со мной, Амос, если ты действительно пойдешь со мной до самого конца, то обещаю – ты узнаешь гораздо больше обо всем.

- И о Базисе?

- Само собой. Его мы обсудим еще не раз и каждый раз, когда я пойму, что ты готов двигаться дальше, ты будешь получать следующую порцию знаний. Завтра буду ждать тебя. Мероприятие…

- Помню – подтвердил я.

- Вот и отлично. А сегодня мой особенный вечер…

- Уже ухожу – сказал я от выхода и поспешно шагнул в сторону, когда дверь внезапно открылась и невысокая шатенка внесла достаточно большой деревянный красивый поднос, на котором покоился прикрывающий какое-то блюдо серебристый колпак, а рядом на белоснежной салфетке лежали нож и вилка.

Поняв, что я тут слишком задержался, я шагнул за порог, не удержавшись, втянул воздух и признался:

- Пахнет вкусно. Жареное мясо…

- Жареное мясо – подтвердил от своего стола улыбающийся Инверто Босуэлл, нетерпеливо потирая руки.

- Вроде не курица – заметил я, прикрывая дверь – Приятного

аппетита, мистер Босуэлл.

- Благодарю, Амос. Угости и ты себя сегодня в Золотом Кортике! За мой счет! И я настаиваю!

- Да я…

- Настаиваю! Там предупредят о тебе – отрезал Босуэлл, в то время как девушка уже поставила поднос на стол – Ступай, Амос. Поешь вкусного, пока я наслаждаюсь этим прекрасным куском свинины…

- Свинины? – я удивленно заморгал – Но мы не выращиваем…

- На вкус – широко-широко улыбнулся Босуэлл, усаживаясь в кресло, пока уже вышедшая в коридор девушка закрывала дверь – На вкус как сочная жирная и поджаристая молодая свининка… Умелый повар творит чудеса! Не переживай – однажды я и тебе дам попробовать этого особого яства! Хорошего вечера, Амос!

- И тебе, Инверто! Еще раз спасибо!

Я двинулся прочь, успев заметить, что шатенка не просто закрыла дверь – она ее еще и заперла, а затем уселась на стульчик в коридоре и замерла, уставившись в экран сурвпада.

Ну и праздник у него… думаю, он мог бы провести вечер в самой элитной компании.

Хотя какое мое дело?

Я уже думал о другом – идти или нет сегодня вечером в Золотой Кортик? Это самое дорогое заведение нашего этажа. И я даже представить не мог что там подают… может оттуда Босуэллу доставили этот поднос с одуряюще ароматным жареным мясом?

Я бы может и сходил, но там, наверное, вся эта золотая молодежь, надменные девушки и…

- Пойду! – решил я, шагая к своей каморке – Переоденусь – и в Золотой Кортик!

И закажу самое дорогое блюдо, чтобы потом ни о чем не жалеть, если в следующей драке меня наконец-то прибьют насмерть. А драки, как мне чудилось, впереди еще будут…

Конец второй книги.

Огромное спасибо, что читали, хвалили и ругали!

Мой официальный канал в Телеграм: https://t.me/demmius

Послесловие @BooksFine

Эту книгу вы прочли бесплатно благодаря Telegram каналу *@BooksFine*.

У нас вы найдете другие книги (или продолжение этой).
А еще есть активный чат: @books_fine_com. (Обсуждение книг, и не только)

Если вам понравилось произведение, вы можете поддержать автора наградой, или активностью.
Страница книги: *Запертый 2*